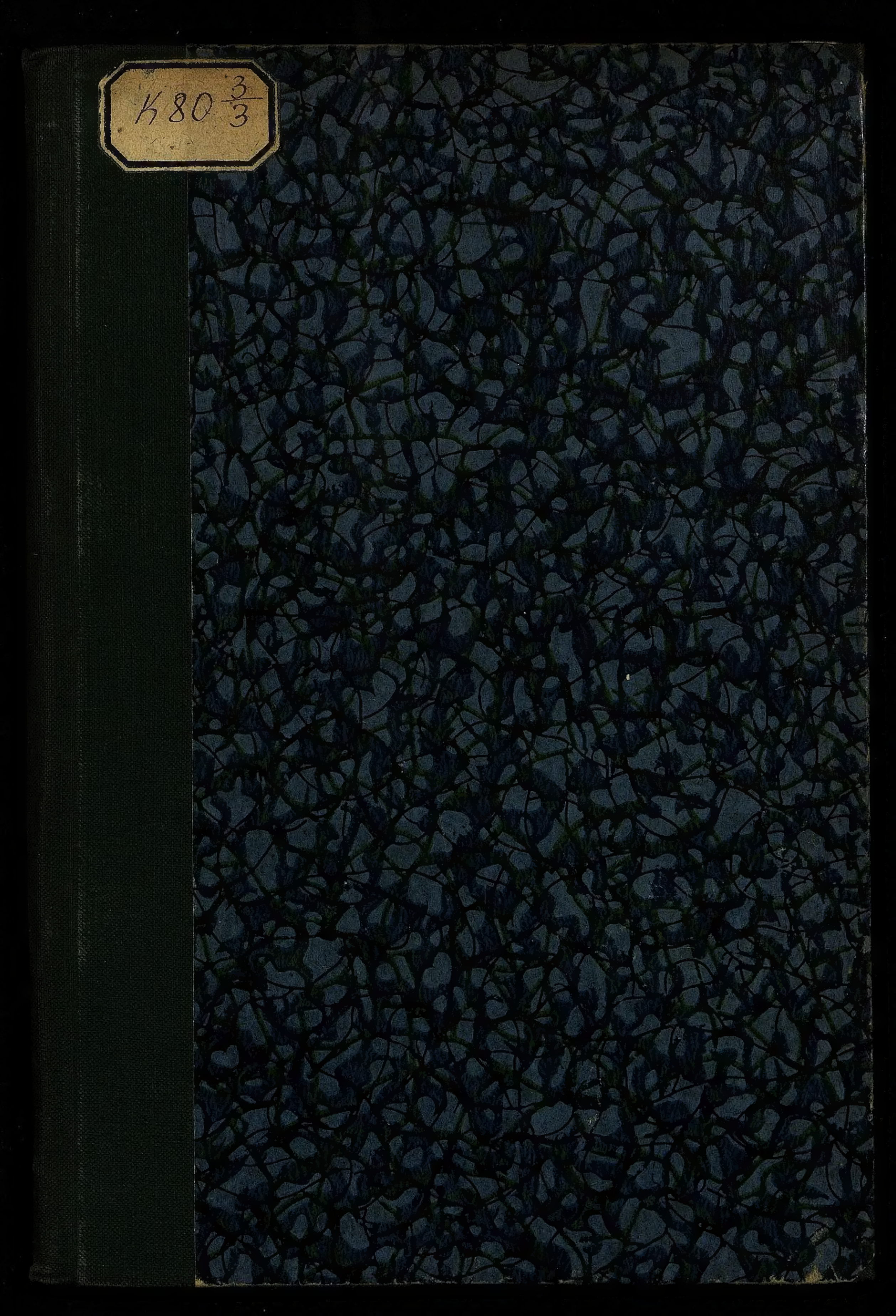


Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
въ память
Императора Александра III.
На средства фонда имени графа П. С. Строганова и И. П. Хрущова.

СВ. ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ

КИРИЛЛЪ и МЕѲОДІЙ

и

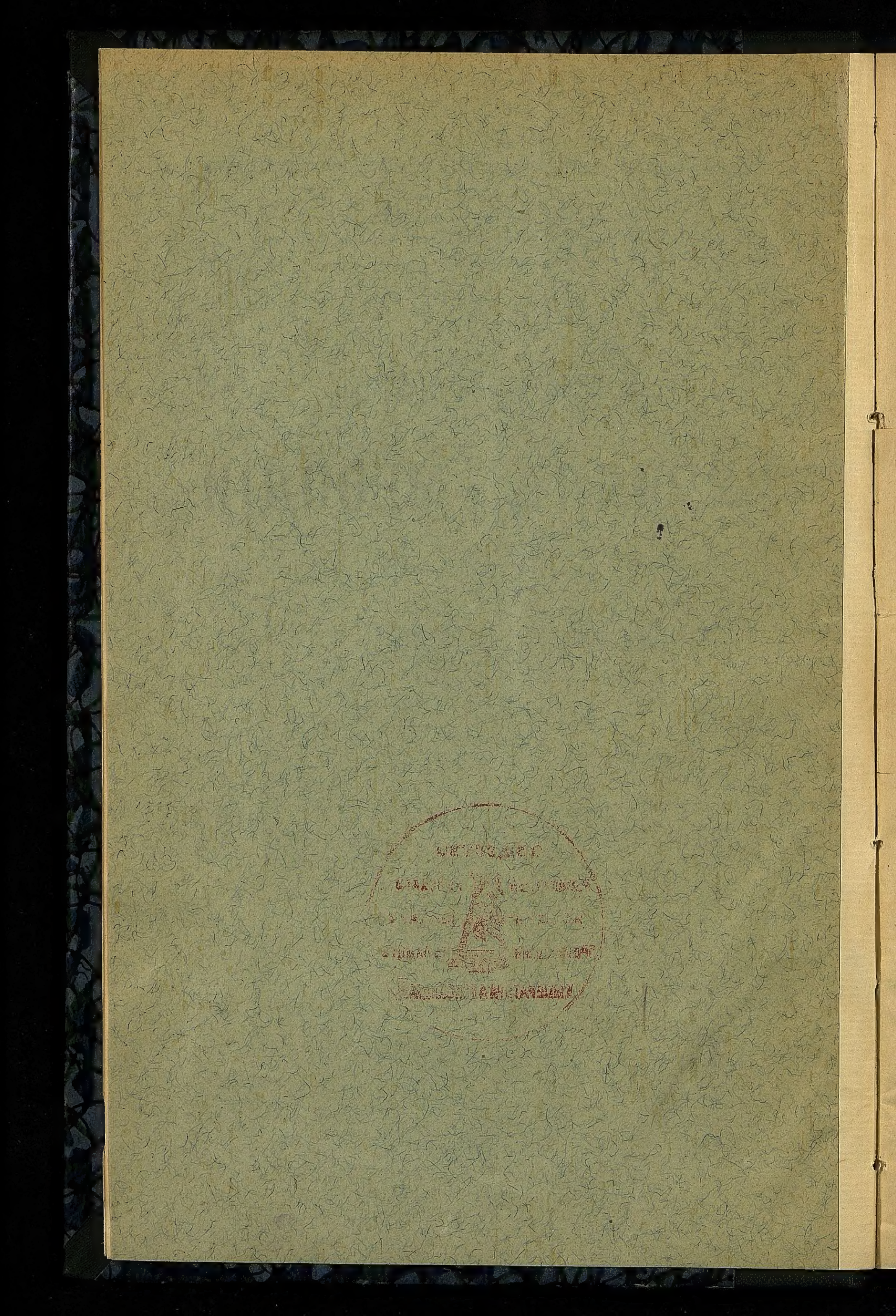
культурная роль ихъ въ Славянствѣ и Россіи.

Очеркъ

Е. И. де-Витте.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.



Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
въ память
Императора Александра III.
На средства фонда имени графа П. С. Строганова и И. П. Хрущова.

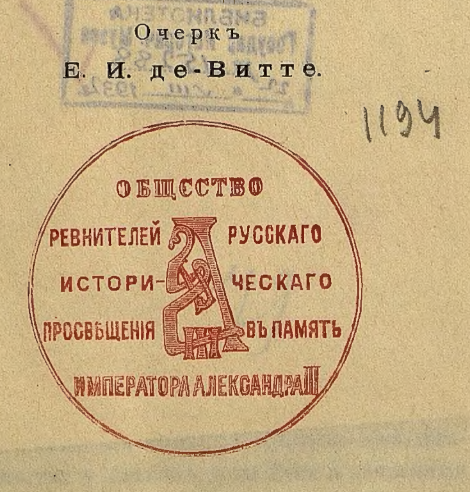
СВ. ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ

КИРИЛЛЪ и МЕѲОДІЙ

и

культурная роль ихъ въ Славянствѣ и Россіи.

Очеркъ
Е. И. де-Витте.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

79

Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издавая очеркъ о Славянскихъ Первоучителяхъ и ихъ культурной роли, принадлежащій перу русской писательницы Е. И. де-Витте, пользующейся почтенной извѣстностью у насъ и у Славянъ своими популярными очерками по исторіи и современности славянскихъ народностей, Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Имп. Александра III надѣется привлечь вниманіе болѣе широкаго круга читателей къ этой исторической темѣ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, мало интересовавшей наше общество, но однако-жъ высоко-интересной и важной какъ съ національно-русской, такъ и съ общей славянской точки зрѣнія, особенно въ наши дни замѣтнаго пробужденія національнаго самосознанія въ русской интеллигенціи.

Авторъ, не претендующій выступать въ данной области, уже много и разносторонне разработанной, самостоятельнымъ изслѣдователемъ, составилъ свой очеркъ на основаніи трудовъ славистовъ-историковъ, а отчасти и публицистовъ (особенно В. И. Ламанскаго, А. Ѳ. Гильфердинга, И. С. Аксакова, И. И. Малышевскаго, А. С. Будиловича, Н. А. Лавровскаго, Е. Е. Голубинскаго, И. С. Пальмова, М. О. Кояловича и др.), которыми и пользовался, прибѣгая нерѣдко прямо къ извлеченіямъ и цитатамъ. Такія, мѣста-

ми значительныя, выдержки изъ сочиненій знатоковъ вопроса, въ умѣломъ подборѣ и группировкѣ, съ указаніемъ источниковъ, могутъ, какъ кажется, только способствовать основательности и авторитетности изложенія.

Въ заключеніе Совѣтъ Общества считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою благодарность дѣйствительному члену Общества профессору И. С. Пальмову, любезно принявшему на себя трудъ дѣятельнаго участія въ редактированіи и корректурѣ очерка.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый здѣсь историческій очеркъ имѣетъ въ виду, въ популярной формѣ, дать русскому образованному читателю сжатый, но, по возможности, полный очеркъ дѣятельности свв. апостоловъ славянскихъ и ихъ культурной роли въ славянствѣ и Россіи, на основаніи трудовъ спеціалистовъ. Но безъ знакомства со сценой непонятно и дѣйствіе, безъ знакомства съ эпохой непонятны и лица, и мы сочли необходимымъ предпослать историческому очерку описаніе той великой міровой сцены, на которой христіанскій Востокъ и Греко-славянскій міръ, въ лицѣ свв. Кирилла и Меѳодія, выступилъ впервые въ борьбу съ латинскимъ Западомъ и Романо-германскимъ міромъ, въ лицѣ папства и латино-нѣмецкой іерархіи, за спиной которой стояли императоры Римскіе (новой Зап.-Р. Имперіи), — борьбу, которая проходитъ чрезъ рядъ вѣковъ и не прекратилась и доселѣ, принимая только разнообразныя формы, выдвигая новыхъ борцовъ и мѣняя сцену, — борьбу, въ которой идетъ рѣчь для всего славянства, *не исключая и Россіи*, о томъ, *быть* или *не быть*. Объ этой борьбѣ и о средствахъ къ тому, чтобы остаться въ ней побѣдителемъ, необходимо какъ можно чаще напоминать нашей интеллигенціи, которая до сихъ поръ болѣе интересовалась итальянскимъ парламентомъ, чѣмъ славянскими дѣлами, которыя вмѣстѣ—и русскія дѣла. Отъ этихъ дѣлъ русскому обществу никуда не уйти, хочетъ-ли оно того, или не хочетъ—судьба Россіи тѣсно связана съ судьбой славянства, и враги наши это знаютъ, почему они и стараются всячески отвлечь насъ отъ вопроса славянскаго и заставляютъ насъ смотрѣть на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія то германской, то австрійской—и ни въ какомъ случаѣ не русско-славянской.

Для Россіи не можетъ быть безразличнымъ, останутся ли свыше 45 милл. *) современныхъ западныхъ и южныхъ славянъ славянами и друзьями Россіи, или же они будутъ поглощены—гдѣ нѣмцами, гдѣ мадьярами, гдѣ итальянцами и пополнятъ собой рядъ нашихъ враговъ. Усиленіе или ослабленіе славянства на 45 мил. съ лишнимъ, а въ послѣдствіи и больше, для Россіи—вопросъ жизни или смерти. Между тѣмъ, русское общество въ громадномъ большинствѣ, по прежнему остается чуждо этому *жгучему вопросу*, какъ все еще чуждо ему понятіе *о народныхъ началахъ*, которыя вмѣстѣ—и славянскія начала, измѣна которымъ угрожаетъ гибелью даже самому могущественному политическому организму. Оставаться вѣрными этимъ началамъ, блюсти и развивать ихъ—вотъ что завѣщали намъ Славянскіе Первоучители, которые, слѣдовательно, должны быть предметомъ благоговѣйнаго культа и серіознаго изученія—и у насъ на Руси, какъ повсюду, гдѣ только раздается славянская рѣчь.

Е. де-Витте.

Кременецъ, 1907

---

*) По новѣйшимъ даннымъ, собраннымъ славистами. См. соч. Т. Д. Флоринскаго «Славянское племя», Кіевъ, 1907 г., стр. 9.

ВВЕДЕНІЕ.

Завѣщанное древнею до-христіанскою Европою раздвоеніе ея на восточную и западную не исчезло съ перенесеніемъ столицы имперіи въ новый городъ, Константинополь, почти въ центръ греческаго міра. Рѣзкое различіе Востока и Запада уже по самому составу ихъ населенія, усиленное на Востокѣ встрѣчею здѣсь римской культуры съ древними культурами: эллинской, іудейской и персидской, которыя не только вступаютъ съ ней въ борьбу, но имѣютъ на нее значительное и весьма разнообразное вліяніе—не стирается и съ утвержденіемъ единой вселенской церкви, которая проникаетъ весь государственный организмъ. И какъ прежде Риму не удалось уподобить древне-греческія земли прочимъ римскимъ провинціямъ и языкомъ латинскимъ вытѣснить языкъ греческій, такъ не удалось и Константину Великому и его преемникамъ эллинизовать западъ. И самое это стремленіе ускоряетъ окончательное отдѣленіе Запада отъ Востока.

Въ то время, какъ западныя провинціи Римской имперіи наводнились воинственными германцами, нанесшими послѣдній ударъ Зап. Р. имперіи,—восточныя провинціи имперіи—Мизія, Ѳракія, Македонія, равно и Паннонія, Далматія, сѣверная и южная Греція, значительно опустѣвшія во время великаго переселенія народовъ, населяются различными племенами славянскими. Но, хотя германскія дружины и разгромили западныя провинціи, онѣ большей частью проникнуты были высокимъ уваженіемъ къ верховному главѣ имперіи, къ ея учрежденіямъ и образованности. Тѣми же чувствами, несомнѣнно, было проникнуто къ императору и новое населеніе восточныхъ провинцій. Въ церкви новая имперія Константина В. получила новое орудіе для борьбы съ варварами, какъ германцами, такъ и славянами, и для пріобщенія ихъ къ единой, греческой культурѣ. Тѣмъ не менѣе, обширная славянская иммиграція въ имперію должна была постепенно вызвать различныя перемѣны въ соціальномъ и политическомъ строѣ, въ администраціи и военной системѣ и усилить еще болѣе различіе Во-

стока и Запада. Въ то же время стремленіе константинопольскаго правительства эллинизовать Западъ пробуждаетъ въ Италіи старую вражду латинянъ къ грекамъ.

Въ 752 г. король лангобардовъ, овладѣвъ Равеннскимъ экзархатомъ, подступилъ къ Риму; большинство его жителей, еще вѣрное императору, отправляетъ пословъ въ Константинополь; но папа Стефанъ II ѣдетъ въ 753 г. во Францію, а въ 754 г. повторяетъ за два года передъ тѣмъ происходившее, съ одобренія его предшественника, Захаріи, миропомазаніе и вѣнчаніе палатнаго мера, Пипина Короткаго, который, захвативъ власть низложеннаго послѣдняго Меровинга, также нуждается въ римскомъ епископѣ и въ освященіи имъ своего захвата, какъ нуждается въ мечѣ франковъ и папа, стремившійся къ самостоятельной власти въ Римѣ и Италіи и къ полному ея освобожденію отъ лангобардовъ и грековъ. Съ новымъ усиленіемъ лангобардовъ, римскіе епископы, Стефанъ IV († 772) и Адріанъ I († 795), еще тѣснѣе соединяются съ франками, которые, особенно въ правленіе Карла В., подчиняютъ своей власти большую часть западной Европы. Наконецъ, папа Левъ III, гонимый уже не лангобардами, а самими римлянами, стремившимися къ независимому самоуправленію, бѣжитъ къ Карлу и умоляетъ его о помощи. Тутъ епископъ римскій и великій вождь германскій сообща обдумываютъ одно предпріятіе, которое вскорѣ и увѣнчалось успѣхомъ и составило одну изъ величайшихъ міровыхъ революцій, развивающуюся и до нынѣ. Папа Левъ III возвращается въ Римъ съ отрядомъ франковъ, а вслѣдъ за нимъ прибылъ туда и король франковъ и въ торжественномъ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, римлянъ и франковъ, разсмотрѣлъ дѣло папы съ римлянами и принялъ его оправдательную присягу. Въ первый же день новаго 800 года, Левъ III, въ базиликѣ св. Петра, передъ гробомъ апостола, торжественно вѣнчалъ короля франковъ въ Римскіе императоры. Такъ совершилось знаменитое возстановленіе Зап. Римской имперіи. Это было явное и полное отложеніе римскаго Запада отъ греческаго Востока. Принятіемъ императорскаго вѣнца отъ папы Льва III Карлъ В. признавалъ тѣмъ самымъ за епископомъ Рима совершенно новое, самовольно присвоенное себѣ послѣднимъ право развѣнчивать одного императора и короновать другого, а за римлянами, вообще италіанцами—право избранія и провозглашенія императоровъ. Узурпаторъ власти и титула Римскаго императора, Карлъ В., какъ прежде узурпаторъ власти и титула короля Пипинъ, нуждался въ благословеніи, освященіи и вѣнчаніи римскаго епископа. Но такъ какъ послѣдній до этого времени не имѣлъ никакого права на раздачу королевскаго и императорскаго титула, то Пипинъ и Карлъ В. должны

были желать, чтобы онъ измѣнилъ своему государю, римскому императору въ Константинополѣ, и сдѣлался такимъ же узурпаторомъ, какъ и они сами. Позднѣйшіе императоры Западной Европы, и въ умахъ современниковъ, и ихъ собственномъ, считая себя преемниками и наслѣдниками Карла В., тѣмъ самымъ признавали за римскимъ епископомъ право возводить и низводить государей. Безъ узурпаціи со стороны папъ не могла бы состояться на западѣ и узурпація имперіи.

По понятіямъ Запада, съ имперіей Карла В., а потомъ Оттона I возстановлена была единая цѣлая имперія Римская, а не возобновилось старинное дѣленіе Р. имперіи на восточную и западную. Фикція о перенесеніи Р. имперіи отъ грековъ къ франкамъ и потомъ къ нѣмцамъ нуждалась въ фикціи подлинности дарственной грамоты Константина В. и Лже-Исидоровскихъ декреталій (сборникъ папскихъ постановленій). Эта западно-европейская имперія, не только въ средніе вѣка, но и до XVI в. и по нынѣ всегда находилась въ самой тѣсной и внутренней связи съ папствомъ, въ ожесточенной-ли борьбѣ или въ крѣпчайшемъ союзѣ съ нимъ, но всегда отъ тѣхъ или иныхъ отношеній къ нему получала свою силу и значеніе.

Но безъ національнаго отвращенія итальянцевъ къ готамъ, лангобардамъ и грекамъ, никогда бы римскіе епископы не пріобрѣли себѣ независимаго положенія въ отношеніи къ константинопольскому правительству и не рѣшились бы прибѣгнуть къ помощи франковъ. Съ другой стороны, принявъ однажды христіанство отъ Рима и латинскій языкъ, какъ языкъ церкви, римскаго права и вообще римской культуры, германцы не могли уже не проникнуться убѣжденіемъ, что для христіанскаго міра имперія необходима, но что она невозможна въ рукахъ грековъ. Стремленіе къ объединенію и высокое уваженіе къ сану Римскаго императора глубоко запали въ народное сознаніе франковъ и другихъ германскихъ племенъ еще задолго до Карловинговъ, а стремленіе Италіи освободиться отъ лангобардовъ и грековъ довершили остальное.

Такимъ образомъ, такъ называемое возстановленіе Р. имперіи является естественнымъ плодомъ скрещенія троякаго рода основныхъ историческихъ элементовъ новой Европы—римскаго папства, стародавнихъ національныхъ традицій Рима и Италіи и народныхъ стремленій и историческихъ условій быта германцевъ.

Общее соглашеніе и взаимный союзъ этихъ трехъ элементовъ, подготовленныя вѣками ихъ предшествовавшей исторіи, естественно, должны были выразиться не въ какомъ иномъ видѣ, какъ именно въ подобномъ актѣ возстановленія Р. имперіи франковъ, а потомъ нѣмцевъ. Но, вступая въ этотъ общій союзъ, каждый

членъ его стремился осуществлять свои собственныя задачи съ помощью остальныхъ двухъ. Главныя цѣли этихъ союзниковъ были не только различны, но даже противоположны. Но сильною скрѣпою и связью этихъ трехъ разнородныхъ и часто открыто враждебныхъ элементовъ романо-германскаго Запада было единовременное существованіе о бокъ съ нимъ міра греко-славянскаго, а въ немъ—церкви и имперіи восточной. При всѣхъ противорѣчіяхъ и разногласіяхъ своихъ главныхъ стремленій, при всей взаимной враждѣ, папство, Италія и Германія сходились въ одномъ—въ убѣжденіи, что греки были недостойны продолжать міродержавную роль римлянъ, что ихъ слѣдовало развѣнчать и лишить имперіи. По духу времени, главнымъ основаніемъ и оправданіемъ такого насильственнаго акта надъ греками должны были быть преимущественно религіозныя побужденія.

Почти одновременно съ возстановленіемъ Р. имперіи, на Западѣ, въ большей части франкскихъ церквей, уже вошла въ употребленіе извѣстная прибавка въ символъ вѣрѣ «и отъ Сына» (filioque), предложенная на Толедскомъ соборѣ въ 589 г. Въ первой же половинѣ IX в., въ эпоху упадка имперіи Карла В., въ церкви франкской же, въ Майнцѣ, возникла знаменитая поддѣлка, имѣвшая такое сильное вліяніе на отпаденіе Рима отъ восточной церкви и извѣстная подъ именемъ Лже-Исидоровскихъ декреталій. Составители ихъ имѣли въ виду обезпечить власть епископовъ отъ посягательствъ свѣтской власти и для сего поднять и возвысить власть римскаго епископа надъ верховною государственною властью. Къ этому Лже-Исидоровскому сборнику присоединилась еще поддѣлка дарственной грамоты Константина В. Всѣ послѣдующія явленія религіозной и политической жизни такъ развивались на Востокѣ и Западѣ, что церковный разрывъ становился неизбѣжнымъ: онъ завершалъ и увѣнчалъ собою то раздѣленіе Востока и Запада, которое открылось вѣнчаніемъ Карла В. въ Римѣ и торжественнымъ провозглашеніемъ Запада о перенесеніи Р. имперіи отъ грековъ къ франкамъ. Позднѣйшее развитіе папства окончательно обособило и отдѣлило церковную, культурную жизнь Востока и Запада. Такимъ образомъ, возстаетъ древнее раздвоеніе Греко-Римское, только обновленное и усиленное. Являются двѣ имперіи: каждая изъ нихъ присваиваетъ себѣ право называться Римскою и отрицаетъ у своей соперницы званіе этой имперіи; являются двѣ христіанскія церкви—каждая изъ нихъ только себя признающая вселенскою и апостольскою и обвиняющая противника въ искаженіи чистоты ученія и преданія древняго христіанства. Къ старой племенной розни грековъ и римлянъ прибавилась еще взаимная религіозная нетерпимость и ненависть, принесенная къ нимъ религіоз-

нымъ энтузіазмомъ семитскаго характера. Къ старому племенному несогласію римлянъ и грековъ присоединился такой же антагонизмъ двухъ новыхъ, прибывшихъ на историческую сцену, великихъ племенъ, германцевъ и славянъ. Оба эти племени, не менѣе близкія между собою, какъ греки и римляне, уже сталкивались враждебно до обоюднаго подчиненія греко-римской образованности. Можно предположить, что ихъ взаимная вражда восходитъ ко II—III вв., ко времени господства готовъ въ нынѣшней южной Россіи и довольно суроваго ихъ владычества надъ различными вѣтвями славянъ. Сближаясь съ Германіей, Италія, Римъ прививали ей мало-по-малу свои взгляды на грековъ и свою старую непріязнь къ нимъ. Германцамъ же тѣмъ легче было передать Риму и Италіи свои недружелюбные взгляды на славянъ, что со времени Велисарія послѣдніе составляли важную военную силу грековъ въ Италіи, что въ 600 г. папа Григорій I съ горечью замѣчалъ, какъ славяне сильно угрожаютъ имперіи. Съ образованіемъ имперіи Карла В. и съ отдѣленіемъ римской церкви произошло полное сопроникновеніе римскаго и германскаго элементовъ и твердо установилось единство романо-германскихъ воззрѣній, религіозныхъ и политическихъ, на грековъ и славянъ, какъ на схизматиковъ, еретиковъ и варваровъ, которые должны быть покорны духовной власти римскаго епископа и мечу римско-германскаго императора.

Уже съ VII в. интересы грековъ и славянъ такъ становятся общи и солидарны по отношенію къ Западу, что, отбиваясь отъ его нападенія, славяне защищали не только свою народность, но и греческую имперію и греческую церковь. Греки же, охраняя отъ Запада свою церковную и политическую независимость, оберегаютъ тѣмъ самымъ внѣшнюю и внутреннюю свободу современныхъ и будущихъ поколѣній всего славянства [1]).

I.

Для исторической будущности не только славянства, но и всего человѣчества было чрезвычайно важно рѣшеніе вопросовъ: 1) къ какому изъ двухъ культурныхъ центровъ, Риму или Константинополю, примкнетъ племенная масса славянъ; 2) примкнетъ-ли она къ этому центру по способу механической прививки или органическаго сживанія, и 3) узнаетъ-ли она день своего призванія. Отвѣтъ на это былъ уже опредѣленъ въ нѣкоторой степени есте-

[1]) В. И. Ламанскій. Видные дѣятели зап. слав. образованности XV, XVI и XVII ст. Историко-литер. и культ. очерки. Введеніе. Слав. сборникъ т. I.

ственнымъ ходомъ событій, но ходъ этотъ могъ быть и нарушенъ. Славянамъ трудно было колебаться въ выборѣ. Географическое положеніе сближало ихъ съ Царьградомъ, и по самому характеру своему они ближе были по духу къ эллинизму, насколько суровый и воинственный характеръ германцевъ роднилъ ихъ съ желѣзнымъ Римомъ. И самое выступленіе славянъ на историческое поприще было въ значительной степени предопредѣлено исторической обстановкой IX в. Къ этому времени сильно развилось давленіе на нихъ съ одной стороны — сарацынъ, съ другой—латиногерманцевъ. Мусульманство успѣло уже къ IX в. раскинуться на огромномъ пространствѣ и развить довольно значительную культуру въ Багдадѣ, Каирѣ и Кордовѣ. На ряду съ Царьградомъ и Римомъ, третьимъ сильнымъ центромъ миссіонерской дѣятельности былъ Багдадъ. Исламъ успѣлъ уже проникнуть чрезъ Гибралтаръ и Средиземное море въ Испанію, Сицилію, Италію, на островъ Критъ, но и чрезъ Кавказъ въ степи понто-каспійскія. Изъ Хозаріи онъ проникалъ уже въ Русь и даже съ болгарами за Дунай.

Съ другой стороны на Западѣ совершалось въ VIII и IX вв. образованіе огромной франкской монархіи и сильно централизованнаго папства, вступившихъ въ союзъ для совмѣстнаго движенія на Востокъ. Критическое положеніе славянства вызвало среди нихъ смутное броженіе образовательныхъ началъ, вызвавшее одновременно возникновеніе цѣлаго ряда политическихъ союзовъ: русскаго, польскаго, чешскаго, моравскаго и др. Но эти отдѣльные союзы не могли бы выдержать напора мусульманъ съ Востока и латинофранковъ съ Запада, не появись въ ихъ средѣ какого-либо духовнаго цемента для объединенія силъ племени. Одновременно съ этимъ и греческій Востокъ переживалъ тогда одинъ изъ опаснѣйшихъ кризисовъ. Прежній перевѣсъ силъ Востока надъ Западомъ исчезъ вслѣдствіе давленія арабовъ съ юга, франковъ съ запада, славянъ съ сѣвера. И въ то время, какъ папа владѣлъ уже всей Италіей, Галліей, Британіей, Германіей, частями западнаго славянства и даже налагалъ руку на большую часть Балканскаго полуострова, церковь восточная крайне ослабѣла отъ занятія арабами патріархатовъ: александрійскаго. антіохійскаго и іерусалимскаго, а равно и отъ значительныхъ смутъ иконоборческихъ, раздѣлившихъ имперію на два враждебныхъ лагеря. Инстинктъ самосохраненія вызвалъ тогда въ Царьградѣ усиленную умственную и практическую дѣятельность и цѣлый рядъ высокодаровитыхъ лицъ, возродившихъ Восточную имперію и церковь и на шесть вѣковъ продолжившихъ борьбу ихъ съ Западомъ. Во главѣ этихъ даровитыхъ людей, безспорно, стоялъ знаменитый Фотій, впослѣдствіи патріархъ. Онъ первый взвѣсилъ опасности, угрожавшія восточ-

ному христіанству изъ Аравіи и Рима, и первый понялъ, что для отраженія ихъ необходимо грекамъ имѣть союзника, который могъ-бы уравновѣсить союзъ Рима съ германцами. Этимъ объясняется обширная миссіонерская дѣятельность, обращенная главнѣйше на славянъ. Но всѣ эти планы и мѣры не привели бы ни къ чему, если бы не выступили тогда два новые, равносильные Фотію дѣятеля, солунскіе братья, Константинъ и Меѳодій [1]).

По свидѣтельству «Паннонскихъ житій», считающихся наиболѣе достовѣрнымъ источникомъ о жизни и дѣятельности солунскихъ братьевъ, въ первой половинѣ IX в. въ Солунѣ жилъ нѣкій мужъ, именемъ Левъ, изъ богатаго, знатнаго рода, мужъ благочестивый и праведный, занимавшій важную государственную должность правителя славянской области. Левъ имѣлъ семь сыновей, изъ которыхъ старшій былъ Меѳодій, а младшій—Константинъ.

Левъ умеръ, когда Константину было 14 лѣтъ. Онъ поступилъ въ школу, гдѣ болѣе другихъ учениковъ преуспѣвалъ памятью и разумомъ, такъ что всѣ дивились ему.

Солунь, на южной окраинѣ Македоніи, у берега Солунскаго залива, при устьѣ р. Вардара, былъ окруженъ славянскими поселеніями, и самый городъ былъ наполненъ славянами. Въ теченіе ряда вѣковъ солунская равнина заселялась славянами. Въ VI и VII вв. македонскіе славяне не разъ безуспѣшно осаждали Солунь, но въ концѣ VII в. славяне уже въ мирѣ съ греками, сближаются съ ними, усваиваютъ ихъ культуру. Вслѣдствіе смѣшанности населенія, Солунь былъ въ эту пору городомъ двуязычнымъ. Каждый житель города говорилъ по-гречески и по-славянски. Отецъ же Константина и Меѳодія, какъ занимавшій видное мѣсто въ военной іерархіи имперіи («друнгарій подъ стратигомъ»), долженъ былъ вполнѣ владѣть славянскимъ языкомъ (македонскимъ нарѣчіемъ); несомнѣнно, и дѣти его съ дѣтства говорили по-славянски.

«Съ особеннымъ усердіемъ предавался Константинъ изученію твореній св. Григорія Богослова». Отецъ и учитель церкви, св. Григорій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ христіанскимъ поэтомъ въ истинномъ смыслѣ слова, почему извѣстныя стихотворенія его, содержанія догматическаго, созерцательнаго, нравственнаго, историческаго, имѣютъ особенное воспитательное значеніе. Но, убѣдившись, что богословскія творенія св. Григорія не могутъ быть доступны его пониманію безъ настоящаго обученія наукамъ, Константинъ обратилъ всѣ свои помыслы къ этимъ послѣднимъ, и страстное, непреодолимое желаніе изучать ихъ овладѣло имъ. Въ

[1]) А. С. Будиловичъ, Нѣсколько мыслей о греко-слав. характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія стр. 1—117. Юбил. Варш. сборникъ 1885.

Солунѣ, однако, не оказалось людей, которые могли бы удовлетворить его желаніямъ, и Константинъ впалъ въ великое уныніе. Но, къ счастью для юноши, о необыкновенныхъ его способностяхъ и прилежаніи дошло до свѣдѣнія цареградскаго двора, и онъ былъ взятъ въ товарищи будущаго Императора, Михаила III.

Въ 842 г. умеръ императоръ Ѳеофилъ; ему наслѣдовалъ трехлѣтній сынъ его Михаилъ, за котораго правила мать его, императрица Ѳеодора, съ тремя опекунами: патриціемъ Вардою, магистромъ Мануиломъ и логоѳетомъ Ѳеоктистомъ. Послѣдній становится покровителемъ Константина. Здѣсь-то, подготовленный Солунской школой, даровитый юноша учится у знаменитаго ученаго Льва. При императорѣ Ѳеофилѣ Левъ былъ Солунскимъ митрополитомъ и придерживался иконоборческаго ученія; съ возстановленіемъ Ѳеодорою иконопочитанія, Левъ долженъ былъ оставить Солунскую каѳедру и, переѣхавъ въ столицу, занялъ должность учителя философіи, въ высшей такъ называемой Магнаврской школѣ, основанной знаменитымъ вельможею Вардою, братомъ императрицы Ѳеодоры, любителемъ и покровителемъ просвѣщенія. Знаменитый ученый Фотій былъ также учителемъ въ этой школѣ. Подъ руководствомъ этихъ двухъ и другихъ ученыхъ Константинъ проходитъ весь кругъ тогдашнихъ наукъ. Успѣхи его въ философіи были настолько серьезны, что прозваніе философа, съ которымъ онъ извѣстенъ, было усвоено ему еще во время ученія. По окончаніи ученія, полюбившій его какъ сына Ѳеоктистъ предложилъ ему въ жены свою крестницу, дѣвушку съ большимъ приданымъ, обѣщая ему вскорѣ и должность стратега; но такая блестящая будущность не соблазнила Константина. Его манила къ себѣ созерцательная монашеская жизнь, вдали отъ большихъ городовъ; но удержанный въ Царьградѣ, онъ принялъ санъ священника, должность патріаршаго библіотекаря, а потомъ преподавателя философіи. Однако, онъ тайно оставляетъ столицу, чтобы укрыться въ одномъ монастырѣ на Узкомъ морѣ (Мраморномъ морѣ). Послѣ шестимѣсячныхъ поисковъ его нашли, и онъ возвращается въ столицу.

Живя въ просвѣщенномъ кругу Цареградскаго двора, въ тѣснѣйшемъ общеніи и дружбѣ съ Фотіемъ, онъ принималъ участіе во всемъ умственномъ движеніи того времени. Византія переживала тогда періодъ, отличавшійся живой борьбой идей, нашедшей себѣ выраженіе въ системѣ иконоборчества, и, хотя иконопочитаніе и было возстановлено (842 г.), тѣмъ не менѣе приверженцы иконоборчества не отказывались отъ своихъ мнѣній, и представители православія должны были вести съ ними литературную и устную полемику. Такъ Фотій написалъ нѣсколько разсужденій въ защиту почитанія иконъ. Устныя пренія о религіозныхъ пред-

метахъ были въ это время явленіемъ самымъ обыкновеннымъ въ Цареградѣ, и въ нихъ принимало живое участіе все общество. И молодому философу Константину пришлось, по порученію императрицы, вести диспутъ съ упорнымъ иконоборцемъ, низложеннымъ патріархомъ Анніемъ (Іоанномъ Грамматикомъ). Константинъ велъ диспутъ съ блестящимъ успѣхомъ и пріобрѣлъ славу отличнаго полемиста и защитника православія. И вотъ, ему даютъ рядъ порученій, одно за другимъ, самаго серьезнаго характера. «Житія», говоря о сарацинской миссіи въ Багдадъ, подробно описываютъ пренія съ мусульманскими мудрецами при дворѣ калифа. Эту миссію обыкновенно относятъ къ 851 г., считая ее спеціальной миссіей Константина философа. Академикъ В. И. Ламанскій въ новѣйшемъ трудѣ своемъ [1]) объясняетъ эту миссію ничѣмъ инымъ, какъ византійскимъ посольствомъ для заключенія перемирія и для обмѣна плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ послѣ трехлѣтнихъ враждебныхъ столкновеній. Въ посольствѣ принималъ участіе и Константинъ. По арабскимъ извѣстіямъ, Константинъ получилъ секретную и довольно опасную миссію. Онъ былъ избранъ, какъ знатокъ славянскаго языка и славянъ, игравшихъ не малую роль въ военныхъ дѣлахъ арабовъ съ греками. Къ этому времени въ Малой Азіи было много славянскихъ поселеній въ пограничной области имперіи, и арабы имѣли случай познакомиться съ славянами. Множество славянъ переходило къ арабамъ. Византійское правительство, какъ кажется, хотѣло испытать счастья, не удастся-ли состоящихъ на службѣ у арабовъ славянъ, такъ или иначе омусульманенныхъ, обратить въ христіанство. Дорога къ мѣсту переговоровъ шла близъ крѣпости Лулу, чрезъ слѣдовавшее за тѣмъ славянское поселеніе. Можно думать, что и въ этой крѣпости, отнятой арабами у Византіи въ 832 г., поселены были славяне. Быть можетъ, вслѣдствіе пребыванія среди нихъ Константина философа и бесѣдъ его съ ними, въ 856 г. зародился въ Лулу кружокъ людей, расположенныхъ къ христіанству и представительницѣ его, Византіи, съ желаніемъ отторгнуться отъ Багдада. Въ 858 г. крѣпость Лулу была уже въ рукахъ грековъ, но въ слѣдующемъ году мусульманская сторона вновь одолѣла, греческій начальникъ выданъ арабамъ, а на должность его вновь назначенъ мусульманинъ [2]). Очень можетъ быть, что во время пребыванія Константина философа у арабовъ, мусульмане, узнавъ, какой ученый мужъ находится въ посольствѣ, и пригласили его на пренія, которыя описаны въ «Житіяхъ». Страсть къ богословскимъ диспутамъ перешла отъ грековъ къ арабамъ вмѣстѣ съ греческою образованностью въ Багдадъ.

[1]) Журналъ М. Н. П. 1903 и 1904 гг. Славянское житье св. Кирилла и пр.
[2]) Акад. В. И. Ламанскій, тамъ же.

По возвращеніи изъ сарацинской миссіи, Константинъ философъ удаляется въ монастырь на малоазійскомъ Олимпѣ, гдѣ находитъ брата своего Меѳодія, который, оставивъ должность правителя области, принялъ монашество. Съ этихъ поръ братья дѣйствуютъ вмѣстѣ.

Царьградъ, подобно Солуню, былъ въ тѣ вѣка окруженъ славянскими поселеніями, какъ на европейскихъ, такъ и на малоазійскихъ берегахъ Понта, Босфора и Пропонтиды. Особенно переполнены были славянами мало-азійскія области вокругъ горы Олимпа, части древней Мизіи и Виѳиніи, гдѣ славяне осѣдали уже давно. Съ VII в. славяне тутъ усиливаются. Можно утверждать, что въ М. Азіи, по склонамъ и въ ущельяхъ Олимпа, а равно и по берегамъ окружающихъ его озеръ, рѣкъ и сосѣднихъ морей, въ IX в. обитало множество славянъ, связанныхъ непрерывной исторической нитью съ генетами или венетами, тѣми же славянами, поселившимися въ древности, и находившимися въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ славянами Балканскаго полуострова и Греціи. Можно предположить, что они приняли христіанство раньше другихъ славянъ. Здѣсь находились основанныя апостолами церкви Эфеса, Смирны, Пергама, Ѳіатира, Сардъ, Филиппополя и Лаодикіи. Нѣкоторыя изъ этихъ церквей находились по близости новыхъ славянскихъ поселеній въ древней Мизіи и Виѳиніи. Здѣсь же находились и старые центры христіанства: Никея, Никомидія, Халкидонъ. Не удивительно поэтому, что склоны мало-азійскаго Олимпа гораздо ранѣе покрылись церквами, монастырями, кельями, чѣмъ ущелья Олимпа Македонскаго и даже подножія святого впослѣдствіи Аѳона. Въ то время не было вражды между греками и славянами, какая потомъ развилась на Балканскомъ полуостровѣ. Къ этому надо прибавить величественную природу мало-азійскаго Олимпа, благодаря которой онъ сдѣлался еще ранѣе жилищемъ боговъ языческихъ, и въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ въ сѣверо-западной области М. Азіи. Съ его снѣжныхъ вершинъ виднѣются: и Черное море, и Босфоръ съ окаймляющими его холмами, глава св. Софіи и окружающихъ ее теперь минаретовъ,—вся Пропонтида съ синѣющими ѳракійскими берегами, съ ея островами, полуостровами, заливами; къ востоку тянутся равнины Галатіи, Мизіи, Виѳиніи, а на югъ—горныя цѣпи Фригіи; на сѣверѣ плещутъ въ подножія Олимпа три прелестныхъ озера; на западѣ бѣгутъ ему навстрѣчу безчисленные отроги Иды. Олимпъ мало-азійскій не имѣетъ того сумрачнаго величія, которое характеризуетъ Олимпъ македонскій. То—гора свѣтлая, радужная, сіяющая. И въ христіанское время Олимпъ становится опять престоломъ новаго культа. И теперь еще лѣсистые склоны и ущелья

кишатъ монахами, но не христіанскими, а турецкими дервишами. Если теперь сопоставить физическія прелести мало-азійскаго Олимпа и окружающихъ его равнинъ, особенно по Пропонтидѣ, священный искони характеръ этой мѣстности, богатство связанныхъ съ ней историческихъ преданій, ея близость къ Царьграду, греко-славянскій издревле составъ ея населенія,—то станетъ понятно, что эта область, въ частности же Олимпъ и окружающіе его монастыри должны были оказывать могучее притягательное дѣйствіе на людей такого происхожденія, воспитанія и душевнаго склада, какими были солунскіе братья [1]. И они полюбили Олимпъ и, при всякой возможности, удалялись на него.

Тѣ многочисленныя славянскія племена, которыя населяли провинціи имперіи, вѣроятно, внушили Константину философу мысль открыть имъ источникъ просвѣщенія на ихъ родномъ языкѣ и побудили его приступить къ этому дѣлу составленіемъ азбуки, приспособленной къ славянскому языку, и переводомъ на этотъ языкъ св. Писанія. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ современникъ братьямъ, черноризецъ Храбръ: «Прежде славяне не имѣли книгъ, но чертами и рѣзами считали и гадали, будучи язычниками. Крестившись, они *по нуждѣ* изображали римскими и греческими письменами славянскую рѣчь, *безъ устроенія*... и такъ они пребыли много лѣтъ. Потомъ же человѣколюбецъ Богъ, устрояющій все и не оставляющій рода человѣческаго безъ разума, но всѣхъ къ разуму приводящій и ко спасенію, помиловавъ народъ славянскій, послалъ ему св. Константина философа, именуемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и любящаго истину, и онъ сотворилъ славянамъ письмена...» Такъ было и съ славянскимъ просвѣщеніемъ: славяне жили въ язычествѣ, и мысль ихъ была такъ же темна, какъ черты, которыми они считали и гадали; потомъ ихъ крестили: сербовъ, хорватовъ, хорутанъ, паннонскихъ славянъ—священники римскіе и нѣмецкіе,—различныя общины во Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи, Элладѣ, Мореѣ, даже въ Мизіи съ нашествія болгаръ—священники греческіе; но какъ они стали тогда «безъ устроенія» изображать чужими письменами славянскую рѣчь, такъ точно были въ духовномъ рабствѣ у чужихъ народовъ, не имѣли «своего разума». Прошло 200 лѣтъ. Тогда «человѣколюбецъ Богъ, устрояющій все и всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасенію, помиловавъ народъ славянскій», послалъ ему Константина, и онъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ далъ славянамъ не только письмена, но и самобытную христіанскую мысль [2].

Свидѣтельство это драгоцѣнно. Азбука чертами и рѣзами, или *руническая*, очень древняя. Греческая азбука смѣнила руны, вѣроятно,

---

1) А. С. Будиловичъ, цит. соч.

2) А. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 47—8.

преимущественно въ краяхъ сосѣднихъ съ сильными греческими культурными центрами, въ Корсунѣ, Солунѣ, Царьградѣ и другихъ, и въ краяхъ, гдѣ христіанство вводилось греками; напротивъ, тамъ, гдѣ христіанство вводилось латинскимъ духовенствомъ, вводился и латинскій алфавитъ. Прежде всего это случилось съ венетами сѣверной Италіи, которые уже въ первые вѣка эры христіанской романизованы безповоротно. Отсюда вліяніе Рима распространялось на востокъ, оно поддерживалось здѣсь церковнымъ и гражданскимъ вліяніемъ Аквилеи [1]), роль которой для славянъ Истріи и хорватскаго побережья Адріатическаго моря соотвѣтствовала просвѣтительной роли Корсуня въ Крыму и побережьяхъ Чернаго моря, тогда какъ македонскому Солуню соотвѣтствовалъ далматинскій Сплѣтъ [2]). Отсюда оно распространялось къ сѣверу, въ Паннонію, Норикъ и далѣе. Такимъ образомъ, исходными пунктами распространенія греческихъ буквъ можно признать: Царьградъ, Солунь и Корсунь, а латинскихъ — Римъ, Аквилею, Сплѣтъ. Тѣ двигались съ юга на сѣверъ, эти — съ запада на востокъ и неизбѣжно должны были гдѣ-нибудь встрѣтиться съ тѣмъ, чтобы или войти въ какую-нибудь комбинацію или, послѣ упорной борьбы, уступить, оставивъ поле за одной изъ чистыхъ системъ, греческой или латинской. Но примѣненіе греческаго или латинскаго алфавита къ славянскимъ языкамъ производило путаницу въ славянскихъ рукописяхъ, по свидѣтельству Храбра. Разогнать этотъ хаосъ, организовать изъ этихъ разнородныхъ и смѣшанныхъ элементовъ стройную калиграфическую и орѳографическую систему, вполнѣ принаровленную къ духу славянскаго языка и практическимъ потребностямъ народа — вотъ задача, которую взялъ на себя Константинъ философъ и которую онъ счастливо разрѣшилъ. По какой же графической системѣ могъ Константинъ построить свою азбуку? Несомнѣнно, только по греческой. Взявъ 24 буквы изъ греческаго алфавита, остальныя для спеціально славянскихъ звуковъ онъ придумалъ. Но на какомъ языкѣ совершенъ былъ переводъ чтеній Евангелія и Псалтири, который сдѣланъ былъ, можетъ быть, въ одномъ изъ монастырей Олимпа? Вѣроятно, тѣ «споспѣшники», которыхъ братья призвали къ себѣ въ сотрудники этого великаго дѣла, были изъ Царьграда и даже изъ монастырей Олимпа,

---

[1]) *Аквилея*—въ древности большой и знаменитый городъ въ сѣв. Италіи, въ странѣ венетовъ, основанъ римлянами въ 183—186 г. до Р. Х., недалеко отъ тріестскаго залива. Въ Аквилеѣ происходило нѣсколько соборовъ. Въ VI в. епископы Аквилеи приняли санъ патріарховъ и претендовали на первое мѣсто послѣ папъ. Въ настоящее время Аквилея деревня.

[2]) *Сплѣтъ*—въ Далматіи, на берегу Адріатики, построенъ тамъ, гдѣ находится дворецъ имп. Діоклитіана. Сюда перенесена была архіеп. каѳедра изъ Солина, а въ 925 г. здѣсь происходилъ соборъ, который былъ причиною отдѣленія церкви сербской отъ хорватской.

которые говорили языкомъ образованныхъ славянъ Царьграда и побережья Босфора. Примыкая къ говорамъ Македоніи и Болгаріи, языкъ этотъ долженъ былъ значительно возвышаться надъ несовершеннымъ сельскимъ говоромъ не только этихъ областей, но и Ѳракіи и Опсикійской Словеніи (гдѣ находился Олимпъ). Въ немъ можно предполагать уже извѣстную грамматическую правильность, богатство формъ и содержанія и нѣкоторый навыкъ передавать христіанскія понятія и обозначать предметы христіанскаго культа. Такимъ образомъ, въ устахъ Константина и Меѳодія звучалъ тогда до нѣкоторой степени сложившійся общественный языкъ, вполнѣ созрѣвшій для литературнаго употребленія. Этимъ только объясняется, какъ поразительная быстрота перевода всѣхъ библейскихъ, церковныхъ и святоотческихъ книгъ, такъ и его высокія литературныя достоинства, устойчивость и живучесть освященныхъ этимъ переводомъ формъ языка, терминовъ и текста [1]). Но ученые труды братьевъ были прерваны однимъ новымъ порученіемъ императора. Властитель хозаръ, народа тюркскаго племени, владѣнія котораго въ это время обнимали обширныя степи на Дону и нижней Волгѣ до Кавказа, а на западѣ — до Днѣпра, просилъ Византійскаго императора, съ которымъ былъ въ дружбѣ, прислать къ нему ученаго мужа, который бы доказалъ, какая вѣра истинная: магометанская, іудейская или христіанская. Просьба эта вызвана была споромъ іудеевъ и мусульманъ о превосходствѣ каждой изъ трехъ упомянутыхъ вѣръ. По указанію Фотія, выборъ палъ на Константина философа, который, въ сопровожденіи брата своего Меѳодія, отправился въ путь.

Исламъ незамѣтно уже надвигался съ VIII в. на южно-русскія степи и охватывалъ какъ кочевавшіе тамъ народы тюркскаго племени, такъ и славянское и іудейское населеніе. При благопріятныхъ обстоятельствахъ здѣсь могла образоваться вторая Испанія, откуда исламъ могъ распространиться на всю Русь. Зерномъ для такого образованія служило хозарское царство, игравшее видную роль въ исторіи понто-каспійскихъ странъ въ IX и X вв. Въ Хозарію появились довольно рано мусульманскіе купцы, путешественники и миссіонеры. Ихъ задача была здѣсь значительно облегчена раннимъ утвержденіемъ въ этомъ промышленномъ и торговомъ центрѣ іудаизма [2]). Послѣдній былъ гораздо ближе къ му-

[1]) А. С. Будиловичъ, тамъ же.

[2]) Владѣнія хозаръ съ VII в. простирались уже на часть сѣв.-вост. Черноморья и Тавриды. Евреи—старожилы этихъ мѣстностей — прежде другихъ познакомились съ хозарами, пролагая путь къ нимъ и новымъ пришельцамъ изъ своихъ единовѣрцевъ. Гонимые въ Имперіи, не имѣя болѣе и на Востокѣ такой покровительствующей имъ страны, какою была нѣкогда для нихъ Персія, евреи въ новой хозарской державѣ, независимой и сильной, языческой и вѣротерпимой, открыли для себя такое убѣжище, въ какомъ теперь сильно нуждались. Сюда же

сульманству въ бытовомъ и обрядовомъ отношеніи, чѣмъ христіанство. Сверхъ того, и нравственные идеалы Корана были ближе къ ветхозавѣтнымъ. Вотъ почему пропаганда іудаизма среди хозаръ и другихъ припонтійскихъ и прикаспійскихъ народностей въ вѣкъ Константина философа не могла не возбуждать опасенія въ грекахъ, какъ подготовка къ мусульманству. Съ этой точки зрѣнія хозарская миссія представляетъ естественное продолженіе миссіи сарацынской. Но кромѣ интересовъ обще-христіанскихъ, кромѣ борьбы Евангелія съ Кораномъ и Талмудомъ, хозарская миссія имѣла и болѣе спеціальныя, греко-славянскія цѣли и задачи. Берега Чернаго моря съ давнихъ поръ входили въ сферу культурныхъ воздѣйствій мало-азійскихъ, эгейскихъ, элладскихъ грековъ. Крымъ и южная Скиѳія (нын. Россія) составляли вторую Великую Грецію, не уступавшую въ значеніи Великой Греціи сицилійско-италійской. Непрерывность греческой образованности въ Черноморьѣ съ давнихъ временъ—безспорна. И эта образованность распространялась въ глубь прилегающихъ материковъ. Какъ было съ греческой образованностью языческой, такъ стало впослѣдствіе съ греческой образованностью христіанскою. Черноморье долго оставалось однимъ изъ очаговъ ея. Районъ просвѣтительной дѣятельности Корсуня былъ отнюдь не менѣе Солуня, а важность миссіонерской роли перваго для дальнѣйшихъ судебъ греческой церкви и образованности несравненно важнѣе послѣдняго. Корсуню пришлось вознаградить утраты греческой церкви и на сарацынскомъ Востокѣ, и на латинскомъ Западѣ. Если Солунь былъ колыбелью греко-славянской идеи, то Корсуню пришлось статься купелью и вмѣстѣ историческимъ мостомъ между греческимъ и русско-славянскимъ центромъ восточно-христіанской образованности. Эту роль культурнаго моста между Византіей и Русью Корсунь сталъ играть очень рано, не позже хозарской миссіи Константина философа [1].

Въ южныхъ степяхъ нынѣшней Россіи поселенія славянъ были въ эту пору весьма значительны и простирались далеко на востокъ по Дону и нижней Волгѣ и до Азовскаго моря. Есть много отрывочныхъ извѣстій, частью греческихъ, частью восточныхъ, о распространеніи предковъ нашихъ въ IX в. до береговъ Чернаго моря. Кромѣ лѣтописныхъ извѣстій безцѣннымъ памятникомъ для изученія этого вопроса служатъ договоры Руси съ гре-

---

переселялись и кавказскіе евреи, а эти, въ свою очередь, пролагали путь еврейскимъ переселеніямъ изъ болѣе дальняго Востока, гдѣ евреямъ также нерѣдко было очень тяжко. Въ Хозаріи они нашли болѣе того, чего искали теперь,—имъ удалось пріобрѣсть своей вѣрѣ династію кагановъ, слѣдовательно весьма почетное положеніе въ ихъ государствѣ». Ив. Малышевскій. «Евреи въ южной Руси и въ Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ» 1878 г.

[1]) Будиловичъ, тамъ же.

ками. Эти договоры Олега и Игоря прямо дѣлаютъ невозможнымъ предположеніе, что Русь только тогда выступила на историческое поприще. Они свидѣтельствуютъ уже о нѣкоторой высотѣ культуры и объ извѣстныхъ отношеніяхъ и притязаніяхъ Руси на Крымъ. Чрезъ Корсунь и Сурожъ Русь имѣла сношенія съ просвѣщенными народами, отсюда проникали въ Русь иноземныя вліянія. Здѣсь было для древней Руси до XI в. окно въ Европу. Сюда стремились торговые люди, и отсюда открывались морскія сношенія. Русское господство по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей въ IX и X в.в. является необходимымъ объясненіемъ періода русско-византійскихъ сношеній. По всей вѣроятности, первыми христіанами на Руси были, именно, обитатели южной Руси, которые въ церковномъ отношеніи подчинялись сурожскому или тмутараканскому епископу. Сказанія о походѣ Руси въ Крымъ и о правахъ ея на Корсунскую область, ходъ распространенія христіанской вѣры изъ Крыма на сѣверъ—все это были живые факты въ IX и X вв., но начавшіе уже приходить въ забвеніе во 2-ой половинѣ XI в., благодаря печенѣгамъ, половцамъ, оттѣснившимъ на долго Русь отъ Черноморья и тѣмъ на долго отбившимъ у насъ память о нашихъ древнихъ сношеніяхъ [1]).

Итакъ, солунскіе братья направились въ Хозарію черезъ Крымъ. Здѣсь въ Корсуни они остановились на довольно продолжительное время, чтобы лучше подготовиться къ предстоящему дѣлу. Имѣя въ виду состязаніе съ іудеями, Константинъ философъ воспользовался присутствіемъ здѣсь іудеевъ, чтобы изучить основательнѣе теоретически и практически іудейскій языкъ, съ которымъ онъ могъ отчасти быть уже знакомъ въ Царьградѣ. Здѣсь же онъ ознакомился и съ самарянскимъ нарѣчіемъ [2]). «Паннонскія житія» подробно разсказываютъ объ обрѣтеніи братьями мощей св. Климента, епископа римскаго, сосланнаго въ Корсунь во время гоненія на христіанъ при Траянѣ и окончившаго жизнь мученической смертью. Говорятъ «житія» и о томъ, что Константинъ философъ нашелъ въ Корсуни Евангеліе и Псалтирь, написанныя «русскими» письменами, и встрѣтилъ человѣка, говорящаго на томъ языкѣ, и бесѣдовалъ съ нимъ. Подъ «русскими» письменами нѣкоторые наши ученые, какъ напр. академикъ В. И. Ламанскій [3]), видятъ «готскія» письмена, такъ какъ на готскомъ языкѣ давно уже имѣлся переводъ Евангелія Ульфилы, и въ Крыму жили еще въ это время

---

[1]) Н. А. Лавровскій. «Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи». Меѳод. юбил. Варш. Сборникъ 1885 г.

[2]) Существовала теорія о переселеніи въ Тавриду въ 696 г. до Р. Х. евреевъ происхожденія самарянскаго или израильскаго изъ 10 колѣнъ израильскихъ, и до сихъ поръ въ Крыму существуютъ евреи—караимы, происх. израильскаго.

[3]) Въ названномъ изслѣдованіи. Журн. М. Н. П. 1903—1904 г.г.

готы, остатки нѣкогда занимавшихъ степи южной Руси и бѣжавшихъ отсюда подъ напоромъ гунновъ въ IV в. по Р. Х. Но другіе ученые (Срезневскій, Будиловичъ и др.) подъ «русскими» письменами разумѣютъ русско-славянскія. Но какимъ алфавитомъ писаны они? Возможенъ только греческій. Во всякомъ случаѣ, мнѣнія эти, хотя и авторитетовъ, могутъ считаться только домысломъ, гипотезой.

Во время пребыванія братьевъ въ Корсуни одинъ хозарскій воевода осадилъ было городъ, но Константинъ пошелъ въ непріятельскій станъ и переговорами и словомъ Божіимъ убѣдилъ удалиться врага, давшаго обѣщаніе креститься. Наконецъ, подготовившись къ предстоящему дѣлу, братья продолжали путь. На этомъ пути имъ пришлось встрѣтиться съ уграми. Жизнь путниковъ, при этой встрѣчѣ, подвергалась опасности, но была спасена проповѣдническимъ ихъ словомъ.

Имя «угровъ» находится въ тѣсной связи съ Югрой нашихъ лѣтописей, народа, къ которому принадлежали предки нашихъ вогуловъ, остяковъ и ихъ родичей. Ихъ причисляютъ къ финскому племени, но въ образованіи этой народности не малую роль игралъ тюркскій элементъ. По неизвѣстнымъ намъ причинамъ, угры, въ началѣ IX в., оставили свою прародину на сѣверо-востокѣ Россіи и двинулись на юго-западъ. Исторія застаетъ ихъ въ половинѣ IX в. въ мѣстности, приблизительно опредѣляемой предѣлами нын. Харьковской губ. и южнѣе. Все это пространство извѣстно было подъ именемъ «Лебедіи», названія, произведеннаго отъ имени угорскаго вождя Лебедя или Лебедіаса. Въ новыхъ мѣстахъ своихъ поселеній угры оказались сосѣдями хозарскихъ владѣній и славяно-русскихъ поселеній, и отсюда происходитъ связь ихъ съ хозарами и славянами. Угры участвуютъ въ войнахъ хозаръ, какъ ихъ союзники или подручники, и по собственной, свойственной кочевникамъ, наклонности къ хищническимъ набѣгамъ. Довольно долго раздѣленные на отдѣльныя орды, угры въ эту пору не представляли еще политическаго союза, не имѣли общихъ вождей, почему нерѣдко отдѣльныя орды, отдѣляясь отъ другихъ, увлекались въ болѣе далекія предпріятія и достигали Дуная уже въ 40-хъ годахъ IX в. Чрезъ 20 лѣтъ встрѣчаемъ ихъ въ Крыму на пути солунскихъ братьевъ. Эти угры могли быть вспомогательнымъ отрядомъ при хозарскомъ воеводѣ, на обратномъ пути отъ Корсуня. Благосклонный пріемъ братьевъ хозарскимъ воеводой необходимо повліялъ и на укрощеніе угровъ, какъ скоро они узнали, что это послы къ хозарскому кагану, а затѣмъ услышали и учительное слово св. мужа, способное вліять на варваровъ [1]).

[1]) К. Гротъ, Моравія и мадьяры съ полов. IX до нач. X в., стр. 234.

Наконецъ, путники достигли береговъ Азовскаго моря, снова сѣли на корабль и благополучно прибыли въ столицу хозарскаго кагана, Итиль, на нижнемъ теченіи Волги, и приняты были съ большимъ почетомъ. «Житія» подробно описываютъ пренія съ мусульманами и іудеями, происходившія по очереди [1]). Здѣсь приняли, по свидѣтельству «Житій», христіанство 200 человѣкъ «простой чади», съ женщинами и дѣтьми, по всему вѣроятію изъ русскихъ славянъ. Окончивъ свое дѣло, братья стали собираться въ обратный путь. Отпуская братьевъ домой, каганъ вручилъ имъ письмо къ императору. Онъ писалъ: «Ты послалъ къ намъ, владыко, мужа такого, что разъяснилъ вѣру христіанскую и св. Троицу, и убѣдилъ насъ, что сія вѣра истинная, и мы повелѣли увѣровавшимъ креститься; надѣемся вскорѣ послѣдовать сему. Пребываемъ мы друзьями твоей державы и готовы вступить въ службу твою, когда потребуешь». Прощаясь съ Константиномъ ф., каганъ предложилъ ему богатые дары. Отъ даровъ Константинъ отказался, но просилъ, какъ милости, отпустить съ нимъ плѣнныхъ грековъ. Каганъ уважилъ эту просьбу, и Константинъ съ братомъ своимъ, въ сопровожденіи 20 освобожденныхъ грековъ, отправился въ обратный путь. Теперь они ѣхали южными степями и много натерпѣлись отъ недостатка хорошей воды. Трудно предположить, чтобы на всемъ пути по степямъ нын. южной Россіи солунскіе братья не имѣли случая проповѣдывать слово Божіе и увѣровавшихъ крестить. Не къ нимъ-ли, вмѣстѣ съ 200 крестившейся «простой чади», относится воспоминаніе, вошедшее въ первоначальную лѣтопись, что первыя сѣмена христіанства посѣяны были на Руси нѣкимъ философомъ?—Въ Корсуни братья опять остановились, были у епископа и, взявъ съ собою часть мощей св. Климента, возвратились въ Царьградъ. Таковъ разсказъ «Паннонскихъ житій». Послѣдствіемъ проповѣди славянскихъ апостоловъ въ землѣ полянъ въ 861 г. (въ Хозаріи), говоритъ акад. В. И. Ламанскій [2]), было основаніе христіанской общины, появленіе христіанскаго богослуженія и славянской грамоты, сохраненіе до позднихъ временъ и во многихъ спискахъ исключительно на Руси бесѣды и наставленія Константина ф. или даже просто Философа. Всѣ письменные памятники XI в. служатъ доказательствомъ, что при первомъ крещеніи Руси въ 861 г. были принесены къ намъ и славянскія письмена, и славянское богослуженіе. Безъ того и другого, христіанство не могло бы имѣть въ древней Руси такого успѣха и получить

---

[1]) Пренія обыкновенно сопровождались пирами или угощеніями у кагана: обычай застольныхъ бесѣдъ и преній, религіозныхъ и философскихъ, извѣстенъ въ сказаніяхъ многихъ міряръ и народовъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ, согласно «Житіямъ». И. Малышевскій тамъ же, стр. 27.

[2]) Журналъ М. Н. П. 1903—1904 г.г. назв. статья.

такое распространенiе. Изъ дѣтей крещенной Константиномъ ф. славянской чади и вышли потомъ переводчики первыхъ договоровъ Руси съ греками (Олега и Игоря).—Къ этому же времени относится крещенiе Аскольда и Дира съ частью дружины.

По возвращенiи братьевъ въ Царьградъ, они были приняты съ честью царемъ, послѣ чего Константинъ жилъ при церкви Св. Апостоловъ, продолжая свои ученыя занятiя; Меѳодiю, какъ иноку, предложили митрополичью каѳедру, но онъ отъ этого отказался, а принялъ въ свое управленiе монастырь Полихронъ на малоазiйскомъ Олимпѣ.

Между тѣмъ, еще до Хозарской миссiи, въ исходѣ 50-хъ годовъ, въ Царьградѣ произошли важныя для восточной Церкви событiя. Совершеннолѣтнiй императоръ Михаилъ предался распущенности, которой поблажалъ дядя его Варда. Соединившись противъ императрицы Ѳеодоры, порицавшей ихъ обоихъ, они удалили ее отъ власти и насильно постригли. Благочестивый патрiархъ Игнатiй, осуждавшiй такое насилiе надъ императрицей, былъ низложенъ и заточенъ въ монастырь, а на его мѣсто возведенъ изъ мiрянъ Фотiй (25 Дек. 857 г.). Фотiй, имѣя заслуги страдальца за православiе во время иконоборчества, достоинства знаменитаго ученаго и учителя, ревнителя просвѣщенiя, изъ любви къ которому продолжалъ держать свою школу и въ званiи государственнаго секретаря, не искалъ патрiаршества, предпочитая ему ученыя занятiя, и принять патрiаршество при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ было для него жертвой; но жертву эту онъ принесъ Церкви, которой нуженъ былъ въ ту пору человѣкъ сильнаго разума и воли. Вотъ почему большинство благомыслящихъ людей и епископовъ привѣтствовало вступленiе Фотiя на патрiаршiй престолъ, мирясь съ печальными обстоятельствами, предшествовавшими его избранiю. Между тѣмъ, несмотря на клятвенныя увѣренiя Фотiя въ невиновности Игнатiя, нашлись приверженцы послѣдняго, которые на самочинномъ сборищѣ въ церкви св. Ирины провозгласили законнымъ патрiархомъ Игнатiя, судили и предали анаѳемѣ Фотiя, а нѣкоторые бѣжали въ Римъ искать опоры у папы. Фотiю оставалось защищать свое достоинство, какъ патрiарха. Императоръ и патрiархъ вошли въ сношенiе съ папою, по обычаю iерархическаго общенiя, въ надеждѣ на содѣйствiе его успокоенiю церковной смуты. По прибытiи въ Царьградъ папскихъ легатовъ, на многочисленномъ соборѣ (861 г.) былъ осужденъ Игнатiй, допустившiй своихъ приверженцевъ анаѳематствовать Фотiя, а Фотiй признанъ патрiархомъ. Начавшаяся борьба между двумя партiями продолжалась и ожесточалась.

Въ то время, какъ Фотiй вступилъ на патрiаршiй престолъ, римскую каѳедру занималъ папа Николай I. Это былъ человѣкъ,

который скорѣй готовъ былъ воспользоваться чужими замѣшательствами въ свою пользу, чѣмъ дѣйствовать примирительно. Благодаря совершившимся политическимъ обстоятельствамъ и личному характеру Николая I, папству удалось въ это время значительно усилить свою власть на Западѣ, какъ на счетъ церкви, такъ и на счетъ государства. Онъ привлекалъ къ церковному суду королей и въ церковныхъ дѣлахъ проводилъ взглядъ, что всѣ соборы должны созываться папою и только послѣ его утвержденія имѣютъ законную силу. Достигши такой власти на Западѣ, Николай I сталъ простирать свои властолюбивыя притязанія и на Востокъ. Но не таковъ былъ патріархъ Фотій, чтобы можно было ожидать отъ него униженія правъ цареградской каѳедры передъ римскою: въ немъ Николай I нашелъ себѣ сильнаго, умнаго, энергичнаго противника. По этому-то, хотя папа на первыхъ порахъ и не прочь былъ поддержать Фотія, но, когда убѣдился, что Фотій человѣкъ искусный, самостоятельный и непреклонный, то сталъ горячо возставать противъ него, осуждая дѣйствія собора и своихъ легатовъ.

Между тѣмъ, солунскимъ братьямъ пришлось не долго предаваться своимъ ученымъ занятіямъ въ уединеніи. Ихъ ожидала новая миссія и вмѣстѣ послѣдняя, которая господствуетъ надъ первыми двумя и по важности возложенной на нихъ задачи, и по тяжести подъятыхъ ими трудовъ, и по неисчислимымъ послѣдствіямъ ея. Эта миссія была моравская.

II.

Одновременно съ ославяненіемъ Балканскаго полуострова происходило заселеніе славянами и дунайскихъ странъ, очищенныхъ отъ германцевъ. Въ VI и VII вв. славяне заселили Паннонію, Норикъ и дошли до самаго Адріатическаго моря. Въ тоже время все пространство на протяженіи Карпатъ въ нын. Угріи, восточной и сѣверной, и въ Трансильваніи было тоже заселено славянами. На первыхъ же порахъ славянамъ подунайскимъ пришлось покориться аварамъ, но какъ ни тяжко было это иго, авары все-же не были опаснымъ врагомъ. Настоящая опасность грозила славянамъ съ другой стороны. Ихъ западные сосѣди германцы, ушедшіе на западъ, давно уже обнаруживали наступательное стремленіе на востокъ по Дунаю и въ альпійскія страны. Аварскій погромъ остановилъ на время ихъ движеніе и далъ возможность славянамъ колонизовать восточно-альпійскія страны далеко въ глубь Тироля. Въ исходѣ VI в. начинаются ихъ первыя столкновенія съ нѣмцами. Не разъ участвуютъ они въ походахъ аваръ противъ нѣмцевъ, но около 625 г. могущество

аваръ сильно поколебалось. Слабостью ихъ воспользовались славяне Чехіи и Моравіи и подъ начальствомъ Само образовали могущественный славянскій союзъ, страшный не только аварамъ, но и нѣмцамъ. При Вогастисбургѣ франкамъ было нанесено жестокое пораженіе. Но со смертью Само приблизительно около 662 г. этотъ обширный союзъ распался, и западно-дунайскіе славяне снова подпали власти аваръ.

За тѣмъ наступаетъ чрезвычайно темный періодъ въ исторіи подунайскихъ странъ, но нѣтъ сомнѣнія, что нѣмцы (баварцы) послѣдовательно двигались на востокъ и утвердились по Дунаю до р. Энжи. Участь славянъ по ту сторону Энжи была рѣшена. Вмѣстѣ съ колонизаціей нѣмцы несли свою культуру, обычаи, нравы, языкъ и вѣру, и обезземеленіе славянъ, которые, съ потерею земли, становились изъ свободныхъ зависимыми, часто крѣпостными и даже рабами. Съ лишеніемъ земли славяне лишались главной опоры и основы своихъ общинныхъ порядковъ, ихъ національной самобытности наносился тяжелый ударъ. Такимъ образомъ, для господства франковъ и прочной германизаціи почва была готова, и когда разгорѣвшаяся послѣдняя борьба франковъ съ аварами въ началѣ IX в. окончилась полнымъ пораженіемъ послѣднихъ, то франки стали твердой ногой въ освобожденныхъ отъ аваръ славянскихъ земляхъ и мало по малу совершенно поработили славянъ. Къ исходу VIII в. нѣмецкая колонизація остановилась на р. Раабъ и далѣе въ Панноніи не распространялась. Но и этого было довольно. Подъ двухсотлѣтнимъ игомъ аварскимъ славяне оставались славянами; но какъ только господство азіатскихъ хищниковъ смѣнилось властью культурныхъ франковъ, альпійскіе славяне стали быстро терять свою народность [1]. На завоеванныхъ земляхъ была распространена система марокъ, введенная во франкской державѣ, начиная отъ нижней Лабы вплоть до Адріатики, съ цѣлью защиты противъ враждебныхъ сосѣдей и для систематическаго распространенія своего политическаго вліянія на послѣднихъ. Вмѣстѣ съ политической организаціей марокъ шла дѣятельная колонизація ихъ, связанная съ переходомъ земли въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, и христіанская проповѣдь вмѣстѣ съ введеніемъ правильной церковной организаціи. Дѣятельнымъ помощникомъ Карла В. былъ зальцбургскій архіепископъ. Но успѣхи франковъ не могли не устрашить сосѣднихъ съ ними чеховъ и моравань. Они увидѣли себя вынужденными принять верховное покровительство франковъ, чтобы не подвергнуться участи альпійскихъ соплеменниковъ своихъ. Получивъ доступъ въ Чехію и Моравію,

---

[1] К. Гротъ, Моравія и Мадьяры въ IX и X вв., стр. 77—84, 146—148.

нѣмцы старались и здѣсь распространять свою проповѣдническую дѣятельность, что дало имъ возможность вмѣшиваться и во внутреннія дѣла этихъ славянъ и интриговать въ пользу своихъ политическихъ видовъ. Мало по малу, однако, притязанія франковъ съ одной стороны, внутреннія несогласія и смуты съ другой—вынудили западныхъ славянъ выработать себѣ тѣ средства, которыхъ имъ недоставало для борьбы съ могущественнымъ сосѣдомъ, а именно, образованіе государства подъ властью одного лица. Въ нын. Моравіи и въ землѣ словаковъ въ первой половинѣ IX в. жилъ народъ, управляемый племенными князьями изъ одного рода. Народъ этотъ принадлежалъ къ западной, чехо-мораво-словенской вѣтви славянъ, и говорилъ нарѣчіемъ, родственнымъ нын. языку словаковъ. Когда Моравія подпала политическому и церковному вліянію чужеземцевъ, внутри ея началась работа объединенія, которая окончилась къ 830 г. Первый извѣстный въ исторіи моравскій князь Моймиръ тихо и упорно шелъ къ своей цѣли, усиленію своей власти подчиненіемъ себѣ племенныхъ князей. Съ нѣмцами онъ старался поддерживать миръ. Не легко уступали ему свои права мелкіе владѣтели, которые всего болѣе способствовали поддержанію порядковъ, благодаря которымъ сосѣди пріобрѣли вліяніе на внутреннія дѣла страны.

Когда работа объединенія была окончена, княжество Моймира обнимало область по рр. Моравѣ и Дыѣ до Дуная, въ нын. Моравіи и нижней Австріи. Оставалось еще покорить довольно сильнаго князя нитранскаго, Прибину, княжество котораго находилось на востокъ отъ Моравіи, между Дунаемъ и Грономъ. Прибина, не желавшій покориться моравскому князю, долженъ былъ оставить свое княжество и искать защиты у нѣмцевъ. Поживъ нѣкоторое время у маркграфа и принявъ христіанство, Прибина не нашелъ, однако, защиты себѣ и ушелъ съ семьей, какъ кажется, въ Болгарію. Около пяти лѣтъ продолжались его скитанія, пока, наконецъ, Людовикъ нѣмецкій не далъ ему въ ленъ части нижней Панноніи близъ рѣки Салы и Блатенскаго озера. Прибина выстроилъ здѣсь на берегу Салы, въ болотистой и лѣсистой мѣстности, укрѣпленный городъ Блатно, по имени котораго и княжество стало называться Блатенскимъ. Прибина и сынъ его Коцелъ были служилыми мужами нѣмецкаго короля, который не даромъ поддерживалъ славянскаго князя: послѣдній, всѣмъ ему обязанный, былъ ему порукою, что объединенію Моравіи будетъ положенъ предѣлъ. Дѣятельность Моймира, какъ объединителя Моравіи, казалась опасною нѣмцамъ. Недовольствуясь покровительствомъ его врагамъ, Людовикъ напалъ въ 846 г. на Моравію, лишилъ Моймира княжеской власти и сдѣлалъ княземъ племянника его, Ростислава.

Между тѣмъ Прибина, своею вѣрностью нѣмецкому королю и преданностью христіанской церкви пріобрѣлъ такое расположеніе короля, что въ 848 г. получилъ въ собственность свой ленъ.

Первые годы своего правленія Ростиславъ продолжалъ политику дяди, поддерживая миръ съ нѣмцами. Онъ сосредоточилъ все вниманіе на защиту страны, и только тогда, когда укрѣпилъ страну, вступилъ въ соглашеніе съ чехами и болгарами, готовясь сбросить зависимость славянъ отъ нѣмцевъ. Король нѣмецкій долженъ былъ, наконецъ, принять мѣры, чтобы удержать Моравію въ границахъ зависимости. Въ 855 г. съ большимъ войскомъ пошелъ онъ въ Моравію, но границы ея были такъ укрѣплены, и моравское войско заняло такое безопасное мѣсто, что король отступилъ. Ростиславъ преслѣдовалъ его и опустошилъ пограничныя баварскія владѣнія. Теперь Ростиславъ считалъ осуществимою мысль о независимости: онъ пересталъ посылать пословъ на имперскій сеймъ и обычную дань. Среди другихъ славянскихъ народовъ моравскій князь пріобрѣлъ значеніе поборника славянской свободы и предводителя въ борьбѣ за независимость; среди самихъ враговъ имя Ростислава сдѣлалось уважаемымъ. Возвысить Моравію въ положеніе независимаго государства стало теперь опредѣленной цѣлью Ростислава; но еще недавно принявшіе христіанство мораване находились въ зависимости отъ пассавскаго епископа, а извѣстно, что такая зависимость была вѣрнымъ средствомъ къ полному подчиненію страны. Моравскому государю, желавшему дать своей странѣ полную политическую самостоятельность и оградить ее отъ вліянія нѣмцевъ, естественно было желать освободить страну и отъ церковной зависимости. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому было просить проповѣдниковъ и священниковъ или у папы, или у патріарха цареградскаго. Государственный умъ Ростислава подсказалъ ему послѣднее. «Только узнавъ о томъ, что сдѣлано Константиномъ философомъ въ Хазарской провинціи, у днѣпровскихъ полянъ, говоритъ акад. Ламанскій,—князь Моравскій Ростиславъ, заботясь о своемъ племени, послалъ къ императору Михаилу пословъ (въ концѣ 862 г.) [1], говоря, что народъ его, оставивъ идолопоклонство, желаетъ соблюдать христіанскій законъ; но они не имѣютъ такого учителя, который научилъ бы ихъ читать и обучать ихъ совершенному закону, и онъ проситъ императора, чтобы онъ прислалъ въ его край такого человѣка, который сумѣлъ бы вполнѣ раскрыть этому народу вѣру и порядокъ закона божескаго и путь истины». Колебанія въ выборѣ лицъ не могло быть. Константинъ и Меѳодій соглашаются принять на себя дѣло хри-

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1903—1904 г., въ назв. статьѣ.

стіанскаго просвѣщенія моравань. Съ новосоставленной азбукой, съ готовымъ переводомъ евангельскихъ чтеній, псалтири и важнѣйшихъ литургическихъ книгъ, съ мощами св. Климента, отправляются братья въ Моравію и въ началѣ 863 г. они прибыли въ столицу Ростислава, Велеградъ. Князь принялъ ихъ съ большимъ почетомъ. Жители Велеграда вышли къ нимъ навстрѣчу и радостно привѣтствовали ихъ. Немедленно принялись братья за свою просвѣтительную дѣятельность. Но для поддержки и развитія дѣла нужны были помощники и труженики на нивѣ Божіей. Неутомимую дѣятельность обнаружили въ это время братья: они обучали славянской грамотѣ учениковъ, чтобы изъ нихъ приготовить священниковъ; строили церкви и часовни и въ то же время продолжали переводить Священное Писаніе. Началось въ церквяхъ славянское богослуженіе. Не трудно себѣ представить ту глубокую сердечную радость и изумленіе славянъ, когда они услышали въ храмѣ первую литургію на ихъ родномъ языкѣ! «То было чудное мгновеніе! Тогда, по пророческому слову, глухіе стали слышать, а нѣмые говорить, ибо до того времени славяне были какъ бы глухи и нѣмы, потому что нѣмецкое духовенство совершало богослуженіе на непонятномъ для нихъ латинскомъ языкѣ» («Житія»).

Не могло равнодушно смотрѣть нѣмецкое духовенство на дѣятельность св. братьевъ, ибо оно ко времени прибытія братьевъ въ Моравію не сдѣлало здѣсь никакихъ успѣховъ. Причиной этого были съ одной стороны — нерасположеніе народа къ нѣмецкому духовенству, съ другой — самая задача, которую преслѣдовали латинскіе проповѣдники, облагая новообращенныхъ данью и десятиной. Еще могли, при взаимныхъ уступкахъ, ужиться въ одной странѣ нѣмецкіе и римскіе проповѣдники, но всегда возникала вражда, если сталкивались на одномъ поприщѣ греческіе и латинскіе или нѣмецкіе проповѣдники. Во взаимной враждѣ тогда уже выражалась неодинаковость цѣлей, преслѣдуемыхъ обѣими церквами. Не могло равнодушно смотрѣть нѣмецкое духовенство, какъ моравне, оставляя прежнихъ проповѣдниковъ, безъ дѣла и доходовъ, толпами шли къ церкви, гдѣ раздавались пѣснопѣнія и молитвы на родномъ славянскомъ языкѣ. «Славить Бога можно только на трехъ языкахъ; греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ, на которомъ Пилатъ сдѣлалъ надпись на крестѣ»,—утверждали они. Кончилось тѣмъ, что зальцбургскій архіепископъ съ подчиненными ему епископами пассавскимъ и др. донесъ п. Николаю I на Константина и Меѳодія, обвиняя ихъ въ ереси. И папа вызвалъ братьевъ въ Римъ. Въ это время происходили горячіе споры между римской и цареградской церквами изъ-за юной болгарской церкви. Князь болгарскій Борисъ, принявъ крещеніе въ 864—5 г. изъ Царьграда,

просилъ для Болгаріи епископа, и, не получивши его, обратился къ папѣ. Обрадованный п. Николай I немедленно послалъ въ Болгарію священниковъ и двухъ легатовъ (епископовъ), которые стали вводить латинскіе обряды и ученіе римской церкви. Борисъ, желая самостоятельной церкви для Болгаріи, спрашивалъ папу, можно ли имѣть болгарамъ самостоятельнаго патріарха; но не получивъ на этотъ вопросъ прямого отвѣта, онъ сталъ просить о назначеніи для Болгаріи архіепископомъ одного изъ присланныхъ туда легатовъ (Формоза портуэнскаго). Однако папа отозвалъ этого легата и послалъ на смѣну другихъ епископовъ, предоставляя въ концѣ концовъ несговорчивому Борису выбрать въ архіепископы кого пожелаетъ. Между тѣмъ, поведеніе латинскаго духовенства въ Болгаріи стало извѣстнымъ въ Царьградѣ. Не могъ равнодушно отнестись къ этому Фотій, и онъ разослалъ окружное посланіе всѣмъ восточнымъ патріархамъ, приглашая на соборъ для сужденія о такомъ поведеніи римскаго духовенства и низложеніи п. Николая I. Очень можетъ быть, что папа, занятый дѣломъ болгарской церкви, думалъ вознаградить себя утвержденіемъ папской власти въ Моравіи, и въ этомъ могли ему послужить солунскіе братья. Послѣдніе же поспѣшили на призывъ папы, который одинъ могъ защитить ихъ отъ нападокъ нѣмецкой іерархіи и поддержать ихъ дѣло. Взявъ съ собой лучшихъ учениковъ, подготовленныхъ для занятія церковныхъ должностей, мощи св. Климента и переводъ священныхъ книгъ, братья отправились въ Римъ. Путь ихъ лежалъ чрезъ Паннонію, и они провели нѣкоторое время у Коцела, занимаясь обученіемъ дѣтей славянской грамотѣ. Въ Венеціи Константину пришлось выдержать горячій споръ съ латинскимъ духовенствомъ изъ-за богослуженія на славянскомъ языкѣ, изъ-за тріязычной ереси. Въ Римѣ братья уже не застали п. Николая I, умершаго 11 ноября 867 г. Преемникомъ его былъ Адріанъ II (съ 14 дек. 867 г.). Пріемъ, сдѣланный въ Римѣ братьямъ, принесшимъ мощи св. Климента, былъ торженственный: самъ папа, окруженный многочисленнымъ духовенствомъ въ богатыхъ свѣтлыхъ облаченіяхъ, вышелъ имъ на встрѣчу. Безчисленное множество народа, развѣвающіяся хоругви, зажженныя свѣчи у всѣхъ въ рукахъ и радостные крики гражданъ привѣтствовали св. мощи. Принявъ благоговѣйно отъ братьевъ св. мощи, Адріанъ II снисходительно отнесся къ славянскимъ книгамъ. Эти книги, освященныя папой, положены были въ церкви св. Маріи, по нимъ были отправлены литургіи въ разныхъ церквахъ Рима. Двумъ епископамъ (Формозу и Гаудерику) приказано было посвятить учениковъ братьевъ въ священническій санъ.

Въ то время, какъ св. братья находились въ Римѣ, прибыло туда посольство болгарское. Въ числѣ пословъ былъ княжескій

родственникъ, бояринъ Петръ, влiятельное лицо въ Болгарiи. Весьма естественно, что онъ, узнавъ о пребыванiи св. братьевъ въ Римѣ, пожелалъ видѣться съ ними. Также естественно было братьямъ не упустить случая сблизиться съ болгарами и познакомить ихъ съ славянскими книгами и богослуженiемъ, и это не могло остаться безъ влiянiя на дальнѣйшiя дѣйствiя болгарскаго князя по вопросу о болгарской церкви. Весьма возможно, что и вниманiе болгарскаго посольства къ братьямъ не осталось безъ влiянья и на папу, желавшаго своимъ покровительствомъ славянскому богослуженiю расположить къ себѣ болгаръ.

Посвященiемъ учениковъ Константина и Меѳодiя и одобренiемъ славянскаго богослуженiя заканчивалось дѣло св. братьевъ въ Римѣ, но они оставались еще и послѣ того, думая, вѣроятно, дождаться болѣе положительнаго рѣшенiя на счетъ устройства моравской церкви. Но въ Римѣ съ этимъ дѣломъ не торопились; тамъ гораздо болѣе интересовались отношенiями къ Византiи и Болгарiи. Въ Византiи, между тѣмъ, произошли крупныя событiя. Михаилъ III былъ убитъ, и на престолъ вступилъ Василiй Македонянинъ, его убiйца; Фотiй низложенъ новымъ императоромъ, а на патрiаршемъ престолѣ возстановленъ Игнатiй. Общенiе между церквами возстановилось. Въ тоже время болгарскiй князь, не добившись отъ папы назначенiя въ Болгарiи архiепископа, обратился снова къ Византiи. Тамъ созванъ былъ соборъ (869—70 гг.) съ участiемъ римскихъ легатовъ для утвержденiя происшедшихъ перемѣнъ въ патрiархатѣ. На соборъ явились и послы Бориса съ бояриномъ Петромъ съ вопросомъ, кому должна подчиниться Болгарiя въ церковномъ отношенiи, Риму или Царьграду? Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Царьграда, не смотря на протесты римскихъ легатовъ, и этому рѣшенiю окончательно подчинился болгарскiй князь. Такимъ образомъ, настойчивость болгарскаго князя привела къ счастливому результату и спасла Болгарiю отъ латинизацiи. Фактъ этотъ уже въ то время имѣлъ большое значенiе въ спорѣ римской церкви съ царьградской и онъ послужилъ новымъ поводомъ къ обнаруженiю ихъ направленiй и цѣлей. Но событiе это имѣло и мiровое значенiе, благодаря чему оказалось возможнымъ быстрое развитiе славянскаго просвѣщенiя. Благодаря своей настойчивости и прозорливости, Борисъ вывелъ Болгарiю на самостоятельную дорогу и этимъ оказалъ великую услугу славянскому просвѣщенiю»[1]).

Между тѣмъ, св. братья все еще оставались въ Римѣ. Кон-

---

[1]) М. И. Соколовъ, Обращенiе въ христiанство болгарскаго князя Бориса 1881 г. (См. въ сборникѣ «Первыя 15 лѣтъ существованiя Спб. Слов. Благ. Общества» 1883 г., стр. 685 и слѣд.).

стантинъ, послѣ неутомимыхъ трудовъ, почувствовалъ себя сильно больнымъ. Почувствовавъ приближеніе кончины и принявъ за 50 дней иноческій чинъ съ именемъ Кирилла, онъ началъ пѣть псаломъ: «Возвеселихся о рекшихъ мнѣ, въ домъ Господень пойдемъ»... Въ этотъ день сердце его было исполнено тихимъ веселіемъ и лице его дышало небесною радостью. Онъ спокойно ожидалъ конца своей земной жизни и, прощаясь съ этимъ міромъ, говорилъ: »Съ этихъ поръ я ни Царю не слуга и никому иному на землѣ, и только Богу Вседержителю, какъ былъ, такъ и есмь во вѣки». Братъ его и ученики стояли вокругъ, подавленные чувствомъ скорби, взирая на него со слезами на глазахъ и внимательно слушая его послѣднія рѣчи. Св. Кириллъ торопился передать брату желанія и мысли о православно-славянскомъ дѣлѣ. Съ своего смертнаго одра, чуть слышнымъ голосомъ, говорилъ онъ брату: «Братъ мой! съ тобой мы были, какъ пара воловъ, которые вспахиваютъ одну и ту-же борозду, запряженные вмѣстѣ. И, вотъ, я падаю на бороздѣ, кончивъ день свой, а ты, я знаю, сильно любишь гору свою Олимпъ; но для нея не оставляй ученія своего среди славянъ: этимъ ты вѣрнѣе спасешь душу». Затѣмъ онъ въ послѣдній разъ въ предсмертной молитвѣ, въ присутствіи своихъ учениковъ, пламенно молился Богу объ умноженіи церкви Христовой и объ утвержденіи вѣрующихъ въ единомысліи и православіи и, облобызавъ всѣхъ присутствовавшихъ, проговорилъ: «Блогословенъ Богъ нашъ, иже не дасть насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сѣть ихъ сокруши и избави ны отъ истлѣнія ихъ». Среди глубокой тишины, подавленныхъ слезъ и вздоховъ, св. Кириллъ отошелъ въ небесныя обители 14 февраля 869 г., имѣя отъ роду 42 года.

«По повелѣнію папы, погребальная служба надъ Кирилломъ должна была совершиться съ такимъ же торжествомъ, какъ и надъ самими папами». Папа хотѣлъ было положить его въ церкви св. Петра въ усыпальницѣ самихъ папъ, но Меѳодій просилъ разрѣшенія перевести останки брата, согласно завѣщанію матери, на родину. Уступая же желанію римскаго духовенства, папа не согласился на эту просьбу Меѳодія, но уважилъ его другую просьбу—похоронить Кирилла въ церкви св. Климента, мощи котораго были принесены имъ въ Римъ. Похороны были такіе, какіе бываютъ только при погребеніи папъ.

Почитаніе, оказанное св. Кириллу при погребеніи въ Римѣ, не служило, однако, ручательствомъ прочности добрыхъ отношеній Рима къ главному дѣлу славянскаго учителя и къ славянской Церкви. По смерти брата Меѳодій думалъ только о томъ, чтобы продолжать свое дѣло; но въ Римѣ не спѣшили съ его отъѣздомъ:

однако, папа, при первомъ запросѣ о томъ, не отказалъ въ этомъ. Запросъ пришелъ изъ Панноніи отъ князя Коцела. Ростиславъ былъ занятъ упорной борьбой съ нѣмцами, которые вторглись въ Паннонію тремя сильными отрядами и страшно опустошали страну. Не до дѣлъ церковныхъ было тогда Ростиславу. Не ранѣе какъ къ началу 870 г. удалось ему одолѣть нѣмцевъ и видѣть удаленіе ихъ изъ Моравіи, такъ что самъ король поспѣшилъ заключить миръ. Коцелъ въ это время оставался въ мирѣ съ нѣмцами; но, ободренный ослабленіемъ ихъ войной съ Ростиславомъ, имѣлъ теперь болѣе возможности позаботиться о церковныхъ дѣлахъ и послалъ посольство къ папѣ просить прислать къ нему солунскихъ братьевъ,—вѣсть о смерти св. Кирилла еще не дошла до него. Адріанъ II немедленно отправилъ Меѳодія съ письмомъ къ Коцелу и буллой на имя Ростислава, племянника его Святополка и Коцела. Въ письмѣ къ Коцелу папа пишетъ, что посылаетъ Меѳодія не къ нему только, а ко всѣмъ славянскимъ странамъ, какъ учителя отъ Бога и св. Петра, перваго настольника и ключедержца царствія небеснаго. Въ буллѣ къ князьямъ, послѣ восхваленія ихъ за служеніе Богу, такъ пишетъ: «Не только у нашего святительскаго престола вы просили учителя, но и у *благовѣрнаго* царя Михаила. Онъ послалъ вамъ блаженнаго Константина философа и брата его прежде, чѣмъ мы успѣли послать кого-либо. *Они же*, узнавъ, что области ваши принадлежатъ апостольскому престолу, *не дѣлали ничего противнаго канонамъ*, но пришли къ намъ съ мощами св. Климента. Мы рѣшили послать вамъ Меѳодія съ его учениками, *чтобы онъ, переводя книги на вашъ языкъ, наставилъ васъ во всякомъ церковномъ обрядѣ и святомъ богослуженіи*». Посылая князьямъ такое ласковое письмо, папа отправляетъ Меѳодія только въ священническомъ санѣ; затѣмъ, хотя и разрѣшаетъ совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, но требуетъ, чтобы Евангеліе и Апостолъ читали сначала на латинскомъ, а потомъ уже на славянскомъ языкѣ.

Великая печаль наполнила сердца славянъ, когда они узнали о кончинѣ блаженнаго Кирилла. Съ тѣмъ большею любовью встрѣтили они Меѳодія, на котораго отнынѣ падала вся тяжесть борьбы съ врагами славянской церкви. Въ Панноніи Меѳодій избралъ для себя мѣсто жительства. Но паннонскому князю желательно было имѣть духовное лицо въ санѣ епископа, дабы онъ могъ устроить церковь; и потому въ скоромъ времени Коцелъ послалъ Меѳодія обратно въ Римъ и достигъ того, что Меѳодій былъ посвященъ въ архіепископа Панноніи и Моравіи, и такимъ образомъ возстановлялась древняя паннонская каѳедра св. ап. Андроника, которая процвѣтала въ земляхъ по среднему Дунаю, съ центромъ въ Сирміи (не-

далеко отъ нын. Бѣлграда, къ сѣверу) до нашествія гунновъ. Учрежденіемъ славянской епархіи, объединявшей всѣхъ славянъ единствомъ вѣры, церковнаго и литературнаго языка и власти, совершалось великое дѣло для славянства; но этимъ нарушались права нѣмецкаго духовенства и наносился жестокій ударъ политическимъ стремленіямъ нѣмецкихъ королей.

Папы вообще не-охотно соглашались на основаніе новыхъ архіепископскихъ каѳедръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ вліяніе еще не укрѣпилось. Но теперь папа рѣшился удовлетворить просьбу паннонскаго князя по весьма важнымъ соображеніямъ. Образованіе новой паннонской архіепископіи, непосредственно зависящей отъ римскаго престола, открывало путь къ распространенію папской власти надъ славянами. Неудовлетвореніе же желанія славянскаго князя могло совсѣмъ оттолкнуть его отъ Рима, какъ это случилось съ Болгаріей.

Посвященный въ архіепископа Панноніи и Моравіи, Меѳодій началъ свою дѣятельность въ области Коцела устроеніемъ церковнаго чина и введеніемъ славянскаго богослуженія. Ближайшимъ слѣдствіемъ было то, что управляющій церковными дѣлами въ этой области отъ имени зальцбургскаго архіепископа удалился въ Зальцбургъ (въ Баваріи), чтобы возбудить жалобу о нарушеніи правъ его. Архіепископъ, въ союзѣ съ нѣмецкимъ королемъ, съ ожесточеніемъ обрушился на Меѳодія. Къ несчастью, въ это время политическая сила въ Панноніи и Моравіи перешла опять къ нѣмцамъ. Скоро послѣ того, какъ Людовикъ вынужденъ былъ заключить миръ съ Ростиславомъ, нѣмцамъ удалось воспользоваться ссорой между нимъ и Святополкомъ, который, желая завладѣть властію, измѣннически схватилъ дядю и выдалъ его нѣмцамъ, а они приговорили Ростислава къ смерти, и только по милости Людовика смертная казнь была замѣнена ослѣпленіемъ и заключеніемъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ монастырей, и нѣмцы вновь стали распоряряжаться въ Моравіи. Вслѣдъ за ними и духовенство ихъ должно было начать латинскую проповѣдь, собирать десятину и вырывать сѣмена, посѣянныя св. братьями. Святополкъ очутился сподручникомъ нѣмцевъ, предъ которыми сталъ еще слабѣе Коцелъ. При такихъ-то обстоятельствахъ, около 871 г., Меѳодій вызывается въ качествѣ отвѣтчика на соборъ нѣмецкихъ епископовъ, чтобы дать отвѣтъ, по какому праву пользуется онъ епископскими преимуществами въ чужой епархіи. Меѳодій говоритъ, что епископствуетъ въ области римскаго епископа, а не зальцбургскаго, и что напрасно отцы изъ жадности ставятъ преграду святому дѣлу. Когда же ему угрожаютъ наказаніемъ, онъ отвѣчаетъ, что безстрашно будетъ говорить истину и передъ царями и съ любовью послѣдуетъ

примѣру тѣхъ, которые за проповѣдь истины кончили жизнь въ мукахъ. И не напрасно ему угрожали: онъ былъ осужденъ, лишенъ сана и свободы. Задержавшій его епископъ Ганнонъ (фрейзингенскій) приказывалъ бить его палками, держать на морозѣ и подвергать другимъ физическимъ мученіямъ; наконецъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму въ Швабіи, гдѣ и пробылъ ($2^1/_2$—3 года), терпя всякія насилія и истязанія. Заступиться за Меѳодія слѣдовало прежде всего папѣ, который поставилъ его архіепископомъ Моравіи и Панноніи. Но папа занятъ былъ своими отношеніями къ Болгаріи, отъ которой никакъ не хотѣлъ отказаться. Между тѣмъ, умный императоръ Василій сумѣлъ усилить власть свою по Адріатическому побережью, въ Хорватіи и Сербіи, куда также были посланы греческіе священники. Такимъ образомъ, не до Меѳодія было папѣ, и онъ предпочиталъ не идти наперекоръ врагамъ его. Не скоро вступился за страдальца и преемникъ Адріана II, папа Іоаннъ VIII, занявшій папскій престолъ въ началѣ 872 г. Судьба Меѳодія измѣнилась лишь съ измѣненіемъ политическаго положенія Моравіи. Святополкъ, достигшій княжеской власти цѣною предательства по отношенію къ дядѣ и угодничества нѣмцамъ, вскорѣ самъ попалъ въ подозрѣніе у послѣднихъ и брошенъ въ тюрьму. Между тѣмъ для моравань не пропали даромъ труды Ростислава и солунцевъ: они не могли снести того, чтобы маркграфы попирали ихъ свободу, чтобы они оскорбляли ихъ народную гордость. Общая опасность соединила весь народъ и направила къ одной цѣли—освобожденію отъ нѣмцевъ. Подъ предводительствомъ священника Славоміра изъ княжескаго рода народъ возсталъ; нѣмцы, желая воспользоваться именемъ Святополка, освободивъ его, отправили его съ отрядомъ въ Моравію.

Едва вступивъ въ Моравію, Святополкъ всталъ во главѣ народнаго движенія и въ 874 г. умѣлъ одолѣть нѣмцевъ, свергнулъ власть ихъ и принудилъ ихъ заключить миръ. Успѣхи Святополка не могли не внушить баварскимъ епископамъ опасенія за свою церковную власть въ Моравіи и Понноніи, и они поспѣшили предупредить Святополка обращеніемъ къ Риму, чтобы оттуда получить новое признаніе своихъ правъ, нарушенныхъ, какъ они думали, Меѳодіемъ. Но цѣль ихъ не была достигнута. Въ Римѣ не отказались отъ мысли имѣть Моравію и Понною въ непосредственной зависимости отъ римскаго престола; узнали и о новомъ поворотѣ дѣлъ въ Моравіи въ пользу Святополка, и сочли благоразумнымъ воспользоваться этимъ въ пользу интересовъ римской каѳедры. Съ другой стороны, тотъ же слухъ о возрастающей силѣ Святополка внушалъ опасенія, что Моравія можетъ, подобно Болгаріи, выйти изъ-подъ вліянія и церковной зависимости Рима, если

папа останется союзникомъ нѣмецкой іерархіи въ ея враждебныхъ отношеніяхъ къ національной церкви въ Моравіи и Панноніи. Совокупностью этихъ соображеній объясняется энергическое вмѣшательство п. Іоанна VIII въ дѣла паннонско-моравской церкви. Отправленъ былъ легатъ въ Германію и Паннонію съ инструкціей, въ которой папа заботится болѣе всего о правахъ римской каѳедры и еще не говоритъ о Меѳодіи. Но еще прежде, чѣмъ легатъ выѣхалъ изъ Рима, получены были подробныя и точныя свѣдѣнія о бывшемъ судѣ надъ Меѳодіемъ и его заключеніи. Въ этомъ папа увидѣлъ прямое оскорбленіе авторитета Рима и также болѣе удобный поводъ осудить притязанія нѣмецкой іерархіи. Въ подробной инструкціи легату папа поручаетъ ему высказать строгое осужденіе баварскимъ епископамъ (зальцбургскому, пассавскому, фрейзингенскому и др.), налагая на каждаго изъ нихъ строгую кару. Меѳодія же приказываетъ возстановить въ санѣ. Меѳодій возвратился въ Паннонію, но смерть Коцела въ томъ же 874 г. измѣняетъ положеніе дѣлъ въ Панноніи. Непосредственная власть надъ этимъ княжествомъ переходитъ къ Карломану, слѣдовательно, и церковная власть тамъ удерживается за нѣмцами; а Меѳодій переселяется въ Моравію. Теперь Меѳодій можетъ опереться на Святополка и моравaнъ и нѣсколько лѣтъ спокойно устраивать моравскую церковь и распространять славянское богослуженіе за предѣлами Моравіи, такъ какъ Святополкъ раздвинулъ предѣлы своего государства, подчинивъ своей власти Чехію, сербовъ-лужичанъ и ляховъ на верховьяхъ Вислы. Княжество Моравское стало Великой Моравіей. Вмѣстѣ съ политической властью княжества, росла и его церковная власть въ лицѣ Меѳодія. Вскорѣ принялъ крещеніе отъ Меѳодія чешскій князь Боривой и его супруга Людмила. Можно предположить, что вліяніе Меѳодія распространялось и на хорватовъ Далмаціи и сербовъ, такъ какъ у первыхъ православіе держалось до 925 г., вторые же сохранили православіе и по нынѣ. Но не бездѣйствовало и нѣмецкое духовенство. Всѣ западно-славянскія земли были еще ранѣе раздѣлены по нѣмецкимъ епархіямъ, такъ что епископъ Меѳодій неизбѣжно долженъ былъ столкнуться въ Чехіи съ нѣмецкимъ духовенствомъ. Весь успѣхъ дѣла свободной проповѣди христіанства греческаго обряда въ державѣ Святополковой зависѣлъ, несомнѣнно, отъ личнаго расположенія князя къ своему архіепископу, и если бы Святополкъ видѣлъ въ славянскомъ богослуженіи необходимое средство къ сохраненію самостоятельности, то онъ дорожилъ бы своимъ архіепископомъ и защитилъ бы его отъ всѣхъ козней; но Святополкъ, въ этомъ отношеніи, былъ далеко ниже Ростислава. Ему удалось раздвинуть широко надъ сосѣдями свою власть, сдѣлаться могущественнымъ государемъ, быть

страшнымъ для враговъ; но онъ мало заботился о средствахъ, которыми достигалъ цѣли; его не одушевляла великая идея борьбы за духовную свободу народа, свою власть онъ ставилъ выше всего и нѣмецкое духовенство вскорѣ снова нашло доступъ въ Моравію, умѣло проникнуть даже ко двору и войти въ довѣріе къ князю. Вызнавъ слабости князя и потакая его грубымъ страстямъ, оно возбудило въ немъ недовѣріе къ Меѳодію, обвиняя его въ ереси, а въ народѣ распустило слухъ, будто папа отнялъ у Меѳодія церковную власть и подчинилъ вновь моравскую церковь нѣмецкому духовенству. При папскомъ дворѣ также нашлись люди, которые убѣдили п. Іоанна VIII запретить или по крайней мѣрѣ стѣснить славянское богослуженіе (879). Не обративъ вниманія на эти козни, Меѳодій продолжалъ по совѣсти свое дѣло; но у него были вездѣ соглядатаи, доносившіе о немъ въ Римъ. Святополкъ, сбитый съ толку врагами Меѳодія, послалъ, наконецъ, къ папѣ придворнаго священника пресвитера Іоанна Венеціанскаго. Въ это время при дворѣ Святополковомъ было нѣсколько нѣмецкихъ священниковъ, а въ 879 г. явился Викингъ, будущій заклятый врагъ Меѳодія. Въ томъ же году Меѳодій отправился въ Римъ по вызову папы; его сопровождалъ, въ качествѣ довѣреннаго лица князя, Викингъ.

Въ лицѣ п. Іоанна VIII Меѳодію пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ весьма замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ. Нельзя не удивляться необыкновеннымъ дипломатическимъ способностямъ Іоанна VIII. Онъ умѣлъ выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Въ труднѣйшихъ положеніяхъ для него пригодно было всякое средство: съ величайшимъ хладнокровіемъ заключалъ онъ союзы и нарушалъ ихъ. Теперь ему нужна была помощь Византіи, и онъ пошелъ на всякія уступки въ пользу Меѳодія и его дѣла. Онъ нашелъ возможнымъ, послѣ двукратнаго запрещенія, снова разрѣшить славянскій языкъ въ богослуженіи и оправдать Меѳодія. Съ послѣднимъ папа послалъ къ Святополку письмо (880 г.), весьма замѣчательное по содержанію. Свидѣтельствуя въ немъ о правовѣріи Меѳодія, подтверждая за нимъ высшія іерархическія права въ Моравіи и признавая славянскій языкъ годнымъ для славословія Бога наравнѣ съ языками—еврейскимъ, латинскимъ и греческимъ, Іоаннъ въ то же время извѣщаетъ князя о рукоположеніи для Моравіи епископа изъ нѣмцевъ, Викинга; разрѣшая вообще совершать литургію на славянскомъ языкѣ, папа дѣлаетъ оговорку: «Ради большей торжественности, читайте Евангеліе на литургіи сначала на латинскомъ, а потомъ на славянскомъ языкѣ, а если тебѣ (Святополку) болѣе нравится латинская месса, то мы повелѣваемъ для тебя служить на латинскомъ языкѣ».

Поставленіемъ для Моравіи епископа Викинга изъ природ-

ныхъ нѣмцевъ папа усиливалъ нѣмецкую партію при дворѣ Святополка, вносилъ нескончаемые раздоры и ставилъ въ сомнительное положеніе архіепископа Меѳодія. Самъ Святополкъ любилъ окружать себя иноземнымъ духовенствомъ, видя въ немъ представителя западной цивилизаціи и считая себя однимъ изъ западныхъ государей; былъ близокъ съ герцогомъ Арнульфомъ, получившимъ въ управленіе Каринтію и Паннонію. Такимъ образомъ, со времени возвращенія изъ Рима Меѳодія въ Моравію, въ концѣ 880 г. начались для него новыя испытанія. Пользуясь значеніемъ при дворѣ и личнымъ расположеніемъ Святополка, нѣмецкая партія во главѣ съ Викингомъ, поддерживаемая высшимъ нѣмецкимъ духовенствомъ и Арнульфомъ, старалась, потакая грубымъ страстямъ князя, рассорить его съ Меѳодіемъ и снова возбудить къ нему недовѣріе; для чего не останавливалась ни передъ какою клеветою, увѣренная въ своей безнаказанности. Въ это тяжелое для папы время, когда со всѣхъ сторонъ ему угрожали враги, внѣшніе и внутренніе (съ юга сарацины, съ сѣвера—итальянскіе графы), не въ пору было ему производить судъ между Меѳодіемъ и Викингомъ, за спиной котораго стояла вся нѣмецкая іерархія. Понималъ это Викингъ и не особенно боялся папскаго суда. Но скоро случились обстоятельства, значительно ослабившія значеніе нѣмецкой партіи и давшія Меѳодію свободу дѣйствовать самостоятельно: съ 882 г. началась жестокая война у Святополка съ Арнульфомъ.

Меѳодій былъ ненавистенъ нѣмецкому духовенству, какъ основатель особенной славянской церкви, и для нихъ важно было восторжествовать надъ нимъ какимъ бы то ни было способомъ. «Житія» свидѣтельствуютъ о новыхъ интригахъ противъ Меѳодія въ видѣ говора о гнѣвѣ императора Василія на Меѳодія. Поводомъ къ этому говору, какъ кажется, послужило письмо императора къ Меѳодію и посольство къ Святополку. Въ это время на патріаршемъ престолѣ былъ снова Фотій, съ которымъ императоръ Василій примирился еще въ 875 г., нуждаясь въ его услугахъ, а послѣ смерти Игнатія въ 878 г. Фотій былъ возстановленъ на патріаршемъ престолѣ. И вотъ, послѣ почти 20-ти лѣтняго перерыва сношеній съ Моравіей, зародилось желаніе у императора и Фотія возстановить эти сношенія. Тутъ играли роль и нѣкоторыя политическія соображенія. Прибытіе византійскаго посольства въ Велеградъ, свиданіе его съ Меѳодіемъ подали поводъ недругамъ его намѣренно истолковать эти свиданія въ смыслѣ гнѣва императора на Меѳодія. Поэтому естественно было Меѳодію, въ опроверженіе враждебныхъ ему слуховъ, съ радостью принять приглашеніе императора, не взирая на преклонныя лѣта и ослабленное трудами и страданіями здоровье. Меѳодій взялъ съ собою нѣсколько учениковъ и

экземпляръ славянскихъ книгъ. Императоръ и патріархъ приняли Меѳодія съ радостью и почетомъ, похвалили его ученіе, вѣрное православію. По просьбѣ императора Меѳодій оставилъ въ Царьградѣ одного изъ моравскихъ священниковъ и одного дьякона, также и книги. Это нужно было императору для своихъ славянскихъ подданныхъ.

Отпуская Меѳодія, императоръ щедро одарилъ его, «съ великой честью проводилъ его, исполнивъ всѣ его просьбы» («Житія»). Важнѣе всего было для Меѳодія, несомнѣнно, содѣйствіе императора къ улучшенію его положенія въ Моравіи. И дѣйствительно, по возвращеніи Меѳодія изъ Царьграда, отношенія Святополка къ Меѳодію улучшились. Что касается Фотія, то онъ выказалъ участіе къ дѣлу Меѳодія въ Моравіи, снабдивъ его, по всей вѣроятности, лучшими греческими экземплярами всего кодекса священныхъ книгъ и др. (Номаканона), къ переводу которыхъ немедленно по возвращеніи изъ Царьграда Меѳодій и приступилъ и далъ, такимъ образомъ, моравской церкви все, что требовалось для полноты средствъ ея существованія и развитія, какъ христіанской національной церкви. Меѳодіемъ были переведены или точнѣе — проредактированы были вновь всѣ каноническія книги. Въ переводахъ брата своего Меѳодій имѣлъ не только часть готовыхъ переводовъ, но и образецъ для собственнаго перевода, а въ теченіе своего 20 л. служенія въ Моравіи онъ пріобрѣлъ совершенное знакомство съ языкомъ моравскихъ славянъ, съ свойственными ему особенностями, имѣлъ богатую церковно-славянскую терминологію, а съ духомъ и съ свойствами греческаго языка онъ былъ еще глубже знакомъ. Тѣмъ не менѣе подвигъ, совершенный имъ, былъ великъ и труденъ. Трудъ его былъ напряженный, усиленный, и, наконецъ, онъ дождался радости увидѣть его оконченнымъ ко дню св. Димитрія Солунскаго, 26 окт. 884 г., и въ этотъ день онъ совершилъ торжественную литургію съ своимъ славянскимъ клиромъ.

А между тѣмъ, война, начавшаяся у Святополка съ Арнульфомъ въ 882 г., продолжалась. Въ 883 г. Святополкъ разбилъ нѣмцевъ, жестоко расправился съ нѣкоторыми графами, а въ 884 г. вторгся въ Паннонію, нанесъ новое жестокое пораженіе нѣмцамъ и произвелъ страшное опустошеніе въ странѣ, наведя ужасъ даже на самого Арнульфа. По миру, заключенному съ нѣмецкимъ императоромъ, Святополкъ получилъ нижнюю Паннонію. Съ возвращеніемъ Панноніи связано посѣщеніе ея Меѳодіемъ. Ему дорога была эта страна по воспоминанію о начальномъ служеніи въ ней въ санѣ епископа — Меѳодій не видѣлъ ея десять лѣтъ. Но за это время дѣло его и славянства сильно пострадало: славянское духовенство было въ загонѣ, славянское богослуженіе подорвано. По-

сѣтивъ эту страну, Меѳодій поднялъ духъ славянскаго духовенства, среди котораго были еще его ученики и ставленники, возстановилъ славянское богослуженіе и вообще церковный порядокъ. Съ покореніемъ Панноніи связано еще одно обстоятельство—осужденіе и отлученіе Викинга. Этотъ епископъ давно уже заслуживалъ строгой церковной кары, какъ лжецъ и клеветникъ на своего архіепископа. Но то было время, когда за спиной у него стоялъ Арнульфъ, другъ Святополка, — положеніе его было крѣпкое; теперь обстоятельства измѣнились—изъ друга Арнульфъ сталъ врагомъ, щадить Викинга нечего было, а между тѣмъ, пользуясь своей безнаказанностью, онъ вмѣшивался въ церковныя дѣла Панноніи, злоупотреблялъ своей властью, какъ епископъ нитранскій, подрывалъ авторитетъ своего архіепископа, вытѣснялъ славянское богослуженіе, вводилъ измѣненный на Западѣ символъ, не принятый еще и бывшимъ папою Іоанномъ VIII. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и давало право Меѳодію произнести отлученіе на Викинга за ересь. Препятствій со стороны Святополка не могло быть.

Меѳодію оставалось совершить еще одно важное дѣло, которое должно было послужить къ упроченію самостоятельности славянской церкви въ Моравіи—устройство высшей славянской іерархіи учрежденіемъ епископскихъ каѳедръ съ епископами изъ моравскихъ славянъ. Но въ этомъ Меѳодій не встрѣтилъ содѣйствія ни со стороны Святополка, ни со стороны преемниковъ п. Іоанна VIII, непріязненно настроенныхъ по отношенію къ Востоку и не желавшихъ поддерживать дѣла Меѳодія.

Но дни Меѳодія были уже сочтены; приближался день кончины великаго апостола славянъ. Вѣсть объ этомъ собрала многочисленное духовенство и народъ въ соборную церковь Велеграда въ вербное воскресенье 4 апрѣля 885 г. Уже изнемогающій, Меѳодій пришелъ въ церковь, чтобы въ послѣдній разъ помолиться въ ней и проститься съ паствой. Въ прощальномъ словѣ онъ, подобно брату своему, помянулъ греческаго царя, посылая ему благословеніе; благословилъ онъ и моравскаго князя Святополка, не пришедшаго проститься съ отходящимъ великимъ старцемъ; благословилъ и весь собравшійся клиръ и народъ, среди общихъ вздоховъ скорби. Онъ убѣждалъ свою паству твердо держаться ученія православной церкви, «на которомъ основана и самая церковь». «Послѣ моей кончины—сказалъ онъ—придутъ лютые волки, которые будутъ стараться соблазнить народъ, но вы тѣмъ противостойте, будьте тверды въ вѣрѣ: это завѣщаетъ вамъ черезъ меня апостолъ Павелъ». За тѣмъ, благословивъ всѣхъ, св. старецъ сказалъ: «Постерегите меня до третьяго дня». Въ этомъ прозрѣніи

дня кончины своей Меѳодій доживалъ послѣдніе дни съ единой мыслью о Богѣ, ясною и живою до послѣдняго дыханія, когда на разсвѣтѣ третьяго дня, во вторникъ Страстной недѣли 6 апрѣля 885 года, на рукахъ своихъ учениковъ, предалъ духъ свой въ руки Божьи.

Ученики почившаго учителя рѣшили совершить похороны съ необычайною торжественностью. Заупокойная служба совершена была на языкахъ: латинскомъ, греческомъ и славянскомъ, какъ языковъ церквей—*римской*, отъ которой онъ получилъ посвященіе и былъ въ іерархической зависимости; *греческой*, которой принадлежалъ по происхожденію, воспитанію и вѣрѣ; *моравской*, въ которой былъ святителемъ, учителемъ и устроителемъ. Самою торжественною, надо полагать, была славянская служба, совершенная въ служеніи всего бывшаго на лицо духовенства изъ моравaнъ, съ предстоятельствомъ въ служеніи Горазда, «настольника» почившаго, указаннаго имъ самимъ. Горазда Меѳодій назначилъ своимъ преемникомъ, какъ лучшаго изъ своихъ учениковъ, мѣстнаго уроженца, отличавшагося ученостью и твердостью въ вѣрѣ православной. Такимъ образомъ, Меѳодій все сдѣлалъ, что́ могъ, для обезпеченія дальнѣйшаго существованія и развитія моравской церкви [1]).

III.

Если Константинъ философъ терпѣлъ отъ враговъ славянской церкви и славянскаго богослуженія и если Меѳодія преслѣдовали, истязали, томили въ заключеніи,—то чего могли ожидать его ученики послѣ кончины его? Что могла ожидать устроенная ими церковь?

Послѣ смерти Меѳодія снова начинается сильное движеніе среди нѣмецкой партіи при дворѣ Святополка, и Горазду недолго пришлось управлять моравскою церковью: произошли событія, едва не уничтожившія все дѣло св. братьевъ и заставившія учениковъ ихъ терпѣть жесточайшія преслѣдованія и спасаться бѣгствомъ изъ Моравіи. Еще въ 884 г. Святополкъ заключилъ миръ съ Арнульфомъ и вступилъ въ дружескія сношенія съ нимъ, не прерывавшіяся до 892 года. При такихъ обстоятельствахъ другъ Арнульфа Викингъ получаетъ прежнее высокое значеніе у Святополка и тѣмъ усиливаетъ нѣмецкую партію; эта же послѣдняя дѣйствуетъ и у папы. Подвергнутый архіепископомъ Меѳодіемъ

[1]) И. Малышевскій. Св. Кириллъ и Меѳодій, стр. 325, и слѣд.

отлученію за ересь, обличенный во лжи и клеветѣ на своего архіепископа, Викингъ отправляется въ Римъ и дѣлаетъ доносы на Меѳодія, особенно послѣ того, какъ послѣдній назначилъ себѣ преемника.

И, вотъ, папа Стефанъ VI, вступившій на папскій престолъ въ 885 г., внялъ этимъ доносамъ на славянскую церковь. Вскорѣ по смерти Меѳодія являются въ Моравію папскіе легаты съ грознымъ посланіемъ на имя Святополка. Папа порицаетъ Меѳодія, какъ распространителя лжеученія, рѣшительно запрещаетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, допуская послѣдній только въ проповѣданіи слова Божія послѣ богослуженія, возводитъ на Меѳодія клевету, будто онъ съ клятвою отрекся передъ папою Іоанномъ VIII отъ употребленія славянскаго языка въ богослуженіи; изрекаетъ проклятіе на преемника Меѳодія и другихъ его учениковъ, предписывая Святополку удалить ихъ изъ своей среды, если они не откажутся отъ ученія Меѳодіева.

Но твердо стоятъ въ своей вѣрѣ ученики почившаго.

Князь Святополкъ не былъ ревностнымъ христіаниномъ, да и не умѣлъ самъ разобраться въ истинѣ ученія; партія же нѣмецкая пользовалась его довѣріемъ и расположеніемъ, а потому, подозрѣніе въ ложномъ ученіи Меѳодія было достаточнымъ побужденіемъ для него, чтобы предоставить нѣмецкой партіи полную свободу въ Моравіи. Гораздъ низвергнутъ; Викингъ, непримиримый врагъ славянства, сдѣланъ архіепископомъ Моравскимъ, преемникомъ Меѳодія. Приверженцевъ Горазда начинаютъ преслѣдовать, грабятъ ихъ жилища; другихъ, обнаживши, волочатъ по колючимъ растеніямъ; такъ поступали съ пожилыми людьми, молодыхъ же священниковъ и дьяконовъ продавали, между прочимъ, жидамъ, которые издавна занимались торговлей рабами. Тѣхъ же, которые имѣли санъ учительскій, какъ Горазцъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларій, Лаврентій и другіе, заковавши въ цѣпи, бросили въ темницу. Наконецъ, послѣ многихъ мученій, избитыхъ, изможденныхъ, голодныхъ, передали ихъ воинамъ съ приказаніемъ развести ихъ по разнымъ странамъ, прилегавшимъ къ Дунаю. А воины вывели ихъ изъ города, раздѣли ихъ и тащили по дорогѣ обнаженными, мечами и копьями ударяя ихъ по плечамъ и бедрамъ. Отведши далеко за городъ, оставили ихъ тамъ, а сами возвратились домой. Исповѣдники же Христовы устремились въ Болгарію, которая должна была дать имъ успокоеніе [1]).

Въ то время какъ изгнанники подвизались уже на новой нивѣ (на Балканскомъ полуостровѣ), въ Моравіи положеніе славянской

[1]) «Пространное Житіе св. Климента», см. напр. у Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій по западнымъ легендамъ, ч. II, стр. 355—6.

церкви было печальное. Она была отдана во власть Викингу, который долженъ былъ искоренить въ ней ученіе Меѳодія и закрѣпить власть Рима надъ ней. Однако, дѣло св. Кирилла и Меѳодія не было въ конецъ подавлено и въ это тяжелое время господства Викинга. Если главнѣйшіе ученики Меѳодія и были изгнаны изъ Моравіи, все-же въ странѣ осталось не мало ихъ изъ числа 200, о которыхъ говоритъ «житіе» Климента. И если имъ и пришлось подчиниться Викингу, все-же они сохранили самое дорогое сокровище, славянское богослуженіе. Приходилось терпѣть его Викингу. Но время подорвало и положеніе самого Викинга въ Моравіи. Святополкъ, то мирившійся, то ссорившійся съ Арнульфомъ, недолго оставался съ нимъ въ мирѣ и теперь. Святополкъ убѣдился, наконецъ, въ неискренности Арнульфа и нѣмцевъ; онъ замѣчаетъ притязанія ихъ привесть Моравію въ вассальныя отношенія къ имперіи, и, сознавая собственную силу, рѣшается держать себя съ полною независимостью. Теперь уже, въ 892 г. загорается между Арнульфомъ (императоромъ съ 887 г.) и Святополкомъ последняя война, въ которой первый обнаруживаетъ себя непримиримымъ врагомъ самобытности моравскаго государства. Два года Арнульфъ ничего не могъ сдѣлать противъ силы моравской. Тогда сталъ онъ искать союза съ хорватами и болгарами и въ то же время послалъ звать на Святополка мадьяръ (угровъ), которые уже придвинулись къ среднему Дунаю. Но Святополкъ устоялъ со славою противъ сильнаго войска, направленнаго на него со всѣхъ сторонъ. Въ слѣдующемъ году Арнульфъ опять потерпѣлъ неудачу, но въ 894 г. Святополкъ умираетъ, и въ этой Великой Моравіи, которую, вмѣстѣ съ учениками св. Кирилла и Меѳодія, покинула духовная сила, геній одного человѣка служитъ опорою цѣлаго государства и смерть этого человѣка является предвѣстницей быстраго, страшнаго паденія. Со смертью Святополка война однако еще не кончена. Мадьяры ворвались въ нижнюю Паннонію и произвели здѣсь жестокія насилія и опустошенія. При такихъ обстоятельствахъ состоялся у славянъ миръ съ нѣмцами, осенью 894 г., и миръ, конечно, невыгодный для моравянъ. Уже въ слѣдующемъ году являются чешскіе князья на поклонъ къ Арнульфу и дѣлаются его вассалами. Молча должны были смотрѣть на это Святополковичи (2 брата), между которыми раздроблено было великое отцовское наслѣдіе, и не проявили ничѣмъ своего недовольства: сразу обнаружилось отсутствіе сильной руки, правящей страной. Но Арнульфъ не упускалъ изъ виду и другихъ средствъ къ ослабленію Моравіи. Направленная ловкою рукою Викинга, сдѣлавшагося канцлеромъ Арнульфа, братская распря между моравскими князьями окончательно расшатываетъ Святополкову дер-

жаву. Мадьяры довершають ея гибель. Переступивъ Карпаты, мадьяры заняли сначала полосу до Бодрога и Тиссы, сѣверовосточный уголъ нынѣшней Угорщины (Венгріи). Занявъ сѣверную окрайну задунайской Болгаріи, мадьяры стали распространяться все далѣе на югъ и западъ. Въ нихъ развилась необыкновенная удаль и сила. Къ нимъ приставали ихъ родичи, вѣтви печенѣговъ, и остатки аваръ, и все страшнѣе и страшнѣе становились ихъ набѣги. Въ нѣсколько лѣтъ, устремляясь то въ ту, то въ другую сторону, разгромили они задунайскую Болгарію и княжество Велико-Моравское. Между тѣмъ, еще въ 899 г. умеръ Арнульфъ, но враждебныя отношенія баварцевъ къ Моравіи не прекращаются. Положеніе еще болѣе обостряется церковными отношеніями. Что не удалось сдѣлать Меѳодію, удалось кн. Моймиру II. По его просьбѣ, папа Іоаннъ IX осенью 899 г. посылаетъ въ Моравію трехъ легатовъ съ порученіемъ поставить для нея архіепископа и епископовъ. Исполнивъ это, легаты, можетъ быть, написали о томъ баварскимъ епископамъ, причемъ сообщили о жалобѣ на нихъ моравянъ. Возстановленіе славянской іерархіи въ Моравіи, сопрововождавшееся строгимъ выговоромъ баварскимъ епископамъ, подняло цѣлую бурю среди нихъ. Дѣло о славянской іерархіи ставили они, какъ дѣло, касавшееся не одной баварской, но и всей нѣмецкой іерархіи, и вся она была поставлена на ноги. Полетѣли протесты къ папѣ. И вотъ, въ письмѣ майнцскаго архіепископа Гаттона, среди жалобъ на моравянъ, высказывается слѣдующая знаменитая фраза: «во всякомъ случаѣ славяне—хотятъ ли они того или не хотятъ—будутъ подчинены баварскому королевству». Такимъ образомъ, Моравія обрекалась нѣмцами на неизбѣжную утрату политической независимости. Но споръ изъ-за славянской іерархіи ничѣмъ не кончился. Новый папа, Бенедиктъ IV, сторонникъ нѣмцевъ, готовъ былъ бы угодить баварскому духовенству, но въ то же время ему желательно было удержать въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи моравскую церковь, и онъ избралъ средній путь—совѣтовалъ обѣимъ сторонамъ примириться. Въ это время пришлось и нѣмцамъ имѣть дѣло съ уграми или мадьярами. Это было въ 900 г. Съ тѣхъ поръ набѣги угровъ слѣдовали безпрерывно, и хотя нѣмцы и пришли къ сознанію опасности со стороны угровъ, но сознать свою слабость и страхъ передъ дикой ордой они не могли, и не принимали никакихъ серіозныхъ мѣръ къ обезпеченію себя отъ опасности. Не безъ злорадства смотрѣли они на бѣдствія моравянъ, и только теперь, послѣ паденія Моравіи, послѣдовавшаго между 904 и 907 г. они поняли всю опасность собственнаго положенія, сдѣлавшагося критическимъ, когда не стало славянскаго княжества, отчасти слу-

жившаго имъ оплотомъ противъ страшныхъ кочевниковъ, отчасти отвлекавшаго сихъ послѣднихъ. Пришлось серіозно подумать о принятіи энергичныхъ мѣръ для защиты своихъ владѣній. Они надѣялись сосредоточеніемъ всѣхъ своихъ силъ и стремительнымъ, дружнымъ наступленіемъ сразу нанести уграмъ рѣшительное пораженіе. Въ іюлѣ 907 г. нѣмцы выступили въ походъ, а въ началѣ іюля произошло ихъ неудачное роковое столкновеніе съ уграми. Въ этой несчастной для нѣмцевъ и всей западной Европы битвѣ много пало графовъ и другихъ важныхъ баварцевъ.

Понятно, какое подавляющее впечатлѣніе должно было произвести это событіе на весь европейскій Западъ.

Битва 907 г. имѣла огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, на успѣхи мадьярской орды и на роль, которую угры затѣмъ вскорѣ пріобрѣли среди европейскихъ народовъ. Настроеніе обѣихъ борющихся сторонъ совершенно измѣнилось: исчезла гордость и самоувѣренность нѣмцевъ, уступивъ мѣсто чувству непреодолимаго страха и даже отчаянія. Напротивъ, въуграхъ развилась самоувѣренность, предпріимчивость и отвага. Они рѣшили воспользоваться выгодами своего положенія и безпрерывными набѣгами не давать Европѣ собраться съ силами. И угры въ своихъ опустошительныхъ набѣгахъ проникали все дальше и дальше на западъ, въ самые отдаленные его концы, не щадя ничего на своемъ пути и принося съ собой всюду гибель и разореніе.

Такимъ образомъ, 907 г. представляетъ рѣшительный поворотъ въ исторіи подунайскихъ странъ. Торжество угровъ надъ нѣмцами не только установило въ этихъ странахъ новыя политическія отношенія, но неизбѣжно должно было создать новый порядокъ вещей. Наступила роковая развязка той борьбы, политической и культурной, которую нѣмецкая держава въ теченіе столѣтій такъ настойчиво и послѣдовательно вела въ своихъ дунайскихъ маркахъ изъза водворенія интересовъ германизаціи.

Изъ далекихъ азіатскихъ степей принесли угры эту развязку и своимъ поселеніемъ на равнинѣ средняго Дуная дали новое направленіе исторіи не однихъ только придунайскихъ земель, но и всей западной Европы. До 907 г. германскій міръ еще не отдавалъ себѣ отчета въ совершившемся переворотѣ. Только битва 907 г. со своими бѣдственными послѣдствіями обнаружила настоящее положеніе дѣлъ и быстро повела за собой событія къ окончательной развязкѣ: нѣмецкая власть была отброшена назадъ за р. Энжу. Если бы не было битвы 907 г., то, по всѣмъ человѣческимъ расчетамъ, граница сплошной нѣмецкой земли была бы нынѣ не на верхнемъ Раабѣ, а на нижней Савѣ [1]).

[1]) К. Гротъ, Моравія и Мадьяры въ XI и X вв. стр. 406—409.

IV.

Съ паденіемъ Моравской державы пала въ этой странѣ и славянская церковь. Хотя ближайшей причиной ея паденія было мадьярское завоеваніе, но коренной и существенной была давняя непріязнь къ ней нѣмецкой іерархіи, подкрѣпляемой изъ Рима. Моравія и моравская церковь пала бы и безъ угровъ: съ одной стороны—неуклонная политика нѣмцевъ, превосходство ихъ военной силы и культуры, которая была старѣе славянской культуры на нѣсколько вѣковъ, постепенное распространеніе нѣмецкой колонизаціи со всѣми ея послѣдствіями; съ другой — слабая государственная организація, наклонность къ междоусобіямъ и податливость иноземнымъ вліяніямъ. Съ этой точки зрѣнія угорское нашествіе было надолго благодѣтельно для славянъ. Отпоръ назадъ, данный уграми нѣмцамъ, оставилъ славянамъ возможность сохранить свою народность и черты своей самобытности тамъ, гдѣ имъ грозило неизбѣжное подавленіе нѣмцами [1].

Но пала моравская славянская церковь не сразу, и ученіе славянскихъ первоучителей еще долго держалось среди моравскихъ славянъ.

Борьба церкви восточной съ церковью западной, Византіи съ Римомъ, началась въ Угріи очень рано. Во второй половинѣ IX в. идеи и учрежденія восточной церкви одержали блестящую побѣду надъ идеями и учрежденіями западной на всемъ пространствѣ отъ Кракова до Праги, отъ Чернаго до Адріатическаго моря, и отъ Седьмиградскихъ Альпъ до Чешскаго лѣса. Моравія и Паннонія были тогда средоточіемъ славянской церкви; оттуда распростанялась дѣятельность солунскихъ братьевъ на всѣ четыре стороны: въ Чехію и Лужицы, въ Хорутанію и Хорватію, земли сербскія и болгарскія, въ Польшу и прикарпатскую Русь. Нечего говорить, что вся земля Угріи затронута была славянскими проповѣдниками,— было, такимъ образомъ, полное объединеніе славянъ одною церковью и однимъ церковнымъ языкомъ. Дѣятельность латинскихъ миссіонеровъ была на время совершенно парализована.

Правда, къ концу IX в. неразуміемъ Святополка латино-нѣмецкіе прелаты снова утверждаются въ подкарпатскихъ и подунайскихъ странахъ. Но послѣдовавшій затѣмъ разгромъ мадьярскій разогналъ и тѣхъ, и другихъ, и покрылъ церковную исторію угорской области мракомъ, который начинаетъ разсѣеваться только въ половинѣ X в. Мы находимъ ее тогда въ дѣятельныхъ сношеніяхъ

---

[1]) Тамъ-же.

съ Византіей, и одинъ изъ угорскихъ князей принимаетъ крещеніе въ Царьградѣ. Кажется, и Стефанъ I, король угорскій, былъ крещенъ по восточному обряду. Вліяніе матери-мадьярки, греческаго исповѣданія и воспитанія, при угорскомъ дворѣ было значительно и отразилось на воспитаніи Стефана.

Не смотря на всѣ усилія западнаго духовенства, послѣдній не могъ совершенно подавить въ себѣ сочувствіе къ восточной церкви, съ которою всю жизнь поддерживалъ сношенія. И, хотя жестокое пораженіе, нанесенное települ угромъ Оттономъ I при Аугсбургѣ въ 995 г., открыло вновь нѣмецкимъ проповѣдникамъ дорогу въ угорскія земли, тѣмъ не менѣе еще въ 1204 г. папа Иннокентій III жаловался угорскому королю, что въ его государствѣ много монастырей греческихъ и только одинъ латинскій; но уже въ этомъ вѣкѣ латинство начинаетъ брать перевѣсъ надъ господствовавшимъ до того славянскимъ языкомъ и греческимъ обрядомъ, и латинскій языкъ становится государственнымъ. Угрія все болѣе и болѣе сближается съ Западомъ и проникается латинской культурой, которой остается чуждъ самый народъ словенскій (словаки), среди котораго долго хранится еще память о старой вѣрѣ [1].

Пала моравская церковь, но не погибло съ нею дѣло славянскихъ апостоловъ, которыхъ по справедливости слѣдуетъ признать и первыми замѣчательными славистами. Они первые изучили славянскіе языки и обогатили славянъ такими книжными сокровищами, которыя одни были въ состояніи духовно и литературно сблизить и связать ихъ и оказались самымъ прочнымъ средствомъ и проводникомъ славянскаго культурнаго единенія. Впослѣдствіи у всѣхъ народовъ славянскихъ первые шаги въ области ознакомленія съ соплеменниками связываются съ интересомъ къ плодамъ трудовъ св. Кирилла и Меѳодія, къ языку церковно-славянскому, къ старославянской письменности, а также съ изученіемъ своей первоначальной исторіи. Лучшимъ примѣромъ ранняго славянскаго самопознанія является авторъ первоначальной лѣтописи нашей, преподавшій своимъ соотечественникамъ первые уроки славянской этнографіи и бытовой старины [2]. Славянскіе просвѣтители выработали планъ нашего культурнаго зданія, заложили фундаментъ, который несокрушимо стоитъ уже тысячелѣтіе и на которомъ выросло совмѣстными трудами всѣхъ славянъ то прекрасное зданіе, которое называется «славянской культурой».

---

[1]) Срв. А. Будиловичъ, Очерки изъ церковной исторіи Западныхъ славянъ.
[2]) К. Гротъ. Объ изученіи Славянства. Спб. 1901, стр. 6.

Въ «Паннонскихъ житіяхъ» есть, повидимому, пробѣлъ въ дѣятельности св. братьевъ. Можетъ-ли быть, чтобы они не основали школы, чтобы не основали монастыря? Откуда-же явилось то множество монастырей восточнаго обряда въ XIII в., о которыхъ говоритъ папа Иннокентій III? И, вотъ, этотъ то пробѣлъ восполняетъ сохранившееся въ Моравіи преданіе, въ которомъ исторія смѣшивается съ легендой. «Когда въ 863 г. св. Константинъ (Кириллъ) и Меѳодій пришли въ Моравію—говоритъ это преданіе—и, поселившись въ Велеградѣ, задумали переводъ св. Писанія на славянскій языкъ, то имъ необходимо было уединеніе; въ княжескомъ же замкѣ, гдѣ часто собирались гости и бывали шумныя торжества, уединеніе было невозможно. Тогда обратились они къ князю съ просьбой дать имъ мѣсто, гдѣ бы они могли спокойно заняться своимъ дѣломъ. Ростиславъ исполнилъ ихъ просьбу, и въ 864 г. Константинъ, съ дозволенія князя, сталъ строить, на неприступномъ мѣстѣ, въ дремучемъ Бухловскомъ лѣсу, на холмѣ, окруженномъ высокими скалами, славянскій монастырь и при немъ церковь св. Климента, въ которой положилъ часть мощей этого святого. Такимъ образомъ возникъ первый монастырь славянскій, а послѣ него возникли подобные монастыри въ Угорщинѣ, въ Галичинѣ и на Руси. Здѣсь св. братья собрали вокругъ себя учениковъ, избранныхъ Ростиславомъ, и они изучали языкъ церковный и богослуженіе. Подъ руководствомъ Константина ученики усвоили языкъ греческій, научились письму «кириллицѣ» и стали переводить богослужебныя и богословскія книги на старо-моравскій языкъ. Такимъ образомъ, здѣсь возникла духовная семинарія и вмѣстѣ академія или высшая славянская школа. Такъ провелъ здѣсь Константинъ годы 864—867, неутомимо трудясь надъ переводомъ священныхъ книгъ. На содержаніе монастыря Ростиславъ отдалъ окрестные лѣса, предоставивъ себѣ охотиться въ нихъ. А дабы новое учрежденіе и на будущее время было обезпечено, князь распорядился, чтобы край между Цахловомъ и Тренчиномъ уплачивалъ государственную подать Свято-Климентскому монастырю. Эта подать извѣстна во Словачинѣ подъ именемъ «дани святоклиментской» и до сихъ поръ собирается угорскимъ правительствомъ по 20 крейц. съ головы. Дальнѣйшая исторія Св.-Климентскаго монастыря такова. По возвращеніи Меѳодія въ Моравію, онъ поручилъ управленіе монастыремъ болгарину Клименту, поставленному во священника въ Римѣ. Подъ управленіемъ его монастырь съ каждымъ днемъ расцвѣталъ и высылалъ ежегодно значительное число миссіонеровъ во всѣ славянскія земли. Монахи продолжали переводить священныя книги подъ руководствомъ Климента и, когда окончили переводъ книги Маккавеевъ, Меѳодій освятилъ его. Отсюда славян-

скій обрядъ перенесенъ былъ далеко во всѣ славянскія земли. Когда же послѣ кончины Меѳодія начались гоненія на учениковъ его, тому же подвергся и монастырь. Въ числѣ изгнанниковъ былъ и настоятель монастыря, Климентъ. Съ той поры монастырь уже никогда болѣе не поднимался, хотя и оправился по изгнаніи Викинга. При разгромѣ уграми Моравіи монастырь былъ пощаженъ, но развиваться онъ не могъ, а когда Стефанъ I отторгъ Словакію отъ Моравіи, то и «святоклиментская дань» отошла къ Угріи, а монастырь остался въ Моравіи, и слѣдовательно лишился средствъ существованія, но въ немъ продолжали жить немногіе монахи. Народъ называлъ ихъ «чернокнижниками», но они пользовались доброй славой. Послѣ смерти Іоанна, епископа оломуцкаго, бывшаго защитникомъ монастыря и славянскаго богослуженія, монаховъ преслѣдовали, и они ушли въ Словакію, а съ ними и славянскій обрядъ. Училище Кирилло-Меѳодіевское пустѣло до 1358 г., когда маркграфъ I. Люксенбургскій, особенно покровительствовавшій монастырю св. Климента, передалъ его августинскимъ монахамъ св. Ѳомы въ Бернѣ. Жизнь въ монастырѣ снова пробудилась вмѣстѣ съ возобновленіемъ монастыря и церкви. Нѣсколько монаховъ было поселено тамъ подъ управленіемъ пробста августинцевъ. Маркграфъ Іоаннъ, жившій въ замкѣ Бухловѣ, недалеко отъ монастыря св. Климента, видя, какъ благочестивый людъ и лѣтомъ и зимой идетъ на гору св. Климента изъ Моравіи и Силезіи, храня воспоминанія о святыхъ вѣроучителяхъ, уполномочилъ августинцевъ совершать въ церкви св. Климента службу для почитателей св. братьевъ, и проповѣдывать слово Божіе. И вскорѣ въ монастырѣ св. Климента заведено было богослуженіе, но уже на латинскомъ языкѣ. Благодаря усердію августинцевъ, почитаніе святыхъ вѣроучителей съ каждымъ днемъ усиливалось, и тысячи вѣрующихъ стекались къ горѣ Свято-Климентской. Гора сдѣлалась любимымъ мѣстомъ благочестиваго паломничества изъ Моравіи и Угорщины, особенно изъ края платившаго дань свято-климентскую. Можно было ожидать, что у св. Климента вновь засіяетъ крестъ, хотя не православный, а латинскій, но бури гуситскія обрушились и на него, и въ 1421 г. монастырь былъ ограбленъ и сожженъ и уже болѣе никогда не возсталъ. 480 лѣтъ спустя не осталось и памяти о монастырѣ. Нынѣ возникаетъ вопросъ о воскрешеніи славы святой горы возобновленіемъ церкви. Нечего говорить, что здѣсь должно раздаваться славянское богослуженіе.

Когда въ 1888 г. владѣтель Бухловскихъ лѣсовъ, укрывающихъ въ своей чащѣ гору Свято-Климентскую, разрѣшилъ Обществу Оломуцкаго музея изслѣдовать гору, открыты были фундаменты монастыря и церкви, и здѣсь, стараніями священниковъ приход-

скихъ церквей окрестныхъ селъ, выстроена на фундаментѣ алтаря древней церкви деревянная каплица, въ которой дважды въ годъ, въ маѣ и октябрѣ, совершается богослуженіе для благочестивыхъ паломниковъ. Влѣво отъ каплицы устроена деревянная каѳедра, съ которой дважды въ годъ проповѣдуется слово Божіе [1]).

Если и нельзя доказать, что здѣсь трудились св. апостолы славянскіе, то несомнѣнно то, что здѣсь стояла церковь св. Климента съ мощами святого и при ней монастырь и училище съ славянскими монахами, первый, быть можетъ, славянскій монастырь и первое славянское училище, подъ охраной св. братьевъ, которые освятили гору эту своими стопами. Память о свв. Кириллѣ и Меѳодіи не умирала на Словачинѣ и въ Моравіи. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ горы св. Климента, находятся: селеніе «Старе мѣсто» («старый городъ»), быть можетъ мѣсто стараго Велеграда [2]), «прекрасной столицы Ростислава», какъ называли его нѣмцы,—городъ Угорское Градище и волость Велеградъ. Здѣсь въ 1198 г. основанъ былъ первымъ маркграфомъ моравскимъ, Владиславомъ Генрихомъ, монастырь въ память первоучителей славянскихъ. Монастырь этотъ былъ любимымъ и панами, и народомъ, но при Іосифѣ II онъ былъ закрытъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими монастырями. При монастырѣ былъ храмъ во имя Успенія пресв. Дѣвы Маріи, освященный въ 1228 г. и въ послѣдній разъ возобновленный послѣ пожара 1735 г. Великолѣпный храмъ, привлекающій и нынѣ благочестивыхъ паломниковъ, нынѣ преданный въ руки іезуитовъ, богатъ воспоминаніями о св. апостолахъ славянскихъ. Надъ главнымъ кораблемъ храма куполъ съ двумя башнями: у одной — статуя св. Кирилла, у другой—св. Меѳодія—въ ростъ человѣческій. Между башнями, подъ большимъ позлащеннымъ крестомъ, среди 9 каменныхъ статуй: Пр. Дѣвы съ Младенцемъ и наиболѣе чтимыхъ католиками святыхъ, находятся и статуи св. апостоловъ славянскихъ. Внутри храма находятся 4 иконы (не считая тѣхъ, которыя находятся въ боковыхъ часовняхъ) съ изображеніемъ св. братьевъ, напоминающія главныя событія изъ ихъ жизни [3]); въ ряду 18 боковыхъ алтарей два—св. Кирилла и Меѳодія. Въ самомъ храмѣ находятся гипсовыя статуи св. братьевъ. Предъ статуями водружены двѣ великолѣпныя хоругви: одна, присланная въ 1885 г., чехо-словенами изъ Сѣв. Ам. Штатовъ въ память тысячелѣтней годовщины смерти св. Меѳодія, другая—по тому же случаю—хоругвь великопольская изъ Познани.

---

1) «Svetoklimentska Hora». K. V. S.

2) Въ 1903 г. при раскопкахъ въ Велеградѣ найдено три саркофага съ крестами, чистѣйшаго византійскаго типа.

3) На всѣхъ 10 изображеніяхъ, находящихся въ Велеградѣ, св. Кириллъ и Меѳодій—въ облаченіяхъ византійскихъ, только одинъ изъ нихъ—съ тонсурой католической, но также съ бородой и въ облаченіи византійскомъ.

Недалеко отъ большого храма находится часовня, недавно возобновленная, извѣстная подъ именемъ «Кириллки». Съ древнѣйшихъ временъ «Кириллку» связывали съ св. апостоломъ, которому приписывается построеніе ея по образцу велеградскаго храма; позже здѣсь якобы проповѣдывали и совершали богослуженіе св. братья [1]. Здѣсь имѣется икона ихъ, присланная въ 1869 г. С.-Петербургскимъ Славянскимъ Обществомъ. Такимъ образомъ, маленькій уголокъ въ юго-восточной Моравіи богатъ историческими воспоминаніями для всего славянства, и кто знаетъ—быть можетъ, Провидѣніе готовитъ ему новыя лучшія судьбы въ союзѣ мира и любви цѣлаго духовно-объединеннаго славянства!

Въ Чехія крещеніе Боривоя между 874—9 гг. архіеп. Меѳодіемъ есть то важное событіе, съ которымъ старое народное преданіе связываетъ крещеніе чешскаго народа. Находясь въ это время въ политической зависимости отъ Моравіи, Чехія вошла и въ церковную отъ нея зависимость и сдѣлалась частью церковной области архіепископіи Меѳодія. Вмѣстѣ съ христіанствомъ былъ принятъ въ Чехіи и славянскій языкъ въ богослуженіе. Добровольное подчиненіе Чехіи нѣмцамъ въ 895 г. послѣ смерти Святополка моравскаго должно было повести за собой и присоединеніе ея къ епископіи нѣмецкой и вмѣстѣ и введеніе латинскаго языка въ богослуженіе. Однако, еще долгое время славянская литургія съ славянскимъ духовенствомъ существовала въ Чехіи рядомъ съ латинской литургіей и латинскимъ духовенствомъ, и въ Чехіи долго хранилась память о проповѣднической дѣятельности славянскихъ апостоловъ въ славянскомъ мірѣ. При всѣхъ усиліяхъ нѣмецкаго духовенства подавить въ славянскихъ земляхъ память о дѣлѣ св. братьевъ, заподозрить самое православіе ихъ, устранить славянскій языкъ изъ богослуженія,—являются по временамъ намеки, указывающіе на источникъ—Востокъ, откуда получило свое начало христіанство въ Чехіи.

Политическія обстоятельства влекли Чехію къ ближайшему союзу съ сильными сосѣдями, со всѣхъ сторонъ ее окружавшими; болѣе прочный союзъ она могла бы образовать съ Польшей, и тогда она успѣшнѣе выполнила бы свою миссію относительно славянства—задержать движеніе нѣмцевъ на востокъ. Но, къ несчастью, чешскіе князья, какъ и польскіе, не поняли своей задачи: какъ они сами, такъ и высшее чешское дворянство, съ большею охотою под-

[1] Подробное описаніе велеградскаго храма и «Кириллки» см. наши «Путевыя впечатлѣнія 1903 г. Лужицы, Чехія и Моравія».

держивали сношенія съ нѣмцами, чѣмъ съ соплеменными имъ народами. Но этотъ союзъ долженъ былъ въ скоромъ времени обнаружить свои дурныя стороны. Саксонская династія, объединивъ разрозненныя части Германіи, поставила себѣ широкую задачу — призвать къ новой жизни народы, приходившіе съ нѣмцами въ соприкосновеніе, и для выполненія этой задачи не щадила народныхъ вѣрованій и обычаевъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Такимъ образомъ, вредный для чешской національности союзъ могъ быть выгоднымъ и долженъ былъ поддерживаться лишь князьями и высшими сословіями; въ массѣ же народа этотъ порядокъ всегда встрѣчалъ сильное сопротивленіе. Требовалось много настойчивости со стороны отдѣльныхъ лицъ, много ломки старыхъ преданій, чтобы поставить Чехію на новый, стройно намѣченный путь, уничтоживъ историческія преданія и измѣнивъ народныя вѣрованія, и замѣнивъ ихъ новыми, ничѣмъ не коренившимися въ славянской жизни. Первый западникъ, епископъ Войтѣхъ, первый въ славянскомъ мірѣ всего болѣе хлопотавшій о распространеніи въ Чехіи латинства, не оставилъ по себѣ доброй памяти въ славянскомъ мірѣ.

«Пришелъ Войтѣхъ, латинянинъ, въ Мораву, и въ Чехи, и въ Ляхи, разрушилъ вѣру православную, и славянскую грамоту отвергнулъ, а латинскую грамоту и вѣру утвердилъ» — говоритъ одинъ біографъ св. Кирилла. Получивъ христіанство изъ рукъ св. Меѳодія, чехи привыкли слушать священное Писаніе на родномъ языкѣ и при всемъ гнетѣ историческихъ обстоятельствъ, при всей вынужденности союза съ нѣмцами, чехи крѣпко отстаивали право слушать проповѣдь вѣры на родномъ языкѣ. Почему нѣкоторые изъ нѣмецкихъ епископовъ пытались помочь дѣлу, учась по славянски и сочиняя проповѣди на этомъ языкѣ. Мѣра эта казалась необходимою именно въ это время, когда сильнѣе обнаруживалась ненависть славянъ къ навязываемому имъ вѣроисповѣданію, когда они стали заключать между собою союзъ, одновременно вооружаться и жестоко мстить церкви и ея служителямъ. Такимъ образомъ, ученіе св. Меѳодія должно было еще храниться въ Чехіи. Восточный обрядъ и славянское богослуженіе также долго еще держались въ Чехіи. Въ 1032 г. князь Ольдрихъ основалъ Сазавскій монастырь для своего отца духовнаго, Прокопа, пустынножителя, оконченный лишь при премникѣ Ольдриха, Бретиславѣ, въ 1039 г., и названный монастыремъ св. Прокопа; здѣсь находились славянскіе монахи. Въ 1056 г. послѣдніе были изгнаны изъ монастыря, но вскорѣ опять возвращены: въ 1080 г. чешскій король Вратиславъ просилъ папу признать въ Чехіи славянскую литургію; и только въ 1097 г. монастырь былъ окончательно переданъ въ руки латинскаго духовенства. Женатое духовенство оставалось въ Чехіи до XII в.

Такимъ образомъ, нить греко-славянскаго преданія въ чешской церкви совершенно явственна отъ св. Меѳодія до изгнанія славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря и замѣны въ немъ славянскихъ книгъ латинскими въ 1097 г. Послѣ этого нить теряется, и притоки этого преданія становятся такъ слабы, что въ общедоступныхъ памятникахъ они едва замѣтны.

Казалось бы, что въ 200 слишкомъ лѣтъ полнаго господства латинства самая память о греко-славянскомъ началѣ христіанскаго исповѣданія въ Чехіи должна была исчезнуть. Римская церковь выдавала св. Кирилла и Меѳодія за проповѣдниковъ латинства. Могли-ли чехи этому не повѣрить, когда латинское вліяніе со всѣхъ сторонъ ихъ окружало и, повидимому, господствовало всецѣло надъ ихъ умами?

Но, вотъ, въ чешской хроникѣ, т. н. Далимиловой, писанной между 1280 и 1314 гг. какимъ-то чешскимъ рыцаремъ, находится повѣствованіе о началѣ христіанства въ Чехіи, причемъ говорится, что архіепископъ велеградскій Меѳодій, *русинъ*, крестилъ кн. Боривоя.

Такимъ образомъ, записанное въ Далимиловой хроникѣ сказаніе является неопровержимымъ доказательствомъ существованія въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. между чехами убѣжденія, что вѣра, исповѣдуемая русскими, та вѣра, при которой обѣдня служится на славянскомъ языкѣ, есть ихъ первоначальная вѣра. Очевидно, религіозная мысль въ Чехіи дремала въ промежутокъ времени отъ погрома Сазавскаго монастыря до конца XIII в., и латинская церковь, поддерживаемая свѣтскими властями и нѣмецкими колонистами, наводнившими Чехію въ это время, господствовала въ ней безпрепятственно; но, тѣмъ не менѣе, между славянскимъ населеніемъ были люди, которые помнили, что ихъ первоначальная церковь была иная, что были какія-то старыя славянскія молитвы, болѣе угодныя Богу, чѣмъ латинскія; эти люди дѣлали оппозицію латинству, не думая выходить изъ повиновенія единственной, господствовавшей въ Чехіи церкви римско-католической. Этотъ духъ оппозиціи долженъ былъ таиться преимущественно въ низшихъ слояхъ населенія, хранившихъ славянскую старину, которую высшіе классы охотно промѣняли на германизмъ и неразлучное съ нимъ въ славянскихъ земляхъ латинство [1]). Оппозиція эта имѣла, конечно, своихъ приверженцевъ и въ туземномъ клирѣ, и, вѣроятно, тѣ преемственные хранители греческаго ученія, Простивой, Мравикъ, Лубенскій, о которыхъ говоритъ извѣстный чешскій писатель XVII в. Странскій, были именно представителями этой народной оппозиціи въ церкви. Далимилова хроника «отражаетъ въ

---

[1]) См. Гильфердингъ, Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви. Спб. 1871, 2-е изд. 1893, стр. 26 и слѣд. Здѣсь и въ послѣдующихъ страницахъ о Гусѣ и гуситствѣ авторъ близко придерживается изложенія Гильфердинга въ назван. трудѣ.

себѣ еще затаенную, но тѣмъ болѣе упругую общественную силу, и возстановляетъ прерванную видимымъ торжествомъ германизма въ XIII — XIV вв. связь между славянскимъ прошлымъ Чехіи и возрожденіемъ въ ней славянскаго духа при Жижкѣ и Подѣбрадѣ. Рядомъ съ общественной оппозиціей германизму жила церковная оппозиція латинству, связывающая преданіе св. Меѳодія съ антиримскимъ движеніемъ XIV в.,—оппозиція долго незамѣтная, но тѣмъ не менѣе столь жизненная, что она породила религіозный переворотъ гуситства, какъ общественная оппозиція, которая замѣчается въ Далимилѣ, произвела переворотъ, совершенный современникомъ Гуса Жижкою. Это—два явленія параллельныя и необходимо дополняющія другъ друга. Какъ политическая дѣятельность Жижки немыслима безъ религіозной проповѣди Гуса, такъ же немыслима гражданская оппозиція, выражающаяся въ Далимилѣ безъ соотвѣтствующей оппозиціи церковной» [1]). Эта мысль подверждается слѣдующимъ необычайнымъ фактомъ изъ царствованія Карла IV. Въ 1347 г. Карлъ, король чешскій и императоръ римскій, основалъ въ Прагѣ, съ разрѣшенія папы, славянскій монастырь [2]), и для отправленія въ немъ римско-католическаго богослуженія на славянскомъ языкѣ приглашалъ туда монаховъ ордена бенедиктинцевъ изъ Далмаціи, Хорватіи и Босніи. Это—фактъ замѣчательный, не только потому, что онъ противорѣчилъ всей практикѣ римской церкви, но и потому, что самая личность Карла IV была такова, что отъ него всего менѣе можно было ожидать такой мѣры. То былъ—французъ по рожденію, воспитанію и наклонностямъ, нѣмецъ—по той средѣ, въ которой онъ вращался. Онъ былъ умный политикъ и въ государственномъ отношеніи необыкновенно возвеличилъ Чехію; но никогда славянская стихія не была тамъ въ такомъ загонѣ, какъ при немъ. Достаточно сказать, что Карлъ IV сталъ издавать для Чехіи оффиціальные акты на нѣмецкомъ языкѣ и во все свое царствованіе не подписалъ ни одной грамоты, написанной по-чешски. Несомнѣнно, что основаніе славянскаго монастыря въ Прагѣ было дѣломъ внутренней политики Карла. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Въ буллѣ папы Климента VI отъ 9 мая 1346 г. на имя пражскаго архіепископа, папа свидѣтельствуетъ, что Карлъ IV обратился къ нему за разрѣшеніемъ славянскимъ монахамъ пребывать, проповѣдывать и совершать богуслуженіе въ чешскихъ краяхъ повсюду, и что «въ чешскихъ краяхъ существуютъ многіе схизматики, которые, когда имъ предлагается Священное Писаніе, объясняется или проповѣдуется на латинскомъ языкѣ, не хотятъ его понимать

[1]) А. Гильфердингъ, ibid.
[2]) Эммаусскій.

и не могутъ быть обращены удобно къ христіанской вѣрѣ», почему папа и разрѣшаетъ предоставить монахамъ или братьямъ ордена св. Бенедикта *одно только мѣсто*, въ которомъ они имѣли бы право сохранять славянскій обрядъ». Это свидѣтельство самого Карла IV, прописанное папою въ буллѣ 1346 г., рѣшаетъ окончательно вопросъ о существованіи въ Чехіи церковной оппозиціи, которая связываетъ православное славянское начало чешской церкви съ явленіями XV в. Карлъ IV, какъ видно изъ буллы папы, предлагаетъ мѣру весьма широкую, которая вела прямо къ признанію славянской церкви въ Чехіи. Римскій дворъ свелъ дѣло, какъ говорится, на нѣтъ. Мѣра, которую испрашивалъ Карлъ IV отъ папскаго престола, была необходима по связи съ другими цѣлями его церковной политики. До этого времени латинская церковь, хотя фактически и утвердилась въ Чехіи, но ея господство не было окончательно формулировано. Причащеніе подъ однимъ видомъ, самое осязательное для народа отступленіе Рима отъ первоначальнаго ученія церкви, фактически не вводилось въ Чехіи до Карла IV. Это положительно утверждаетъ писатель столь добросовѣстный, какъ Коменскій. При Карлѣ обстоятельства измѣнились [1]).

Прежняя неопредѣлительность, при которой терпѣлось многое, несогласное съ строгимъ латинствомъ, должна была уступить мѣсто окончательной формулѣ. Это было неминуемымъ послѣдствіемъ учрежденія въ Прагѣ университета, который, будучи въ то время преимущественно школою богословскою, не могъ оставить церковные вопросы въ такомъ неопредѣленномъ видѣ. Ученая школа прилагала тотчасъ ко всему формулу, установленную римскою схоластикою, и осуждало то, что подъ эту формулу не подходило. Іеронимъ считалъ Карла IV и основанный имъ университетъ въ Прагѣ виновниками совершеннаго торжества «нѣмецкой» (т. е. р.-католической) партіи въ чешской церкви. Тоже самое утверждаетъ и Коменскій. Въ 1348 г. Карлъ объявилъ р.-католическое исповѣданіе государственною религіею въ Чехіи, установляя огненную казнь для тѣхъ, кто ея не признаетъ. Но эти кары относились до послѣдователей *ересей*, отвергавшихъ римское ученіе. Что же было дѣлать съ тѣми многочисленными людьми, которые, вполнѣ подчиняясь римской церкви, дорожили, однако, молитвами на славянскомъ языкѣ, причащеніемъ изъ чаши и т. п. и не хотѣли слушать св. Писанія по-латыни? Жечь ихъ было невозможно, дать имъ организовать отдѣльную отъ господствовавшей національную церковь было бы политическою ошибкою, которой такой человѣкъ,

---

[1]) А. Гильфердингъ, въ назван. соч.

какъ Карлъ IV, не могъ допустить. И вотъ, онъ проситъ разрѣшенія у папы, чтобы въ Чехіи богослуженіе отправлялось для желающихъ по обряду, нѣкогда одобренному Римомъ для южныхъ славянъ. Принципъ единства римской церкви былъ бы спасенъ, и національная оппозиція въ чешской церкви удовлетворена.

Разумѣется, что допущенная Римомъ полумѣра удовлетворить ея не могла. Изъ буллы ясно, что эта оппозиція была многочисленна. Что значилъ для нея одинъ монастырь въ столицѣ, гдѣ дозволено было слушать славянскую обѣдню? Между тѣмъ, Карлъ, повидимому, успокоился на этой уступкѣ и въ слѣдующемъ же году издалъ упомянутое уложеніе. Спавшій дотолѣ въ Чехіи религіозный вопросъ возбужденъ и поставленъ со всею рѣзкостью, и скоро онъ далъ себя знать.

Близкій другъ императора Карла, его секретарь, любимецъ двора, каноникъ Миличъ вдругъ покидаетъ свои должности и богатства и начинаетъ проповѣдывать покаяніе; возвѣщая, что въ 1346 г. (годъ вступлянія Карла IV на чешскій престолъ) народился антихристъ, что онъ воплотился въ лицѣ чешскаго государя, что папа и его прелаты суть члены тѣла антихристова. Вотъ какой протестъ раздался въ Чехіи противъ мудрѣйшаго и любимѣйшаго изъ ея государей, слишкомъ сильно коснувшагося ея религіозной жизни. Миличъ умеръ въ тюрьмѣ, но церковная оппозиція все болѣе крѣпла. Въ исходѣ XIV в. подлѣ офиціальной латинской церкви существуютъ религіозныя общины, которыя, еще не отдѣляясь отъ нея явно, собирались въ домахъ и потаенныхъ мѣстахъ, чтобы слушать проповѣди на народномъ чешскомъ языкѣ. Въ 1391 г. чешскій рыцарь Іоаннъ изъ Мюльгейма, «усматривая, что всѣ многочисленные въ Прагѣ храмы такъ заняты установленнымъ священнодѣйствіемъ, что въ нихъ нѣтъ мѣста для проповѣди слова Божія, и что проповѣдующіе на народномъ чешскомъ языкѣ должны скитаться по домамъ и потаеннымъ мѣстамъ», устроилъ для этихъ проповѣдей особую часовню и обезпечилъ ее на свой счетъ. То была знаменитая въ чешской исторіи «Виѳлеемская часовня». Въ 1401 г. Мюльгеймъ, по праву патрона часовни, избралъ на должность проповѣдника при ней магистра Іоанна Гуса, и съ этого времени начинается общественная дѣятельность послѣдняго, дотолѣ замкнутая въ университетскомъ кругу, хотя уже оказавшая великую услугу отечеству провозглашеніемъ принципа: «Чехія для чеховъ». Христіанская правда и польза просвѣщенія, по мнѣнію Гуса, не допускали, чтобы чехи въ своей странѣ были угнетаемы нѣмцами, и это-то побудило Гуса содѣйствовать своимъ вліяніемъ тому, чтобы король Вячеславъ отнялъ у нѣмцевъ привиллегію, отдавшую безусловно въ ихъ руки пражскій универ-

ситетъ и съ тѣмъ вмѣстѣ руководство всей умственной жизнью въ Чехіи [1]).

Вступая въ служеніе при Виѳлеемской часовнѣ, Гусъ принималъ на себя преемство церковной идеи, начало которой восходитъ къ православному крещенію Чехіи Меѳодіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что внутренняя связь между ними существовала. Мнѣніе это высказывалось въ XVI и XVII вв. чехами-протестантами, преемниками гуситовъ. Съ наибольшей опредѣленностью выразилъ его извѣстный писатель, послѣдователь секты чешскихъ братьевъ, Странскій, который, въ изданномъ имъ въ 1634 г. сочиненіи о Чехіи, утверждаетъ, что послѣ вторженія въ Чехію католицизма и латинской іерархіи въ X в. въ ней оставались приверженцы греческой вѣры, проповѣданной св. Меѳодіемъ; что, когда дворянство и всѣ тѣ, которые подверглись нѣмецкому вліянію, покинули ихъ обрядъ, простой народъ упорно его удерживалъ, что приверженцы греческой церкви имѣли свою преемственную іерархію и что Гусъ принадлежалъ къ этому преемству. Безспорно то, что во всемъ существенномъ Гусъ преподавалъ ученіе, тожественное съ вѣрою православной церкви, и это тожество было признано, при жизни его непосредственныхъ учениковъ, соборнымъ постановленіемъ вселенскаго патріархата. Гусъ признавалъ, что великіе святые православной церкви держались истинной вѣры, и что между исповѣданіемъ восточной церкви и тѣмъ, которому онъ слѣдовалъ, было только нѣкоторое различіе *въ выраженіяхъ, но не въ смыслѣ*. Онъ не думалъ, подобно основателямъ протестантскихъ сектъ, измыслить вновь истинную христіанскую церковь; онъ думалъ, что она должна существовать преемственно на основаніи преданій апостольскихъ и соборныхъ, и возставалъ только противъ антихристіанскихъ нововведеній Рима, въ чемъ онъ ихъ замѣчалъ, какъ то: противъ главенства и свѣтской власти папы, противъ торга отпущеніемъ грѣховъ и т. п. Словомъ, Гусъ стремился къ тому, чего хотѣла православная церковь.

Его ближайшій сотрудникъ и другъ Іеронимъ публично свидѣтельствовалъ, что вѣра, исповѣдуемая русскими, есть совершенная. Это — историческій фактъ, засвидѣтельствованный достовѣрнымъ документомъ. Съ другой стороны, достовѣренъ фактъ, что обрядъ причащенія подъ обоими видами, который сдѣлался главнымъ символомъ гуситства, существовалъ въ Чехіи до Гуса. Именно тотъ проповѣдникъ, котораго Странскій называетъ непосредственнымъ предшественникомъ Гуса въ преемственномъ храненіи Меѳодіева преданія, Матѳей изъ Янова († 1399), держался этого обряда.

[1]) А. Гильфердингъ, Гусъ и пр.

Знаменитый чешскій исторіографъ, Францъ Палацкій, свидѣтельствуетъ, что этотъ Матѳей изъ Янова нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не высказывается открыто и положительно въ пользу причащенія подъ обоими видами и, напротивъ, во многихъ мѣстахъ выражается такъ, какъ-бы этотъ способъ причащенія разумѣется самъ собою и существуетъ дѣйствительно на практикѣ. Свидѣтельство это, извлеченное изъ сочиненій Матѳея изъ Янова, исключаетъ всякую возможность предположенія, будто этотъ проповѣдникъ былъ изобрѣтателемъ въ Чехіи причащенія по православному обряду. Очевидно, что этотъ обрядъ былъ остаткомъ старины, внесеннымъ въ гуситство изъ народа. Вѣроятно, поэтому, гуситы такъ имъ и дорожили.

Чаша, религіозный символъ гуситства, сдѣлалась въ Чехіи и Моравіи знаменемъ славянской народности, тогда какъ за римскую церковь стали нѣмецкіе поселенцы и партіи, дружившія съ нѣмцами. Пламя, въ которомъ погибъ Гусъ на кострѣ въ Констанцѣ, 6 Іюля 1415 г., обратилось въ пожаръ, охватившій всю западную Европу. Встрѣчая сочувствіе въ славянскихъ земляхъ, гуситское движеніе вооружило противъ себя всю западную Европу, и подавленіе его сдѣлалось для Германской имперіи національнымъ дѣломъ. Крестовые походы, направленные противъ гуситовъ (1420—1431 г.), имѣли вполнѣ значеніе народной обороны, въ которой дѣло шло о самомъ существованіи славянскихъ народовъ въ Чехіи и Моравіи. Когда чехи, выйдя изъ этой неравной борьбы побѣдителями, принудили западную Европу признать гуситское вѣроисповѣданіе, они, а съ ними и все западное славянство достигли своего историческаго апогея: никогда, ни прежде, ни послѣ, западные славянскіе народы не стояли на такой высотѣ, какъ въ ту эпоху, когда Чехія, подъ правленіемъ гусита Подѣбрада (1458+1471), направляла своимъ вліяніемъ дѣла Герм. имперіи, а Польша въ то же время (1466 г.) подчиняла себѣ владѣнія прусскаго ордена [1]). Гусъ со своей горячей привязанностью ко всему народному—тѣмъ самымъ пробудилъ въ своихъ послѣдователяхъ и уваженіе къ народному языку, который въ XIII и XIV вв. былъ совершенно порабащенъ нѣмецкому, и самая народность чешская—народности нѣмецкой; дворянство и духовенство все болѣе и болѣе увлекаются иноземными обычаями и языкомъ. Но уже со 2-й половины XIV в. чешскій языкъ начинаетъ выступать изъ того униженія, въ которое онъ впалъ со времени господства нѣмецкихъ обычаевъ въ жизни. Появленіе Гуса и войны гуситскія еще болѣе укрѣпили это направленіе и вызвали развитіе и господство чешскаго языка. И уже въ концѣ XV в. чешскій

---

[1]) Гильфердингъ, Гусъ и проч.

языкъ занялъ подобающее ему мѣсто въ королевствѣ. Въ XV и XVI вв. знакомство съ чешскимъ языкомъ распространилось далеко за предѣлы Чехіи. Больше всего чешскій языкъ распространялся среди поляковъ и въ XVI онъ сдѣлался дипломатически-придворнымъ языкомъ въ Польшѣ. Даже іезуиты, исповѣдавшіе чешскій языкъ, какъ еретическій, должны были употреблять его въ своихъ сочиненіяхъ. Результатомъ такого національнаго движенія былъ расцвѣтъ чешской образованности. Просвѣщеніе распространилось во всѣхъ слояхъ общества; по свидѣтельству современниковъ, ни одна страна въ Европѣ не могла похвалиться въ ту пору такимъ образцовымъ устройствомъ школъ. Рядомъ съ просвѣщеніемъ шло и развитіе благосостоянія въ народѣ. Когда же въ Бѣлогорской битвѣ 1620 г. восторжествовалъ католицизмъ и наступила реакція, то вмѣстѣ съ этимъ была убита и славянская народность въ Чехіи и Моравіи, только чрезъ 200 лѣтъ очнувшаяся отъ нанесеннаго ей удара. Пробужденіемъ своимъ чешская народность обязана предшествовавшему гуситскому движенію и ужасу катастрофы, его завершившей [1]).

Подъемъ національнаго самосознанія въ Чехіи съ XIV по XVII в. вызвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ къ изученію другихъ славянскихъ народовъ. Въ этомъ дѣлѣ извѣстную роль сыгралъ фактъ призыва хорватскихъ монаховъ глаголитовъ, въ половинѣ XIV в., Карломъ IV, въ основанный имъ пражскій Эммаусскій монастырь и введеніе тамъ глаголическаго богослуженія. Начавшееся въ Чехіи гуситское движеніе вскорѣ создало болѣе благопріятную почву для расширенія интереса къ славянству. Чешскіе ученые книжники, пораженные сходствомъ «словянскаго» языка священныхъ книгъ хорватской редакціи съ своимъ роднымъ языкомъ, пускаются въ сравнительно филологическія сближенія (Янъ Голешовскій, 1397). Самъ Гусъ, въ трудахъ по реформѣ чешскаго правописанія, обнаруживаетъ знакомство съ южно-славянской фонетикой, а Іеронимъ пражскій въ своихъ странствованіяхъ имѣлъ случай ознакомиться съ славянскими нарѣчіями. Свѣдѣнія о славянствѣ распространялись въ Чехіи особенно широко благодаря чешскимъ братьямъ, ихъ путешествіямъ въ славянскія земли и религіознымъ сношеніямъ въ теченіе XV и XVI вв. Въ XVI в. можно усмотрѣть первые зачатки славянской филологіи—знакомство съ другими славянскими нарѣчіями въ трудахъ нѣкоторыхъ лучшихъ представителей чешскаго гуманизма. Такое «славянское» направ-

---

[1]) А. Гильфердингъ, тамъ же. П. А. Лавровскій, Паденіе Чехіи въ XVII в.

леніе мыслей должно было ослабѣть въ XVII в., въ тяжкую эпоху послѣ политическаго и національнаго паденія Чехіи въ 1620 г. Однако, и въ это время славянское чувство не совсѣмъ исчезло въ лучшей части общества и проявляется въ трудахъ немногихъ патріотовъ-ученыхъ той поры—Богусл. Бальбина, Пешины изъ Чехорода, Странскаго, нѣсколькихъ чешскихъ и словакскихъ филологовъ (Роса, Горчичка, Керманъ) и другихъ.

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ нить грекославянскаго преданія не прерывалась въ Чехіи отъ крещенія ея св. Меѳодіемъ до Гуса, такъ точно нить славянскаго самосознанія не прерывалась съ того же времени, сначала въ политическихъ сношеніяхъ—съ поляками, лужицкими сербами, словаками, словенцами, а затѣмъ съ половины XIV в. въ книжномъ изученіи другихъ славянскихъ народовъ—и нить эту можно прослѣдить до конца XVII в. Несомнѣнно, она не прерывалась и въ первой половинѣ XVIII в., и требовалось только болѣе благопріятное время для ея проявленія, что и случилось во второй половинѣ XVIII в. Славянская проповѣдь св. Меѳодія проникла чрезъ его учениковъ и въ Польшу изъ южно-подкарпатскихъ земель, входившихъ въ составъ В. Моравской державы. Слѣды этой проповѣди долго держались въ Малой Польшѣ. Ударъ, нанесенный славянской церкви, а потомъ и государству въ Моравіи, отразился роковымъ образомъ на судьбахъ Чехіи и еще болѣе Польши. Принятіе латинства (966 г.) не замедлило отразиться прямыми послѣдствіями на всей политической, соціальной и литературной жизни польскаго народа. Религіозная унія съ европейскимъ западомъ была виновницею и дальнѣйшаго подчиненія ему во всѣхъ культурныхъ отношеніяхъ. Польша забываетъ узы крови, связывающія ее съ славянствомъ Балтійскаго поморья, и становится первымъ помощникомъ нѣмцевъ въ порабощеніи ближайшихъ соплеменниковъ ея. За исключеніемъ Болеслава I Храбраго (992—1025) и Владислава Локотка (1310—1333), [1] ни одинъ изъ государей польскихъ не понималъ задачи славянской политики, и они постоянно раболѣпствуютъ предъ Германской имперіей. Во все продолженіе своей политической жизни поляки равнодушно уступали свое кровное достояніе на западѣ и сѣверѣ, въ непрерывной погонѣ за расширеніемъ границъ своихъ на востокѣ и югѣ. Заодно съ нѣмцами они то и дѣло выступали врагами своихъ братьевъ. Вмѣстѣ съ нѣмцами, ожесточенною борьбой съ чешскими гуситами, они добивали

[1]) Владиславъ Локотокъ, объединитель Польши, боролся съ тевтонскимъ орденомъ изъ-за Поморья, предательски захваченнаго у Польши (въ 1309 г.) и укрѣпленнаго (1313) за орденомъ. Въ сраженіи подъ Плавцами (1331) побѣду одержалъ польскій князь въ союзѣ съ королемъ и лит.-рус. княземъ Гедиминомъ.

Чехію [1]. Эта роковая ошибка польской политики уготовила польскому народу гробъ въ его нѣдрахъ.

Въ жизни соціальной постепенное и раннее развитіе строя и порядковъ феодальной Европы выразилось въ постепенномъ паденіи славянской общины и въ выдѣленіи изъ ея среды цѣлаго привиллегированнаго сословія, непріязненнаго другимъ сословіямъ.

Что касается дѣятельности литературной, то, подобно другимъ западно-европейскимъ народамъ, поляки долго не имѣли письменности на народномъ языкѣ. Латинскій языкъ господствовалъ въ церкви и школѣ и былъ совершенно чуждъ народу, который, соединенными усиліями, сначала князей, духовенства и аристократіи, а потомъ евреевъ и нѣмецкаго мѣщанства, пользовавшагося большими привиллегіями, былъ окончательно придавленъ, забитъ и въ теченіе вѣковъ является лишь пассивнымъ дѣятелемъ въ исторіи. Нигдѣ въ Европѣ не было такого придавленнаго народа, какимъ былъ польскій народъ, «быдло».

Въ первой половинѣ XVI в. происходятъ въ Польшѣ событія, угрожавшія, казалось, низверженіемъ многовѣковаго владычества въ Польшѣ Рима и его слугъ. Реформаціонное движеніе, охватившее тогда почти всю Европу, не могло не проникнуть и въ Польшу. Вслѣдъ за реформаціей появляется множество мелкихъ сектъ. Но движеніе это, ограничившись верхними слоями общества, въ глубь народа не проникало. Тѣмъ не менѣе оно не осталось безъ вліянія и тутъ. Оно сбросило съ народной мысли тяжкія узы латинскаго языка, безъ чего ея развитіе не могло быть свободнымъ. Распространеніе протестантства вызвало употребленіе народнаго языка въ богослуженіи, школѣ, наукѣ и литературѣ [2]. Появились переводы библіи и политическія сочиненія. Либерализмъ и вольнодумство проникло въ сочиненія нѣкоторыхъ писателей. Но въ средѣ польскаго общества является новый дѣятель, который быстро возстановляетъ пошатнувшееся зданіе католицизма и вырываетъ гробъ сначала врагамъ Рима, а потомъ и самой Польшѣ. Въ 1564 г. кардиналъ Гозій приглашаетъ въ Польшу іезуитовъ... [3].

Результатомъ совершеннаго и ранняго забвенія славянскимъ народомъ Кирилло-Меѳодіевскаго преданія являются: замѣтное извращеніе славянской природы, потеря самосознанія славянскаго съ

---

[1] А въ новѣйшее время поляки сражались не разъ въ рядахъ турецкихъ противъ балканскихъ славянъ, бившихся за свободу.

[2] Къ этому же времени относятся труды польскихъ филологовъ, которые обнаруживаютъ знакомство съ другими славянскими языками, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ современные имъ чехи.

[3] А. С. Будиловичъ. «Польская литература» (въ кн. «Поэзія Славянъ» Н. Гербеля, стр. 403).

потерей славянскаго чувства, враждебныя отношенія къ своимъ кровнымъ братьямъ и фанатическая ненависть къ православію [1]).

Мы оставили изгнанниковъ моравскихъ на пути въ Болгарію. Съ честью принялъ страдальцевъ бѣлградскій правитель, зная, что для болгарскаго государя такіе люди—вожделѣнные гости; не менѣе почтилъ ихъ самъ Борисъ. Долго жили они при дворѣ его и въ домахъ болгарскихъ вельможъ. Борисъ любилъ бесѣдовать съ ними; престарѣлый, онъ сталъ учиться подъ ихъ руководствомъ и слышать изъ устъ ихъ св. Писаніе на славянскомъ языкѣ; его привлекалъ, его радовалъ славянскій переводъ Библіи.

Подобно Горазду, Клименту и ихъ товарищамъ, и многіе другіе ученики св. Меѳодія мало-по-малу перешли въ Болгарію, вытѣсняемые сначала нѣмецкимъ духовенствомъ, потомъ нашествіемъ угровъ. Наконецъ, нива болгарская нашла своихъ дѣятелей. Въ четвертый разъ, въ теченіе едва тридцати лѣтъ, перемѣняла Болгарія свое духовное направленіе: она приняла христіанство изъ Византіи, потомъ предалась Риму, опять перешла къ Византіи и вмѣсто латинскихъ епископовъ и священниковъ, вытѣснившихъ греческихъ, получила опять пастырей отъ грековъ; теперь, наконецъ, Болгарія замѣняетъ греческихъ наставниковъ славянскими, и этимъ окончательно установляется въ ней православіе.

Водворяется же православное просвѣщеніе въ Болгаріи двумя главными дѣятелями, Климентомъ и Наумомъ. Юго-Западная часть Болгаріи, отдаленная область Охридская, наиболѣе нуждалась, повидимому, въ христіанскомъ просвѣщеніи. Борисъ послалъ въ Охриду Климента, который работалъ тамъ неутомимо до самой смерти своей (916 г.). Соизгнанники Климента и Наума сдѣлались также просвѣтителями и благодѣтелями народа болгарскаго въ другихъ городахъ и областяхъ обширнаго царства Болгарскаго.

Въ самое короткое время, въ послѣдніе годы IX и начала X в., явилось въ Болгаріи подъ перомъ моравскихъ выходцевъ и людей, ими образованныхъ, множество книжныхъ трудовъ, цѣлая литература, въ которой стали уже соединяться съ переводными работами самостоятельныя сочиненія, въ которой богословская наука и проповѣдное слово сходились съ науками свѣтскими: съ философіей, словесностью, исторіей и описаніемъ природы. Число сохранившихся отъ нея до нашего времени памятни-

---

[1]) Доказательство на лицо: отношенія поляковъ въ Галицкой Руси къ галицко-русскому народу, роль польскихъ депутатовъ въ вѣнскомъ парламентѣ и отношеніе польскаго духовенства къ православію не только въ Галичинѣ, но и въ Холмщинѣ, Подляшьѣ и даже въ сѣв.-зап. Россіи.

ковъ даетъ возможность судить о числѣ утраченныхъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, и свидѣтельствуетъ о той необыкновенной умственной дѣятельности, которая возникла въ Болгаріи вслѣдъ за водвореніемъ славянской письменности и славянскаго перевода священныхъ книгъ. Достаточно сказать, что почти всѣ переводы церковныхъ книгъ и огромнаго числа твореній св. отцовъ, которыя, въ теченіе столѣтій, непрестанно переписываясь, питали духовныя потребности болгарскаго народа, Сербіи и древней Руси, совершены были въ Болгаріи въ послѣдніе годы княженія Бориса и въ царствованіе сына его Симеона (888—927).

Черезъ полустолѣтіе съ небольшимъ послѣ Симеона принимаетъ христіанство кіевскій князь Владиміръ вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, принимаетъ его отъ грековъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ въ наслѣдіе и плоды трудовъ св. Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ: славянскую грамоту, славянское богослуженіе, богатую уже славянскую письменность и готовый, очень выработанный, славянскій литературный языкъ.

Съ принятіемъ христіанства русскимъ народомъ дѣло св. Кирилла и Меѳодія пріобрѣтаетъ широкое поприще для своего распространенія. Русскій народъ отъ самыхъ Карпатъ (въ Угорской и Галицкой Руси) и далеко за Уралъ является вѣрнымъ хранителемъ Кирилло-Меѳодіевскаго наслѣдія и долгое время сознательно и высоко чтитъ память ихъ. Нигдѣ не была такъ распространена память о св. братьяхъ, какъ въ Россіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные русскіе списки ихъ жизнеописаній, пространныхъ и краткихъ, похвальныхъ словъ и службъ въ рукописныхъ минеяхъ—служебныхъ и четьихъ,—въ прологахъ, хронографахъ и разныхъ сборникахъ.

Существовала ли письменность на Руси до принятія христіанства Владиміромъ въ 988 г.? «Языкъ договоровъ Олега (907 г.) и Игоря (945 г.)—говоритъ Н. А. Лавровскій [1])—свидѣтельствуетъ объ извѣстной степени культурности языческой Руси и о существованіи въ ней письменности задолго до просвѣщенія ея христіанствомъ. И тѣмъ и другимъ только можно объяснить появленіе уже въ XI в. лѣтописи, ничѣмъ не уступающей современнымъ лѣтописямъ западнымъ, писаннымъ не на народномъ, а на латинскомъ языкѣ,—такого высоколитературнаго и догматическаго произведенія, какъ

---

[1]) Рѣчь въ Варшавскомъ университетѣ 5 Апр. 1885 г. Варш. юбилейн. сборникъ «Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи», Мнѣніе Н. А. Лавровскаго раздѣляетъ и акад. В. И. Ламанскій, о чемъ говорится въ ст о Хозарской миссіи. См. Ж. М. Нар. Просв., назв. статья.

«слово о благодати» митр. Иларіона, какъ поученія Θеодосія Печерскаго,—появленіе въ концѣ XII в. такого свѣтскаго литературнаго произведенія, какъ «Слово о полку Игоревѣ». Несомнѣнно,—скажемъ мы,—письменность Кирилло-Меθодіевская могла проникнуть въ Кіевскую Русь вмѣсѣ съ христіанами временъ Аскольда и Дира (той «простой чади», которую крестилъ Константинъ философъ во время своей хозарской миссіи) и Ольги; другой путь для нея была Прикарпатская Русь, на которую распространилась также проповѣдническая дѣятельность св. братьевъ и въ которой были списки переводовъ славянскихъ апостоловъ, свидѣтельствомъ чего служитъ галичское четверо-евангеліе 1144 г., признаваемое за древнѣйшій памятникъ письменности юго-западно-русскій [1]). Что касается языка договоровъ Олега и Игоря, свидѣтельствующаго, по мнѣнію Н. А. Лавровскаго, объ извѣстной степени культурности языческой Руси, то напомнимъ читателю языкъ первыхъ переводовъ славянскихъ апостоловъ, который по мнѣнію такого слависта, какъ професоръ А. С. Будиловичъ, «отличался уже извѣстной грамматической правильностью и лексикальной устойчивостью и вполнѣ созрѣлъ для литературнаго употребленія» [2]). Какая же письменность существовала въ то время у славянъ византійскихъ? На это отвѣчаетъ намъ черноризецъ Храбръ. Такая же письменность могла существовать и въ Кіевской Руси до принятія христіанства Владиміромъ. Но существованіе такой письменности въ видѣ договоровъ князей—другихъ же достовѣрныхъ памятниковъ того времени мы не имѣемъ—не умаляетъ, конечно, значенія наслѣдія, полученнаго Русью изъ Болгаріи въ 988 г. и позже. Что касается до появленія раньше, чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ принятія христіанства Владиміромъ, такихъ произведеній, какъ Слово о благодати Иларіона, поученія преп. Θеодосія Печерскаго, нѣсколько позже—нашей первой лѣтописи и чрезъ 200 лѣтъ по введеніи христіанскаго просвѣщенія такого высоко-художественнаго произведенія, какъ «Слово о полку Игоревѣ [3]), то сошлемся на примѣръ Болгаріи, гдѣ меньше чѣмъ въ продолженіе 50 лѣтъ по введеніи письменности славянской явилась богатая литература.

Какое же культурное вліяніе имѣло на Русь принятіе ею православія съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ? «Съ самой первой минуты пркнятія христіанства мы начали слушать богослуженіе на своемъ собственномъ языкѣ, что уже составляетъ вели-

---

[1]) Извѣстія СПБ. слав. общ-ва. 1884 г. № 2. «Четверо-евангеліе Галичское 1144 г.» Г. А. Воскресенскаго, стр. 28—30.

[2]) А. Будиловичъ, Нѣсколько мыслей о греко-слав. характерѣ дѣятельности св. К. и М. Варш. юбил. сборникъ 1885 г., стр. 1—117.

[3]) Очень можетъ быть, происхожденія Галицко-Русскаго.

чайшее благо, ибо для темной массы церковь съ ея богослуженіемъ составляетъ единственное училище благочестія, и это-то единственное училище, въ случаѣ совершенія богослуженія на чужомъ языкѣ, утрачиваетъ для нея свое значеніе и совсѣмъ перестаетъ быть для нея училищемъ. Восточное славянство избѣжало этого зла, и этимъ оно обязано св. Кириллу и Меѳодію. Не явись они съ своимъ протестомъ противъ т. н. греко-римскаго тріязычія, и богослуженіе совершалось бы на греческомъ языкѣ, какъ оно совершается у римско-католиковъ на латинскомъ». Но мы начали слушать съ съ самой первой минуты принятія христіанства не только богослуженіе на своемъ языкѣ, но и читать на немъ св. Писаніе и творенія греческихъ отцовъ. Это было благо едва-ли меньшее, чѣмъ возможность слушать богослуженіе на своемъ языкѣ [1]). И этимъ мы обязаны св. апостоламъ славянскимъ. Главная заслуга Константина философа — говоритъ нашъ маститый славистъ - историкъ В. И. Ламанскій — состоитъ въ томъ, что онъ первый далъ славянамъ на славянскомъ языкѣ Евангеліе. Эта книга имѣетъ ту замѣчательную особенность, что при всѣхъ успѣхахъ науки, образованности и гражданственности, поколѣнія постоянно глубже понимаютъ и яснѣе проникаютъ въ глубокій смыслъ великой книги» [2]).—А вмѣстѣ съ славянами эту книгу на славянскомъ языкѣ получили и предки наши. Нашимъ первоучителямъ обязаны мы тѣмъ, что наши древнѣйшія лѣтописи писались уже на родномъ языкѣ, всѣмъ доступномъ, въ то время, какъ на Западѣ онѣ писались по-латыни; а «эту прекрасную книгу (лѣтописей) народъ уносилъ съ собой вмѣстѣ съ церковными книгами въ отдаленныя сѣверо-восточныя страны, куда онъ шелъ колонизаторомъ, списывалъ ее и жилъ ея завѣтами. Подъ этими двумя знаменами, сперва народнымъ, а потомъ христіанскимъ, соединившимися вскорѣ въ единое знамя святой Руси, русскій народъ сохранялъ себя, какъ народъ, и развивалъ свои славянскія способности и наклонности. Подъ охраной православной церкви, завѣщанной намъ апостолами славянскими, русскій народъ развивалъ культурную форму жизни — земельную общину со сходкой или русскимъ *міромъ*, которая является у него съ древнѣйшихъ временъ и коренилась не на первобытныхъ родственныхъ отношеніяхъ, родовомъ бытѣ, а на началѣ полюбовнаго соглашенія. Параллельно съ развитіемъ культурныхъ славянскихъ формъ въ земледѣльческой жизни, земельной общины, русскій народъ и въ торговой жизни развивалъ еще болѣе культурную форму» [3]).

---

[1]) Е. Голубинскій. Св. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе.
[2]) 15 лѣтъ существованія Спб. слав. общ-ва. Сборникъ.
[3]) М. О. Кояловичъ, Историческая живучесть русскаго народа и его культурныя особенности.

Мы видѣли, какъ западные славяне, подъ владычествомъ германцевъ и латинской церкви, съ паденіемъ общины теряли главную опору и основу національной самобытности,—какъ въ Польшѣ, подъ вліяніемъ латинскаго запада (лат. церкви и феодальныхъ порядковъ), съ паденіемъ общины, народъ постепенно обращался въ «быдло», и въ то же время знаемъ изъ исторіи, какой культурной и политической силой явился русскій народъ въ смутную эпоху самозванщины, благодаря широкому развитію общинныхъ началъ. И этимъ мы обязаны православной церкви, а, слѣдовательно, св. апостоламъ славянскимъ.

Православная вѣра проникла всюду въ русскую жизнь, стала душою народа, его сокровищемъ, утѣшеніемъ въ годины бѣдствія и твердыней во дни испытанія, ею запечатлѣнъ весь строй народной жизни отъ хижины селянина до дворца Царя, и вѣра православная слилась съ русской народностью. «А чего стоило русскому народу вѣдаться съ такими хищниками, какъ печенѣги и половцы? Чего стоило ему вынести татарскій разгромъ, покрывшій почти всю Русь грудами развалинъ, переполненныхъ трупами? Чего стоило вынести самозванческія смуты? Чего стоило западной Руси вынести двухсотлѣтнее, а Холмской Руси почти пятисотлѣтнее иго латинской Польши, иго, тягчайшее ига татарскаго, ибо татары не посягали на душу народную? Чего стоило, наконецъ, вынести петровскія преобразованія, съ которыми приходится считаться до сихъ поръ и о которыхъ нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, поклонникъ Петра, выразился, что отъ такихъ потрясеній погибаютъ народы, и что только русскій народъ могъ вынести ихъ и этимъ совершилъ великій подвигъ [1]».

Итакъ, русскій православный народъ обязанъ св. апостоламъ славянскимъ, что остался русскимъ, что создалъ могущественное государство на началахъ народныхъ, что превозмогъ всѣ невзгоды и бѣдствія, которыя посылались ему судьбой въ теченіе ряда вѣковъ (съ конца IX в., съ появленія печенѣговъ—и до конца XVIII в., до сверженія латинопольскаго ига, и 1812 годъ).

Но вотъ, прошли вѣка со времени насажденія у насъ христіанскаго просвѣщенія, и древняя Русь, хорошо помнившая о своей принадлежности къ славянскому племени,—объ этомъ читала она въ древней лѣтописи,—знавшая оттуда же, что письменность получена ею отъ свв. апостоловъ славянскихъ,—преображаясь въ новую «Россію», утратила всякую память о томъ и другомъ, утратила, значитъ, славянское самосознаніе. Вмѣстѣ съ Россіей забыли о своихъ первоучителяхъ и прочіе

[1]) М. О. Кояловичъ, тамъ-же.

славяне, обязанные имъ тѣмъ, что, обреченные на многовѣковое рабство, одни—не совсѣмъ погибли для славянства, другіе—сохранили свою славянскую народность. А между тѣмъ мы видѣли, что славянское *самопознаніе* не прекращалось въ Чехіи до конца XVII вѣка въ средѣ небольшого кружка ученыхъ. Такой же интересъ къ славянамъ проявился у южныхъ славянъ въ XVI и XVII вв., именно, у хорватовъ, далматинцевъ и словенцевъ. Самое выдающееся явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ знаменитый хорватскій панславистъ XVII в., Юрій Крижаничъ, бывшій и первымъ замѣчательнымъ славистомъ своего времени. Изучивъ славянскіе языки и славянство изъ непосредственныхъ сношеній и наблюденій, проникшись до глубины души идеей славянской взаимности, Крижаничъ измѣнилъ своей первоначальной католическо-миссіонерской карьерѣ, подчинилъ интересы вѣроисповѣдные національно-культурнымъ интересамъ всего славянства, какъ цѣлаго, и сталъ ревностнымъ пропагандистомъ идеи славянскаго единства подъ главенствомъ Россіи, служенію которой посвятилъ всѣ труды свои (не взирая на постигшую его тяжелую долю—15-лѣтнюю ссылку въ Сибирь). Его извѣстная грамаматика, представляя интересную попытку создать идеальный всеславянскій литературный языкъ (изъ смѣси хорв. съ рус. и слав. яз.), при всей несостоятельности основной идеи, представляетъ собою, по мысли и по исполненію, знаменательное явленіе въ исторіи славяновѣдѣнія. До тѣхъ поръ и гораздо позже нельзя указать ничего подобнаго этому сочиненію Крижанича и нѣкоторымъ другимъ его трудамъ. Можно думать, что дѣятельность Крижанича въ Россіи не осталась безслѣдною и заронила добрыя сѣмена, которыя должны были со временемъ принести свой плодъ, возродить заглохшее славянское самосознаніе. Интересъ русскихъ къ славянству сталъ гораздо живѣе въ эпоху преобразованій Петра, который неоднократно входилъ въ сношенія и съ славянами (между прочимъ и съ Лейбницемъ, быть можетъ по своимъ предкамъ—лужицкимъ сербомъ [1]). Этотъ интересъ сталъ, хотя и медленно, увеличиваться въ русскомъ обществѣ, особенно у передовыхъ людей науки и литературы (напр., у В. Татищева).

Подобно древней Руси, и Сербія считала письменность старой Болгаріи общеславянскимъ дорогимъ наслѣдіемъ св. Кирилла. И въ остаткахъ письменности старой Сербіи (XII в.) видны списки съ оригиналовъ старо-болгарскихъ. Подобно старо-болгарской, пись-

[1]) Самъ Лейбницъ, какъ извѣстно, не считалъ себя славяниномъ. *Ред.*

менность старо-сербская вращается въ кругу понятій и интересовъ исключительно церковныхъ. Поднявшись на нѣкоторую высоту въ произведеніяхъ Саввы, Стефана Первовѣнчаннаго и Доментіана, въ первой половинѣ XIII в., она быстро начала клониться къ упадку и совершенно измельчала. Блестящій расцвѣтъ сербской литературы въ XV в. на Адріатическомъ побережьѣ, въ Дубровникѣ, который назывался одно время «юго-слав. Аѳинами», стоитъ особнякомъ, безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ.

Между духовной дѣятельностью православныхъ славянъ разныхъ странъ всегда поддерживалась тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Литературная собственность болгаръ съ тѣмъ вмѣстѣ была и достояніемъ Руси и Сербіи, и наоборотъ. Такъ было, прежде всего, съ церковной письменностью. Въ первый періодъ Болгарія дѣлилась избыткомъ своихъ произведеній съ Русью и Сербіей. Въ XI в. Болгарія падаетъ, но за то укрѣпляется и развивается Русь. Когда же Русь въ XIII в. подпадаетъ подъ монгольское иго, то духовное представительство славянства переходитъ въ Сербію. Въ концѣ XIV в. сербскій разгромъ на Коссовомъ полѣ отчасти вознагражденъ былъ современною и соразмѣрною русскою побѣдою на Куликовомъ полѣ, а въ XV в. Россія должна была въ другой разъ спасать дѣло славянства и православія, и она вынесла его на своихъ плечахъ. Хотя сербская церковь не раздѣляла судьбы сербскаго государства и пережила его паденіе, однако и она истощилась бы, наконецъ, въ своихъ духовныхъ силахъ и средствахъ, если-бы не получала нравственной и матеріальной помощи отъ далекой Москвы, снабжавшей Сербію церковными книгами, утварью и пр. На Западѣ распространилось даже убѣжденіе, что русская редакція славянскихъ богослужебныхъ книгъ и есть нормальная древне-славянская. Это мнѣніе раздѣлялось и римской куріей. Когда въ началѣ XVI в., для противодѣйствія протестантству, папа долженъ былъ прибѣгнуть къ снабженію своей славянской паствы (хорватовъ) богослужебными книгами на слав. языкѣ, то въ самомъ Римѣ стали печатать глаголическіе служебники, Евангеліе и пр., исправленные Леваковичемъ по русскимъ изводамъ. Точно также въ XVII в. издавалъ глаголическія книги извѣстный Караманъ. Когда въ XVII в. западные и южные славяне потеряли надежду на помощь со стороны Польши, служившей интересамъ чуждымъ и враждебнымъ славянству, тогда взоры ихъ обратились къ сѣверному брату, сила котораго росла. Обаяніе русскаго имени, а съ тѣмъ вмѣстѣ интересъ къ Россіи и вліяніе русскаго языка на славянскомъ югѣ усиливаются въ началѣ XVIII в. подъ впечатлѣніемъ славныхъ подвиговъ Петра В. Въ сербской провинціи южной Австріи выписано было тогда изъ Кіева много учителей, которые принесли съ собой

учебники Смотрицкаго, Могилы и другія книги, положили начало школьному дѣлу въ Сербіи и дали толчокъ къ такъ называемой славяно-сербской литературѣ [1]). Этотъ періодъ правильнѣе было бы назвать «русско-сербскимъ» или «славяно-русско-сербскимъ» —говоритъ проф. П. А Кулаковскій [2]). Языкъ произведеній литературы этого періода носитъ ясные признаки *русской* письменности; современныя ему русскія произведенія того времени становятся въ извѣстной своей части общими и для сербовъ, и русская рукопись или печатная книга въ общемъ сознаніи сербовъ была также и сербскою, понятною и, такъ сказать, *своею* для тогдашняго просвѣщеннаго серба, а если при перепискѣ или перепечаткѣ производились въ такомъ русскомъ произведеніи нѣкоторыя перемѣны въ выраженіи, то онѣ были ничтожны и часто крайне непослѣдовательны.

Въ общемъ сознаніи сербовъ готово было утвердиться убѣжденіе, что языкъ русской письменности XVII и даже XVIII в. есть именно тотъ литературный языкъ, которымъ должна пользоваться сербская письменность. Сомнѣнія въ этомъ почти не допускались, и лишь весьма рѣдки произведенія той эпохи, писанныя на языкѣ, приближающемся къ народному живому нарѣчію». Въ 30-хъ годахъ XVIII в. вновь было вызвано изъ Кіева нѣсколько учителей изъ кіево-могилянской академіи. «Въ отношеніи культурномъ и политическомъ» —продолжаетъ далѣе П. А. Кулаковскій— такое вліяніе русскаго языка и литературы и русскаго просвѣщенія для сербовъ было поистинѣ благодѣтельно. Сербы были слишкомъ слабы въ культурномъ отношеніи, чтобы сами по себѣ могли дать отпоръ рѣшительному и настойчивому наступленію на нихъ западнаго просвѣщенія, тогда еще отожествляемаго съ католицизмомъ. Сербскіе патріоты хорошо это поняли, и когда въ концѣ XVIII в. была сдѣлана попытка австрійскимъ правительствомъ замѣнить у сербовъ кириллицу латиницей, они были уже достаточно сильны, чтобы дать энергическій отпоръ. Можно съ увѣренностью сказать, что воззрѣнія у сербовъ и ихъ умственные интересы складывались подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ русской мысли». Даже мысль Вука Караджича (а еще раньше его Досиѳея Обрадовича, 1739—1811) замѣнить русско-славянскій языкъ живымъ, народнымъ сербскимъ языкомъ была *поддержана* именно преобразованіями языка русской литературы [3]). Съ этого времени и начинается литературное возрожденіе сербскаго

---

[1]) *А. Будиловичъ*, Сербо-хорватская литература («Поэзія Славянъ»).

[2]) «Начало русской школы у сербовъ въ XVIII в. Очеркъ изъ исторіи русскаго вліянія на юго-слав. литературы», 1903 г.

[3]) Тамъ же. Срв. «Критико-библіогр. обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію» XII, проф. Т. Д. Флоринскаго 1904.

народа, истиннымъ представителемъ котораго и былъ Караждичъ (1787—1864), который открылъ богатыя сокровища сербскаго пѣсеннаго міра и познакомилъ ученый европейскій міръ и съ другими видами южно-славянскаго народнаго творчества и съ народнымъ бытомъ. Люд. Гай (1809—1872) — литературный объединитель югославянъ въ языкѣ, способствовавшій своей реформой дальнѣйшему успѣшному развитію юго-славянской ученой литературы. Хорватское національное движеніе нашло себѣ отзвукъ и у *словенцевъ*, которые могутъ гордиться такими творцами науки языкознанія, какъ Копитаръ и Миклошичъ.

Со второй половины XVIII в. славянскія изученія вступаютъ въ новый, болѣе сознательный и научный фазисъ. И тутъ идутъ чехи впереди. Уже въ 1745 г. появляется у нихъ первый серіозный трудъ о происхожденіи славянъ—І. Іордана. За нимъ идутъ другіе историки и филологи; за чехами и другіе славяне. И вотъ, въ концѣ XVIII в. почти одновременно пробуждается *народное самосознаніе* у чеховъ, сербовъ лужицкихъ и словаковъ, а въ началѣ XIX в. оно охватываетъ и всю Европу. Но славяне начинаютъ чувствовать себя не только извѣстнымъ славянскимъ народомъ, но также однимъ племенемъ по происхожденію и языку, провозглашаютъ себя особымъ міромъ, совершенно отдѣльнымъ отъ остальной Европы. Несомнѣнно, это направленіе подготовлялось многими, въ теченіе вѣковъ, но главный, рѣшительный толчокъ данъ ему «патріархомъ славистики», Іос. Добровскимъ, который самъ, однако, къ возрожденію славянъ и самихъ чеховъ относился скептически. Въ лицѣ Добровскаго сосредоточивается славянская наука, чтобы потомъ перейти къ остальнымъ славянамъ и служить у нихъ выраженіемъ того славянскаго движенія, которое уже не составляетъ принадлежности отдѣльныхъ ученыхъ и проникаетъ въ сознаніе народныхъ массъ. Случайно родившись въ Словачинѣ (1753 г.), Добровскій получилъ образованіе въ Чехіи и, подъ вліяніемъ чешскихъ ученыхъ, обратилъ вниманіе на изученіе чешскаго языка, потомъ всѣхъ славянскихъ языковъ и общеславянской исторіи. Цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ вопросовъ: о происхожденіи славянъ, о главнѣйшихъ фактахъ первоначальной чешской исторіи, о дѣятельности Кирилла и Меѳодія, о славянскомъ богослуженіи у чеховъ, о бытовыхъ особенностяхъ славянъ, о старой славянской письменности, о глаголицѣ, старославянскомъ языкѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и группировкѣ славянскихъ нарѣчій, судьбахъ старой чешской литературы и пр. выдвинутъ и критически разсмотрѣнъ Добровскимъ. Онъ первый научнымъ образомъ уяснилъ

связь всѣхъ славянскихъ народностей. Сильное вліяніе имѣло на него путешествіе въ Москву и Петербургъ въ 1792—93 гг. Его сочиненія по чешскому и славянскимъ языкамъ сдѣлались основою славистики. Вторая половина его жизни совпала уже съ начальной эпохой западно-славянскаго національнаго возрожденія. Пробужденіе національнаго чувства всего ранѣе и сильнѣе обнаружилось у тѣхъ славянъ, у которыхъ въ прежней ихъ исторіи національное сознаніе было наиболѣе развито и лишь насильственно подавлено и заглушено народно-политическими бѣдствіями. Впереди этого движенія идутъ опять чехи. То удивительное событіе, которое называется «чешскимъ возрожденіемъ», имѣетъ значеніе не только въ славянствѣ, но и въ цѣломъ человѣчествѣ и возбуждаетъ собою общечеловѣческій интересъ. Нашлись благородные патріоты, которые усумнились въ томъ, что можно у живого народа отнять его языкъ и что въ самомъ дѣлѣ чешскій народъ такъ палъ, что не можетъ возсоздать науку и словесность, а языкъ его такъ ничтоженъ и слабъ, что не годится быть орудіемъ высшей образованности. Поднимается вопросъ о чешской народности. Начинается изслѣдованіе родной старины и результатомъ этого является воскрешеніе родного языка и литературы, которыя спасли славянству цѣлый народъ, считавшійся уже мертвымъ [1]).

Одушевленные мыслью о своемъ возрожденіи и Гердеровскими воззрѣніями на славянство [2]), чехи начинаютъ мечтать о всеславянскомъ единеніи и о славянской взаимности и выставляютъ изъ среды своей рядъ выдающихся служителей этой идеи въ области филологическихъ и историческихъ наукъ. Блестящую плеяду чешскихъ ученыхъ, которымъ славистика особенно обязана своими успѣхами, составляютъ: Юнгманъ, Ганка, Челяковскій и знаменитый чешскій историкъ Палацкій — творецъ монументальной чешской «исторіи», великій патріотъ и политическій вождь чеховъ [3]).

Славянское самосознаніе среди словаковъ, угасавшее постепенно съ водвореніемъ въ Угріи латинства и латинскаго языка въ государственной и общественной жизни съ XIII в., начинаетъ воскресать въ XIV в. подъ вліяніемъ чешскаго національнаго движенія. Чешскіе гуситы принесли чешскія книги къ словакамъ, которые, принявъ ученіе Гуса и чешское богослуженіе, приняли вмѣстѣ съ тѣмъ и чешскій языкъ, считая себя по языку и происхожденію однимъ народомъ съ чехами. Колонизація гуситовъ и

---

[1]) А. Степовичъ, «Очеркъ исторіи Чешской литературы».

[2]) Нѣмецкій ученый Гердеръ оказалъ на изученіе слав. древностей большое вліяніе. Онъ относился къ славянству съ безпристрастіемъ и сочувствіемъ совершенно исключительными въ нѣмецкой и вообще зап.-европейской наукѣ.

[3]) Палацкій создалъ цѣлую школу историковъ у себя дома и двинулъ впередъ историческія изученія и у другихъ славянъ.

чешскихъ братьевъ продолжалась въ Словачинѣ въ XVII в., особенно послѣ Бѣлогорской битвы 1620 г. Въ это время словаки и чехи находились въ близкой связи, и какъ чешское національное движеніе въ XIV в. отличалось не однимъ процвѣтаніемъ литературы, но и устройствомъ хорошихъ школъ, такъ и у словаковъ находимъ въ это время хорошія школы въ довольно большомъ количествѣ, не только народныя, но среднія и высшія, въ которыхъ среди учителей встрѣчаются извѣстные славянскіе ученые и писатели. Но такъ какъ эти школы имѣли главною цѣлію образованіе религіозное, то до второй половины XVIII в., до Маріи Терезіи и Іосифа II, литературныя произведенія словаковъ имѣютъ характеръ преимущественно религіозный.

Принявъ сначала новое ученіе отъ чешскихъ гуситовъ и моравскихъ братьевъ съ славянскимъ богослуженіемъ, словаки сохранили славянское (чешское) богослуженіе и по переходѣ въ лютеранство, такъ что послѣднее сдѣлалось средоточіемъ и ихъ славянской національности и духовной жизни, въ то время какъ большинство народа принуждено было возратиться къ латинству.

Чешское національное движеніе отразилось на словакахъ и въ томъ, что они стали обращать вниманіе на народный языкъ и въ своихъ сочиненіяхъ на чешскомъ языкѣ стали употреблять словенскія слова и формы. Словенизація чешскаго литературнаго языка началась одновременно и у лютеранъ, и у католиковъ, и въ половинѣ XVII в. является уже въ значительныхъ размѣрахъ [1]). Литературная дѣятельность у словаковъ-лютеранъ открывается въ XVIII в. двумя извѣстными учеными и писателями, Белемъ и Керманомъ. Было довольно много и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которые интересовались словенскою литературою и сами писали по-словенски и по-латыни. Благодаря этому, не только ученые мадьяры, но и магнаты и дворяне въ тѣхъ комитатахъ, въ которыхъ туземцы — словаки, считали своей обязанностью изученіе и развитіе словенскаго языка. Такимъ образомъ положено было начало литературному и національному движенію словенскому,—нужны были только благопріятныя обстоятельства для ихъ роста. Благодаря преобразованіямъ второй половинѣ XVIII в. начинается для словаковъ лучшее время, и литература ихъ достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. Является цѣлый рядъ писателей: славистовъ, историковъ, поэтовъ, и другихъ [2]). Славянское самосознаніе словаковъ

---

[1]) Во 2-й половинѣ XVII в. Д. Горчичка не только старается пробудить въ словакахъ любовь къ народному языку, но является словенскимъ писателемъ, который чувствуетъ себя не только словакомъ, но и славяниномъ.

[2]) Поэтъ Голый—авторъ первой, едва-ли не единственной обширной поэмы о подвигахъ св. Кирилла и Меѳодія.

достигаетъ высшей степени развитія съ появленіемъ Коллара и Шафарика, заговорившихъ объ единеніи славянъ.

Колларъ родился въ 1793 г. въ Словачинѣ, образованіе получилъ на родинѣ, три года занимался въ іенскомъ университетѣ и, по возвращеніи на родину, былъ избранъ священникомъ лютеранской церкви въ Пештѣ. Общеславянское чувство, которое сдѣлалось характеристической чертой его сочиненій и имѣло такое громадное вліяніе на мысли чешской и словенской молодежи, пробудилось въ немъ въ нѣмецкой Іенѣ. На развалинахъ прежде славянскаго міра пробудилось вдругъ то чувство глубокой и безграничной любви къ славянству, которое такъ долго было скрыто въ его душѣ и нашло себѣ выраженіе въ знаменитой поэмѣ его «Дочь Славы».

Вспоминая былое могущество славянъ, сравнивая прежнюю славу ихъ и величіе съ настоящимъ положеніемъ, въ воображеніе своемъ онъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного времени къ другому, видитъ предъ собою славянскій міръ во всѣхъ его частяхъ и во всѣ періоды его исторической жизни, и, въ заключеніе, всматриваясь пророчески въ будущее, онъ спрашиваетъ: «Что же изъ насъ, славянъ, будетъ черезъ сто лѣтъ и что будетъ со всей Европой? — и отвѣчаетъ самъ: «Славянская стихія распространится по всѣмъ странамъ, и тотъ языкъ, который считался у нѣмцевъ языкомъ рабовъ, будетъ слышаться во дворцахъ, и даже враги его будутъ говорить на немъ; одежда, обычай и пѣсни войдутъ въ моду на берегахъ Салы и Лабы».

И все, что было у Добровскаго въ видѣ сырого матеріала, о чемъ впервые заговорилъ въ поэтической формѣ Колларъ, то нашло себѣ научное объясненіе у Шафарика. По своей ученой дѣятельности Шафарикъ имѣлъ общественное значеніе, и въ этомъ отношеніи всѣ славяне могутъ считать его своимъ. «Славянскія древности», «Исторія славянскихъ литературъ» и «Славянское народоописаніе» составляютъ эпоху въ исторіи славистики, какъ и сочиненія Добровскаго и Коллара. Самый капитальный трудъ его — «Славянскія древности» (1837 г.), ставшій исходной точкой и основой для всѣхъ послѣдующихъ историческихъ разысканій этого рода [1]). Съ исторіей созданія этого труда неразрывно связаны имена русскихъ ученыхъ, Бодянскаго и Погодина. Въ лицѣ этихъ двухъ русскихъ друзей Шафарикъ нашелъ искреннихъ печальниковъ подвига своей жизни, какъ онъ называлъ этотъ трудъ свой, помогавшихъ ему выписками изъ историческихъ документовъ, матеріаль

---

[1]) Пичъ, Исторія словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. См. Славянскій Сборникъ, т. I, Спб. 1877 г.

нымъ пособіемъ для его изданія и особенно присылкой книгъ, для пріобрѣтенія которыхъ Шафарику надо было бы затратить цѣлый капиталъ [1]). Могучій духъ Шафарика извлекъ изъ забвенія давно прошедшее славянъ, неопровержимыми доводами доказалъ единство ихъ происхожденія, показалъ ихъ распространеніе и первоначальную судьбу. Въ «Исторіи литературы» онъ показалъ, что славяне, несмотря на неблагопріятныя историческія условія, могутъ похвалиться богатой литературой и вообще духовной дѣятельностью, которая въ будущемъ обѣщаетъ дойти до высшей степени развитія, соотвѣтственно многочисленности славянскаго племени и обширности занимаемаго имъ пространства, и эти два пункта впервые почти опредѣлены въ «Народоописаніи». Съ появленіемъ этихъ научныхъ трудовъ проповѣдь Коллара о славянской взаимности и единеніи получила новый смыслъ, такъ какъ она ими дополнялась и объяснялась. Вліяніе сочиненій Коллара и Шафарика на словенскую молодежь было громадное.

Къ этимъ тремъ великанамъ славянскаго духа слѣдуетъ присоединить еще четвертаго—Людевита Штура, имѣвшаго такое громадное вліяніе на развитіе славянской идеи. Въ сочиненіи своемъ «О славянскихъ народныхъ поэмахъ и сказкахъ», отдавая поэзіи славянъ первое мѣсто въ поэзіи всемірной, Штуръ обращаетъ главное вниманіе на ея этическое содержаніе и задается возсозданіемъ, на ея основѣ, главныхъ чертъ славянскаго племеннаго характера, что ему и удается вполнѣ. Но не одна только внутренняя духовная жизнь славянъ была предметомъ его изслѣдованій. Будучи въ средѣ западныхъ славянъ первымъ представителемъ славянской идеи, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она развилась впослѣдствіи, онъ не могъ успокоиться на одной мысли о родствѣ отдѣльныхъ славянъ и литературной взаимности между ними, и онъ въ своемъ сочиненіи «Славянство и міръ будущаго» завершаетъ послѣдовательную цѣпь развитія славянскаго самосознанія: пробужденіе славянскаго самосознанія, сочувствіе другъ къ другу, сближеніе на литературномъ поприщѣ, согласіе въ дѣйствіяхъ на политическомъ поприщѣ и, наконецъ, послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи является мысль Штура о политическомъ единеніи всѣхъ славянъ.

Общею связью между славянами Штуръ считаетъ православную вѣру и общелитературный языкъ, коимъ можетъ быть только русскій. Отвергая политическія формы Запада, въ которыхъ извѣрились теперь всѣ западные народы и которымъ онъ предсказываетъ разложеніе, онъ видитъ для славянскаго міра спасеніе только въ самодержавной монархіи, въ которой правительство должно окружить себя упол-

---

[1]) В. А. Францевъ, Очерки изъ исторіи чешскаго возрожденія 1902 г.

номоченными отъ областей, не для того, чтобы они предписывали ему законы, спорили съ нимъ и вообще разыгрывали конституціонную комедію, а только для того, чтобы они, какъ выборные земскіе люди, давали совѣтъ правительству [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ того самаго центра славянства, который составляетъ ядро славянской архіепископіи Меѳодія и въ которомъ долѣе другихъ западныхъ славянскихъ странъ сохранялась память о св. первоучителяхъ и гдѣ раньше другихъ странъ вспомнили о нихъ (поэтъ Голый),— изъ этого самаго центра вышли и первые представители славянской идеи: Колларъ, Шафарикъ, Штуръ. Оттуда, изъ этого центра, разлилось во всѣ славянскія страны христіанское просвѣщеніе на обще-славянскомъ языкѣ, отсюда же распространяется идея славянской взаимности и единенія, воскрешается Кирилло-Меѳодіевская идея: одна общая церковь и одинъ общій литературный языкъ, тотъ именно языкъ, который есть прямой наслѣдникъ церковно-славянскаго языка, который выросъ непосредственно изъ этого корня, на которомъ говоритъ самый многочисленный народъ славянскій,— языкъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый богатый и развитой изъ славянскихъ языковъ, на которомъ существуетъ богатая литература, привлекающая къ знакомству съ собою всѣ прочіе славянскіе народы, словомъ — русскій языкъ! [2]).

Въ чешскомъ возрожденіи однимъ изъ выдающихся факторовъ слѣдуетъ признать непосредственное сближеніе и затѣмъ продолжительныя связи главнѣйшихъ представителей этой великой въ жизни чешскаго народа эпохи съ русскимъ міромъ. Начиная съ перваго посѣщенія Чехіи нашими войсками Суворовской арміи въ концѣ XVIII в., связь эта и взаимодѣйствіе, достигшія въ области науки особенной широты и силы въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX ст., не прекращались. Связанныя съ ростомъ политическаго могущества Россіи съ конца XVIII в. неясныя, но весьма популярныя мечтанія о великой роли славянскаго Востока въ обновленіи жизни крайняго славянскаго Запада, нашедшія достаточно полное выраженіе въ чешской поэзіи, съ теченіемъ времени смѣняются дѣятельнымъ изученіемъ чешскими учеными этого міра. Въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка начинаются путешествія русскихъ

---

[1]) Пичъ, тамъ-же.

[2]) О необходимости одного общаго литературнаго языка для славянъ писали: Ю. Крижаничъ (хорватъ, XVII в.), Юнгманъ (чехъ, 1773—1847), А. Штуръ (словакъ, въ первой половинѣ XIX в.) и въ новѣйшее время всего полнѣе и убѣдительнѣе рус. проф. А. С. Будиловичъ.

ученыхъ въ славянскія земли. Съ тѣхъ поръ славянскія изученія пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе прочную почву, и сознаніе великаго ихъ значенія для России и русской науки выражается сильнѣе всего въ стремленіи создать у насъ славянскія каѳедры. Это обстоятельство еще болѣе укрѣпляетъ связь русскихъ съ чешскими славянофилами и приводитъ, нѣсколько лѣтъ спустя, къ посылкѣ въ славянскія земли цѣлой плеяды молодыхъ людей, впослѣдствіи воодушевленныхъ работниковъ на новой нивѣ. Съ конца 30-хъ годовъ русскія связи съ Прагой становятся особенно оживленными и богаты плодами. Взаимодѣйствіе чешской науки и русской въ этотъ періодъ оказывается особенно сильно. Оно опредѣляетъ все дальнѣйшее развитіе той и другой [1]).

Въ половинѣ 30-хъ годовъ возстановляются прерванныя было сношенія русскихъ съ галичанами чрезъ посредство московскаго проф. М. П. Погодина, вліяніе котораго на галичанъ имѣло для нихъ важныя послѣдствія. Погодинъ далъ галичанамъ толчокъ къ изученію своей старины и помогъ имъ выступить на поприще исторической науки. Доставляя Вагилевичу, Головацкому, Зубрицкому и другимъ книги и научныя пособія, давая имъ указанія, какъ поступать въ историческихъ изслѣдованіяхъ, онъ положилъ основаніе современной исторической наукѣ галичанъ. Отъ Зубрицкаго принималъ онъ сочиненія, писанныя на польскомъ языкѣ, давалъ ихъ переводить на русскій языкъ и, помѣщая ихъ въ русскихъ изданіяхъ, поощрялъ его къ дальнѣйшимъ трудамъ. Когда Зубрицкій заинтересовался русской исторіей, онъ сталъ склонять и другихъ къ чтенію русскихъ книгъ и къ изслѣдованію отечественной исторіи. Первыми его учениками были: Я. Гловацкій, А. Петрушевичъ и М. Малиновскій. На нихъ онъ возлагалъ большія надежды, которыя впослѣдствіи и оправдались [2]).

Въ Угорской Руси растетъ русское и славянское самосознаніе: угро-руссъ Юрій Венелинъ пишетъ о «Древнихъ и новыхъ болгарахъ»; это сочиненіе обращаетъ на себя вниманіе болгаръ, которые съ этого времени начинаютъ заниматься родной стариной. Въ Хорватіи Людевитъ Гай и въ Сербіи Вукъ Караджичъ становятся во главѣ національно-литературнаго движенія [3]).

Но интересъ къ развитію національной литературы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ любовь къ народному языку и народу, и изъ

---

[1]) В. А. Францевъ, Очерки изъ исторіи чеш. возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи конца 18-го и первой половины 19-го в. Варшава. 1902.

[2]) Ф. Свистунъ, Прикарпатская Русь. Львовъ. 1903.

[3]) Бодянскій, Прейсъ, Срезневскій, Григоровичъ. Всѣмъ этимъ начинаніямъ много способствовали три выдающихся государственныхъ дѣятеля—А. С. Шишковъ, гр. Румянцовъ, и гр. Уваровъ.

этой любви вытекаетъ уже національное самосознаніе, слѣдовательно патріотизмъ. Національный моментъ въ возрожденіи австрійскихъ славянъ получилъ, наконецъ, и политическое значеніе, когда они вынуждены были защищаться въ одномъ мѣстѣ отъ нѣмцевъ, въ другомъ—отъ мадьяръ. Борьба начинается въ 1848 г., который принесъ съ собою столько надеждъ и былъ вмѣстѣ и началомъ столькихъ разочарованій.

Въ Россіи въ 30-хъ годахъ складывается ученіе славянофильства, въ разработкѣ котораго главнѣйшая роль принадлежитъ А. С. Хомякову. Онъ считалъ необходимымъ для каждаго народа самобытное развитіе, признавалъ великое значеніе вѣры въ человѣческомъ духовно-нравственномъ быту и превосходство нашей церкви надъ ученіемъ латинства и протестантства. Къ Хомякову присоединился И. В. Кирѣевскій, и они вмѣстѣ начинаютъ работать для этой идеи. И въ поэзіи Хомякова имѣются на лицо всѣ элементы славянофильской теоріи: вѣра въ гибель Запада, утратившаго чистое христіанство, и въ будущее Россіи подъ условіемъ сохраненія чистоты началъ православія, убѣжденіе въ самобытности и цѣнности русскихъ началъ, и т. д. Хомяковъ защищалъ общину, съ помощью которой достигалось сохраненіе исконнаго обычая, право всѣхъ на поземельную собственность, нравственная связь между людьми и нравственное воспитаніе людей въ смыслѣ общественномъ посредствомъ постояннаго упражненія въ судѣ и администраціи мірской, при полной гласности и правахъ совѣсти. Хомяковъ видѣлъ въ общинѣ единственно сохранившееся гражданское учрежденіе всей русской исторіи, изъ котораго могъ развиться цѣлый гражданскій міръ.

Въ своихъ стихахъ Хомяковъ много отводилъ мѣста славянству и его будущему; его поэзія называется даже «поэзіей славянства»! Въ началѣ 40-хъ гг. теорія славянофильства получаетъ законченный и стройный видъ во время споровъ съ западниками, отстаивавшими начала западныя и не признававшими русскихъ самобытныхъ началъ. Въ этихъ спорахъ главную роль игралъ Хомяковъ же: обладая громадной эрудиціей въ разныхъ областяхъ знанія, особенно въ сферѣ церковной исторіи и богословія, философъ и искусный діалектикъ, онъ былъ опаснымъ противникомъ западничества.

Объединеніе славянофильскихъ началъ происходитъ на почвѣ богословія и своебразной философіи. Въ 1844 г. обѣ общественныя группы окончательно размежовываются и стоятъ другъ про-

тивъ друга, какъ два враждебныхъ лагеря. Славянофильству приходится развивать свою программу при полномъ равнодушіи внизу, при враждебномъ отношеніи большинство интеллигенціи [1]) и постоянно выражаемомъ подозрѣніи сверху (администрація наша почти всегда поддѣлывалась къ западничеству, не давая себѣ труда узнать, въ чемъ разница началъ русскихъ и западныхъ). Съ 1846 г. выступаютъ впервые младшіе славянофилы: Ю. Самаринъ и братья Аксаковы, а съ 1847 г. начинается гоненіе на славянофиловъ. И это гоненіе приводитъ къ тому, что славянофилы принуждены замолчать въ печати и распространять свои взгляды въ рукописяхъ. Такимъ путемъ распространялось знаменитое стихотвореніе Хомякова, написанное по поводу разрыва Россіи съ Франціей и Англіей:

«Вставай, страна моя родная,
За братьевъ. Богъ тебя зоветъ...»

Съ 1856 г. былъ снятъ запретъ съ славянофиловъ. Развитіе и распространеніе славянофильскаго ученія самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяло на ходъ и успѣхъ, а отчасти и на направленіе славянскихъ изученій. Къ этому времени уже выступило новое поколѣніе славистовъ (А. Гильфердингъ, А. Майковъ, Н. Поповъ, А. Котляревскій). Рядомъ съ ними выдвигается рядъ новыхъ крупныхъ силъ: П. А. Лавровскій, В. И. Ламанскій, А. Н. Пыпинъ, В. В. Макушевъ, А. Дювернуа, А. Кочубинскій, П. Безсоновъ. Ихъ труды примыкаютъ къ быстро развивающейся наукѣ русскаго языка и старой русской письменности, исторіи литературы и исторіи политической. Изъ русскихъ славистовъ особенно выдается В. И. Ламанскій, не только своими многочисленными трудами, но и въ смыслѣ установленія оригинальныхъ руководящихъ воззрѣній на славянскій міръ въ его отношеніяхъ къ Западу и Востоку. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ созидателей историческаго направленія славянскихъ изученій въ Россіи и образовалъ цѣлую школу русскихъ славистовъ, преимущественно историковъ. Между ними уже много именъ извѣстныхъ всему ученому міру.

Но русское общество стояло въ сторонѣ отъ этого научнаго движенія и мало интересовалось славянами.

Между тѣмъ, главные представители славянофильства начали одинъ за другимъ сходить въ могилу. Въ 1856 г. умерли братья Кирѣевскіе, въ 1860 г.—Хомяковъ, въ 1861 г. К. Аксаковъ. Изъ прежнихъ дѣятелей остались И. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ представителями направленія въ царствованіе Александра II.

---

[1]) По самому характеру взглядовъ это ученіе было мало доступно пониманію широкой публики; а при тогдашнихъ условіяхъ цензуры не было возможности развить эти взгляды по существу.

Принадлежа къ крупнѣйшимъ личностямъ въ Россіи не только своего времени, но и всего XIX ст., они содѣйствовали популяризаціи славянофильства. Самаринъ, съ широкимъ философскимъ образованіемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что идеалъ развитія человѣка состоитъ въ цѣльности его духовной жизни, что невозможна вполнѣ успѣшная дѣятельность, въ какой бы то ни было сферѣ, безъ гармоническаго развитія и воздѣйствія на нее всѣхъ силъ духа [1]. И личность его вполнѣ воплотила въ себѣ этотъ идеалъ. Крупная черта личности Самарина состояла въ счастливомъ сочетаніи трехъ дарованій, которыя не часто встрѣчаются и порознь въ такой степени развитія, какой они достигли въ Самаринѣ: критическій даръ, способность историка-изслѣдователя, замѣчательный талантъ оратора въ лучшемъ и древнемъ значеніи общественнаго дѣятеля [2]. Въ его общественной дѣятельности, его всегда воодушевляла искренняя, сознательная любовь къ народу, бытъ котораго онъ изучилъ всесторонне и въ Кіевѣ, и въ Самарѣ, и въ Ригѣ, и въ Варшавѣ, отъ Вислы до Волги. Высоко цѣня западную цивилизацію, глубоко уважая культуру другихъ народовъ, онъ требовалъ для Россіи того именно условія, которое создало другія цивилизаціи, — чтобы она выростала изъ корней и сѣмянъ, а не изъ культурныхъ черенковъ, привитыхъ къ дикимъ стволамъ. Онъ боялся ломки народнаго быта и легкомысленнаго искаженія его коренныхъ началъ. Его служеніе дѣлу и наукѣ отличалось всегда безкорыстіемъ. Со связями и матеріальными и умственными средствами онъ могъ бы достигнуть высшихъ ступеней общества, стоило только пожертвовать нѣкоторыми изъ своихъ убѣжденій, но онъ никогда не умѣлъ этого дѣлать. На службѣ въ Кіевѣ, Варшавѣ и Ригѣ онъ былъ всегда прежде всего русскій человѣкъ [3]. Ю. Ѳ. Самаринъ доказалъ блистательнѣйшимъ образомъ, что теорія славянофильства не есть только теорія поэтовъ и мечтателей, а можетъ имѣть практическое значеніе и можетъ быть осуществляема въ русской жизни, и это едва-ли не важнѣйшая сторона его дѣятельности. Освобожденіе русскихъ крестьянъ съ землей и крестьянское самоуправленіе, которое нельзя отторгнуть отъ славянофильской теоріи и въ которомъ Ю. Ѳ. несомнѣнно много потрудился, — освобожденіе польскихъ крестьянъ съ обязательнымъ выкупомъ крестьянской земли и съ устройствомъ польской гмины, положившей сразу начало возстановленію полноправія польскаго народа и подорвавшее въ основѣ ложное направ-

---

[1]) Проф. Каринскій. См. брошюру о Самаринѣ изд. Слав. Б. О—вомъ. Также сборн. «Первыя 15 лѣтъ существ. Сл. Б. О. (Спб. 1883), стр. 363 и сл.

[2]) В. И. Ламанскій. тамъ-же, стр. 370 и сл.

[3]) Проф. А. Д. Градовскій, тамъ-же, стр. 368 и сл.

леніе польской жизни, надъ чѣмъ много поработалъ Ю. Ѳ.,—несомнѣнно практическія дѣла. Такимъ же практическимъ дѣломъ нужно признать и тѣ разоблаченія и указанія, какія дѣлалъ Самаринъ въ дѣлахъ нашего прибалтійскаго края («Окрайны»). Многіе до него писали о іезуитахъ, но никто не сдѣлалъ того, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Самаринъ: онъ разсмотрѣлъ іезуитскія сочиненія, ихъ системы, учебники и ученія, и собственными ихъ словами воспроизвелъ наглядно и неопровержимо безнравственную доктрину ихъ («Іезуиты въ Россіи»). Вездѣ, въ самыхъ, повидимому, неважныхъ дѣлахъ, онъ съ поразительной неутомимостью и самоотверженностью осуществляетъ одну и туже теорію славянофильства. Понятно послѣ этого, почему его вниманіе обращалось въ особенности на наши окрайны. Тамъ-то особенно и ощутительна практичность этой теоріи [1]). Ко всему этому надо прибавить, что Самаринъ, какъ славянофилъ, былъ преданнѣйшимъ сыномъ православной церкви.

Переходимъ къ другому представителю славянофильства во 2-й половинѣ XIX ст., къ И. С. Аксакову, проводившему теорію въ жизнь въ качествѣ знаменитаго публициста. «Дѣйствительная сила, дѣйствительное значеніе, принадлежатъ въ исторіи только нравственнымъ истинамъ, вѣчнымъ началамъ любви и справедливости. Не всегда признаваемыя и замѣчаемыя мыслителями, они тѣмъ не менѣе являются двигателями общественной жизни народовъ, направляютъ ихъ историческій путь въ ту или другую сторону, обусловливаютъ ихъ развитіе не только внутреннее, но и внѣшнее. Начало нравственное живетъ и движется своимъ внутреннимъ логическимъ процессомъ, и историческія «наказанія» или «счастливыя случайности», злыя или добрыя послѣдствія, въ сущности, ничто иное, какъ логическіе нравственные выводы изъ нравственнаго же положенія, воплощеннаго историческимъ фактомъ. Всякое уклоненіе отъ нравственныхъ истинъ проявляется ложью даже во внѣшнемъ устройствѣ, подрываетъ матеріальное преуспѣяніе, подтачиваетъ жизнь историческихъ обществъ. Чѣмъ болѣе нравственныхъ требованій носитъ въ себѣ народъ, чѣмъ выше его собственный нравственный идеалъ и его нравственная задача на землѣ,—тѣмъ мучительнѣе разладъ, вносимый въ его жизнь уклоненіемъ отъ нравственныхъ истинъ, тѣмъ сильнѣе страдаетъ онъ отъ всякаго внутренняго противорѣчія. Раздвоеніе духа нарушаетъ ту нравственную цѣльность, которая необходима для цѣльности дѣйствованія и ослабляетъ его внѣшнія силы. Человѣкъ честный, рѣшившійся на поступокъ, несогласный съ прирожденными ему поня-

[1]) Проф. М. О. Кояловичъ, тамъ-же стр. 371 и сл.

тіями о чести, никогда не совершитъ этого поступка съ тою ловкостью, съ тою беззавѣтной легкостью и, такъ сказать, съ тою гармоніей злой воли и злого дѣла, съ какою совершитъ его человѣкъ менѣе честный или, по крайней мѣрѣ, съ совѣстью не столь чуткою. Чтобы дѣйствовать рѣшительно, человѣку честному необходимо *сознаніе своей правоты*, полное согласіе воли съ его собственными нравственными требованіями. Если такого согласія нѣтъ и быть не можетъ, то ему остается: или отказаться отъ дѣла, какъ несовмѣстнаго съ началами истины, или же заглушить совѣсть и измѣнить честному преданію своей собственной жизни. Послѣднее едва-ли возможно, и нравственное насиліе, учиненное имъ надъ самимъ собою, большей частью обнаруживается внѣшнимъ неуспѣхомъ и внутреннимъ диссонансомъ, разъѣдающимъ душевныя силы. Тѣмъ не менѣе, этотъ неуспѣхъ похвальнѣе успѣха; эта неудача, это чувство разлада, эта возможность подобнаго, никуда негоднаго въ практическомъ смыслѣ сомнѣнія, составляетъ, по нашему мнѣнію, уже нравственную заслугу такого человѣка и указываетъ на болѣе высокую степень его нравственнаго призванія. То же явленіе находимъ и въ жизни народовъ»[1].

Таково было, такъ сказать, нравственное и политическое credo этого замѣчательнаго русскаго человѣка, и оно служило двигателемъ въ его жизни и основаніемъ для рѣшенія имъ политическихъ вопросовъ. Лично И. С—чъ оставался вѣренъ этому credo всю жизнь, никогда не входя ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ ни въ какіе компромиссы. Это credo было высказано имъ съ своей московской трибуны, по поводу отношеній Россіи къ Польшѣ, въ то время, когда тамъ происходили волненія—предвѣстники возстанія 1863 г.—и когда русское правительство, въ смущеніи, дѣлало полякамъ уступки, не только не успокаивавшія, а только возбуждавшія аппетиты польскіе. Насталъ 1863 г., а съ нимъ вспыхнуло и открытое польское возстаніе. Русское общество, въ особенности на верхахъ, совершенно утратившее русское самосознаніе, никогда не знавшее хорошо своей исторіи и совершенно неспособное судить объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, совершенно растерялось. И тутъ-то И. С—чъ выступаетъ какъ замѣчательный публицистъ-патріотъ и славянофилъ. Еще за годъ до возстанія онъ начинаетъ знакомить въ «Днѣ» (Москва) общество съ польскимъ вопросомъ[2]). Признавая совершенно естественнымъ паденіе Польши, «подготовленное внутреннимъ разложеніемъ польскаго общества, ложью шляхетства и католицизма, измѣною ея славянскимъ началамъ, гордыней и нетерпимостью поль-

---

[1]) И. С. Аксаковъ, Польскій вопросъ и зап. русское дѣло. Полное собр. соч., т. III. Статьи изъ газеты «День», ст. 3.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

ской національности къ русской»,—онъ тѣмъ не менѣе, признаетъ за польской народностью, какъ и за всякой другой, сознающей себя и способной жить, право жизни. «Каждый народъ имѣетъ нравственное безусловное право на бытіе и самостоятельную жизнь *въ предѣлахъ своей народности*, если этотъ народъ сознаетъ себя, вѣритъ въ себя, хочетъ жить и способенъ жить. Отсюда же вытекаетъ право группироваться, собирать свои разрозненные члены въ одно цѣлое—право Бѣлой, Червонной, Малой и Великой Руси сплотиться въ единую, великую Русь,—право поляковъ домогаться возсоединенія Познанской области, верхней Галиціи (Краков. обл.) и тѣхъ частей Польши, которыя населены природными поляками (туземцами, а не переселенцами и ополяченными другими народностями) и составляютъ цѣльное органическое тѣло польской народности, въ единую Польшу; но притязанія поляковъ на Литву, Бѣлоруссію и Украйну, принадлежащія теперь Россіи и населенныя племенами непольскими, эти притязанія положительно несправедливы и безнравственны, ибо они клонятся къ ополяченію другихъ народностей, и опираются на весьма сомнительныя основанія. Россія же, въ отношеніи къ древне-русскимъ областямъ опирается на несомнѣнное изъ всѣхъ правъ, *нравственное право*, или, вѣрнѣе, *на нравственныя обязанности братьевъ*» [1]).

По поводу вмѣшательства западныхъ державъ (Австріи, Франціи и Англіи) въ нашъ русско-польскій вопросъ и въ ожиданіи войны съ этими державами, И. С—чъ пишетъ: «Если въ союзѣ съ Польшей поднимется противъ Россіи вся Зап. Европа, то борьба приметъ значеніе борьбы двухъ міровъ, борьбы основныхъ стихійныхъ силъ, и вопросъ польскій станетъ вопросомъ о томъ: быть или не быть Россіи, быть или не быть русской народности, затопитъ-ли латино-германское море міръ православно-славянскій, или же Россіи суждено стать Араратомъ православно-славянскаго міра и спасти его отъ потопа? На сторонѣ Польши—весь Западъ, на сторонѣ Россіи—одинъ русскій народъ и сочувствіе всего православно-славянскаго міра, слѣдовательно, какое же главнѣйшее и единственное условіе успѣха для насъ въ предстоящей борьбѣ? Это — вѣра въ самихъ себя, вѣра въ русскій народъ и вѣрность русской народности. Что выдвинемъ мы въ отпоръ латинству и обществу Запада, европеизму и полонизму? Въ отпоръ латинству — православіе, въ отпоръ западному обществу — русское общество, въ отпоръ европеизму и полонизму — русскую народность» [2]). «Мы не должны бояться общественнаго мнѣнія Европы», говоритъ въ другомъ мѣстѣ И. С—чъ: «мы должны отвѣчать только предъ собственною своею народною

---

1) Тамъ-же, стр. 34.
2) Тамъ-же, стр. 97.

совѣстью, намъ необходимо самимъ сознавать себя правыми,—и если мы крѣпки такимъ всенароднымъ сознаніемъ, мы можемъ смѣло не обращать вниманія на мнѣніе о насъ Европы, слагающееся изъ элементовъ невѣжества, ненависти, зависти и страха... Пусть тогда думаетъ Европа о насъ, что ей угодно,—правительство, усилившее себя свободною, истинною нравственною поддержкою всей русской земли, выйдетъ побѣдоносно изъ всѣхъ затрудненій» [1]). Такъ оно и было: на ноты державъ Россія дала отвѣтъ, достойный ея,—и державы дальше нотъ не пошли.

«Въ 1815 г. императоръ Александръ I *воскресилъ* имя Польши, создавъ Царство Польское изъ герцогства Варшавскаго, за что Александръ I былъ прозванъ поляками *воскресителемъ.* Но если воскрешенная Польша иначе не разумѣетъ своего возрожденія, какъ подъ условіемъ раздробленія Россіи и захвата русскихъ земель, что остается дѣлать Россіи? Что дѣлать съ неисправимымъ, опаснымъ безумцемъ, нарушающимъ покой мирныхъ жителей? Что дѣлать съ человѣкомъ, одержимымъ неизлѣчимою наклонностью къ захвату чужого добра? Отвѣтъ не нужно подсказывать. Возрожденіе Польши въ *предѣлахъ польской народности,* въ какой бы то ни было политической формѣ, возможно только съ *исправленіемъ* поляковъ отъ страсти къ захватамъ, съ *излѣченіемъ* ихъ отъ политическаго безумія, съ отреченіемъ отъ призванія быть миссіонерами латинства и передовой дружиной Запада, съ утратою *рыцарскаго* шляхетскаго отношенія къ народу, съ возвращеніемъ ихъ въ лоно Славянства» [2]).

«Можетъ быть Польша пожелаетъ совершеннаго отдѣленія отъ Россіи»; но въ такомъ случаѣ И. С—чъ предсказываетъ полную анархію въ странѣ, а затѣмъ занятіе ее прусскими и австрійскими войсками и новый ея раздѣлъ.

Какъ относились къ намъ въ польскомъ вопросѣ западные славяне, именно чехи? На это мы находимъ отвѣтъ И. С—ча въ «Днѣ» отъ 13 Іюля 1863 г. «Мы, русскіе, не можемъ воздержаться отъ нѣкотораго горькаго чувства, убѣждаясь вновь и вновь, какъ мало знаютъ западные славяне Россію (несмотря на постоянныя научныя сношенія между нами съ конца XVIII в.), какъ мало понимаютъ и цѣнятъ они значеніе и призваніе Россіи въ семьѣ славянскихъ народовъ и вообще самую сущность не только польскаго, но и вообще славянскаго вопроса [3]). Ригеръ (извѣстный патріотъ и вождь чешскаго народа) и Палацкій (знаменитый чешскій исто-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 49—50.

[2]) Тамъ-же, стр. 133.

[3]) Но гдѣ же было понимать это западнымъ славянамъ, когда и сами русскіе этого не понимали! Понимали это только славянофилы.

ріографъ) едва-ли не единственные чехи изъ интеллигенціи края, которые стараются удержаться въ безпристрастномъ отношеніи къ Россіи: этимъ своимъ безпристрастіемъ они уже возбудили противъ себя т. н. *молодую Чехію*, овладѣвшую теперь общественнымъ мнѣніемъ края чрезъ посредство всякаго рода газетъ и журналовъ. Не смотря на извѣстный, испытанный патріотизмъ Палацкаго и Ригера, не смотря на огромныя заслуги, оказанныя ими чешскому народу, чешская молодежь, подпавши польскому вліянію, увлеченная фальшивымъ либерализмомъ, не слушаетъ увѣщаній лучшихъ людей Чехіи и продолжаетъ свои упражненія во лжи и клеветѣ, подъ руководствомъ ловкихъ учителей, патентованныхъ мастеровъ этого дѣла—поляковъ. Впрочемъ, сочувствіе и сближеніе съ поляками не замедлитъ обнаружиться горькими плодами для чешскаго общества. Поляки вознаградятъ чеховъ за участіе, пропитавъ ихъ такою антиславянскою польскою отравою, которая можетъ погубить на вѣки только-что возраждающійся организмъ чешскаго народнаго тѣла. Духовное сближеніе славянъ съ поляками и отдаленіе отъ Россіи служатъ самою надежною мѣрою для опредѣленія качества и силы славянскаго духа, пребывающаго въ славянахъ. И Палацкій, и Ригеръ убѣдятся со временемъ въ истинѣ этихъ словъ,—но, можетъ быть, тогда уже будетъ поздно».

Ригеръ, въ отвѣтной статьѣ своей А. Ѳ. Гильфердингу, обратившемуся къ нему съ посланіемъ по поводу польскаго вопроса, ссылается на авторитетъ Маріи Терезіи, при сужденіи о раздѣлѣ Польши, говоря «объ австрійской точкѣ зрѣнія, которую чехамъ, какъ членамъ австрійскаго государства», благоразумно и нужно соблюдать. А эта австрійская точка зрѣнія опредѣлена была въ первыхъ же засѣданіяхъ австр. рейхсрата лѣтомъ 1863 г., во время преній объ адресѣ императору съ выраженіемъ сочувствія политикѣ его въ польскомъ вопросѣ. Депутатъ-нѣмецъ Бернеръ торжественно объявилъ: «Австрія должна, вмѣстѣ съ Зап. Европой, поддерживать Польшу, потому что *поляки суть самый вѣрный оплотъ противъ панславизма, столь опаснаго для Германіи*, и *самое надежное орудіе европеизма*»,—при этомъ нѣмецъ выразилъ очень энергично свое отвращеніе къ славянамъ и сдѣлалъ на отсутствующихъ чеховъ публичный доносъ, объяснивъ ихъ отсутствіе славянскими тенденціями, сочувствіемъ къ «Россіи» и «царизму». Эта точка зрѣнія была вполнѣ одобрена собраніемъ и не встрѣтила возраженія со стороны поляковъ [1]). Послѣ такого точнаго опредѣленія мѣста поляковъ въ славянской исторіи—позволительно-ли хоть одному

---

[1]) Это же потвердили торжественно поляки въ 1866 г. въ адресѣ императору отъ имени львовскаго сейма (См. наши «Путев. впечатлѣнія. Буковина и Галичина», стр. 127).

славянину, въ комъ есть хоть тѣнь славянскаго смысла и чувства, становиться на сторону Польши въ ея борьбѣ съ Россіей? Не очевидно-ли для всякаго, что сочувствіе польскимъ тенденціямъ, поддерживаемымъ Зап. Европой, есть сочувствіе анти-славянскимъ тенденціямъ? Поляки сзываютъ всю Зап. Европу на главнѣйшее славянское племя, на единственно существующую въ мірѣ славянскую державу, съ паденіемъ которой погибло-бы все славянство, а чехи спѣшатъ стать подъ анти-славянское знамя... Если бы Ригеръ вдумался, всмотрѣлся въ исторію Польши, еслибы онъ припомнилъ событія своей собственной исторіи и оживилъ въ себѣ преданія гуситства, онъ понялъ-бы настоящій смыслъ борьбы Россіи съ Польшей [1]). Титулъ, которымъ украсилъ австрійскій депутатъ-нѣмецъ поляковъ нашего времени, т.-е. титулъ «враговъ славянства и бойцовъ за европеизмъ» шелъ къ нимъ во всѣ времена. Это все та же борьба латинства съ православіемъ, которая сказалась въ ожесточенной борьбѣ поляковъ съ гуситами, —борьба, окончившаяся полнымъ облатыненіемъ и паденіемъ Чехіи... «*Эта борьба не за матеріальное обладаніе землей, а за духовную независимость русскаго народа отъ латинства, котораго воинственными миссіонерами являются въ славянствѣ поляки*». Будь поляки православными, скажемъ мы, этой борьбы не было бы, да и вся исторія Польши была бы иная; она осталась бы вѣрна славянскимъ началамъ; она была бы всегда въ союзѣ съ Россіей, а не противъ нея; она служила бы интересамъ славянства, а не наоборотъ; она, быть можетъ, стояла бы теперь во главѣ западнаго славянства; вся исторія славянства и средней Европы была бы, вѣроятно, иная... Польша простиралась-бы, быть можетъ, отъ Вислы до Лабы... «Если бы чехи сдѣлали русскую ученую литературу предметомъ своего изученія, они, быть можетъ, перестали бы понимать славянство чисто съ внѣшней политической стороны, и поняли бы, что борьба Россіи съ Польшей, это—борьба двухъ міровъ, западно-европейскаго и восточно - славянскаго, двухъ цивилизацій, двухъ просвѣтительныхъ и общественныхъ началъ жизни, латинства съ православіемъ» [2]).

Это—та самая борьба, скажемъ мы, которая тысячу лѣтъ тому назадъ началась въ Моравіи и Панноніи въ лицѣ, съ одной стороны—славянскихъ первоучителей, съ другой—нѣмецкой іерархіи; роль первыхъ унаслѣдовала православная славянская Россія, оставшаяся вѣрною кирилло-меѳодьевскимъ преданіямъ, — роль другой

---

[1]) Ригеръ вообще не отличался «славянскимъ смысломъ и чувствомъ,—доказательство—его отношеніе къ словакамъ, которыхъ онъ приносилъ въ жертву мадьярамъ. Ригеръ былъ чехъ, но не былъ славяниномъ...

[2]) И. С. Аксаковъ, Собраніе соч., т. III, 126—131.

перешла къ латинской, отрекшейся отъ этихъ преданій и отъ самаго славянства, Польшѣ. Борьба эта, унаслѣдованная Россіей и Польшей, возобновилась съ 1349 г., когда папа Бенедиктъ XI объявилъ *несоизволенною* клятву Казиміра В. охранять греко-славянскій обрядъ въ захваченной имъ Галичинѣ. Съ тѣхъ поръ римская церковь имѣетъ въ Польшѣ ревностнаго пособника для подчиненія Западной Россіи главенству папы.

«Поляки своимъ возстаніемъ оказали намъ такія огромныя услуги, говоритъ И. С—чъ, [1]) что рядомъ съ негодованіемъ, возбужденнымъ ихъ поступками, невольно тѣснится въ грудь и чувство нѣкоторой благодарности, ими, конечно, не прошенной. Едва-ли найдется такой скептикъ, который бы сталъ отрицать значеніе «патріотизма», какъ дѣйствительной силы, удесятиряющей могущество арміи въ борьбѣ противъ внѣшнихъ враговъ: и мы можемъ съ гордостью сказать, что мы богаты этой силой. Въ самомъ дѣлѣ, «патріотизмомъ», какъ пожаромъ, обхватило все наше общество. При одномъ слухѣ объ европейскихъ угрозахъ, при одной мысли о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г., вскипѣло и кипитъ негодованіе во всѣхъ слояхъ русскаго народа. Все напряжено; все, въ случаѣ войны, готово принесть на «алтарь отечества жизнь и достояніе»

И такъ польское возстаніе напомнило намъ, что мы русскіе, и мы сознали себя русскими... Не далеко было до сознанія себя славянами. Поле было вспахано, требовалось засѣять его добрыми сѣменами, и И. С—чъ продолжалъ сѣять до конца своей жизни (27 янв. 1886 г.) [2]).

Между тѣмъ, медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ подготовлялось у насъ воскрешеніе памяти св. первоучителей славянскихъ. Такъ, въ 1855 г., въ день столѣтняго юбилея московскаго университета, принесена въ университетскую церковь частица отъ руки св. Кирилла. Эта частица принесена въ даръ университету М. П. Погодинымъ. Въ 1835 г., была отдѣлена отъ части руки св. Кирилла, хранящейся въ Пражскомъ соборѣ, частица для моравской митрополіи, гдѣ святый Меѳодій святилъ церковь (въ Брнѣ), и въ то же самое время канон. Пешиною, въ присутствіи Ганки, Шафарика,

---

[1]) Тамъ же, 100.

[2]) И. С. вмѣстѣ съ А. С. Хомяковымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ и всѣми славянофилами отстаивалъ необходимость для Россіи оставаться вѣрной народнымъ, самобытнымъ началамъ. Онъ со всей своей энергіей возставалъ противъ облеченія Россіи въ «обноски Европы». См. рѣчь его въ Спб. Слав. общ. 22 Марта 1881 г., сказанную по поводу убіенія Имп. Александра II. См. 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. общ., стр. 665—668.

Колара, отдѣлена была, по усиленной просьбѣ, еще частица М. П. Погодину, который на ту пору случился въ Прагѣ. Канон. Пешина выдалъ свидѣтельство на латинскомъ языкѣ. Это приношеніе «послужило напоминаніемъ забытаго—дорогого, хотя и невольно забытаго» [1]).

Прошло съ тѣхъ поръ шесть лѣтъ, и вотъ въ тиши кабинета епископъ смоленскій Антоній обратился къ оберъ-прокурору Св. Синода гр. Толстому съ слѣдующимъ отношеніемъ: «Память славянскихъ апостоловъ, Кирилла и Меѳодія, которымъ славянскіе народы обязаны просвѣщеніемъ, вѣрою Христовою и переводомъ на родной ихъ языкъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ,—положена въ церкви православной 11 мая; но, къ сожалѣнію, память сія вовсе не чтится подобающимъ образомъ, потому что въ мѣсячной минеѣ нашей нѣтъ вовсе службы симъ приснопамятнымъ мужамъ, и въ мѣсяцесловѣ нѣтъ даже ни тропаря, ни кондака. Древность была благодарнѣе къ просвѣтителямъ славянъ, и память ихъ чтилась особыми службами [2]), но, не вошедши, къ удивленію, въ свое время въ составъ минеи, при первомъ изданіи ея въ печати, службы сіи сохранились не вполнѣ и не въ удовлетворительномъ видѣ. Въ одной изъ рукописей Московской синодальной библіотеки находится подъ 14 февр. неполная служба одному св. Кириллу, а подъ 6 апрѣля одинъ канонъ обоимъ святымъ. На греческомъ языкѣ отыскана служба, но не имъ однимъ, а совмѣстно съ другими пятью преемниками ихъ (св. седмичисленникамъ). Въ Болгаріи и Сербіи, куда относился я, тогда не оказалось службы просвѣтителямъ славянъ, по той, вѣроятно, причинѣ, что у нихъ употребляются съ давнихъ временъ минеи нашей печати».

При этомъ письмѣ епископъ Антоній представляетъ составленную имъ вновь службу апостоламъ славянскимъ для разсмотрѣнія Св. Синодомъ и, въ случаѣ признанія ея удовлетворительною, для напечатанія въ Синодальной типографіи и разсылки по церквамъ и для внесенія въ мѣсячные минеи подъ 11 мая, при новомъ ихъ изданіи, дабы служба могла быть отправляема въ означенное число какъ у насъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ. «Такъ какъ въ слѣдующемъ 1862 г. — пишетъ далѣе епископъ Антоній—будетъ праздноваться у насъ тысячелѣтіе Россіи, а славянскіе народы собираются праздновать тысячелѣтіе просвѣщенія

---

[1]) Соч. И. С. Аксакова, т. I. Газ. «День». 11 Мая 1862 г.

[2]) «Съ достовѣрностью неизвѣстно, когда именно прекратилось на Руси празднованіе тѣхъ, кому обязанъ славянскій міръ величайшимъ своимъ духовнымъ сокровищемъ: въ минеяхъ XII в. еще встрѣчаются отдѣльныя службы св. Кириллу съ особымъ канономъ, но въ позднѣйшее время—хотя имена ихъ и упоминаются въ святцахъ—русская церковь уже не дѣлала относительно ихъ никакого отличія отъ прочихъ святыхъ угодниковъ, для которыхъ не существуетъ особаго празднованія».

своего чрезъ св. Кирилла и Меѳодія свѣтомъ Евангелія и изобрѣтеніе ими славянскихъ письменъ, то изданіе представляемой службы славянскимъ апостоламъ могло-бы быть, по моему мнѣнію, особенно прилично сему знаменательному времени».

По разсмотрѣніи всѣми подлежащими духовными учрежденіяии и лицами (въ томъ числѣ и митрополитомъ московскимъ Филаретомъ) составленной епископомъ Антоніемъ службы св. Кириллу и Меѳодію, указомъ Св. Синода отъ 12 марта 1863 г. постановлено сдѣлать распоряженіе объ отпечатаніи ея на счетъ суммъ Хозяйственнаго Управленія Св. Синода въ 35 т. экз. Эта же служба, исправленная преосв. тверскимъ Филоѳеемъ и могилев. Евсевіемъ, а также митр. сербскимъ Михаиломъ, была отпечатана въ Бѣлградѣ въ 1862 г. Но при этой службѣ не было акаѳиста. Дѣло объ акаѳистѣ св. просвѣтителямъ славянскимъ возникло въ 1885 г. 10 апр., по случаю составленія таковаго студентомъ IV курса С.-Пет. дух. академіи, А. Храповицкимъ [1]). По разсмотрѣніи его духовнымъ цензоромъ, по благословенію Св. Синода, было напечатано первое изданіе акаѳиста св. Кириллу и Меѳодію [2]).

Между тѣмъ, уже 11 мая 1862 г. въ церкви московскаго университета, по ходатайству членовъ Славянскаго комитета, учрежденнаго въ 1859 г. съ цѣлью содѣйствовать духовному возрожденью славянъ, совершено было торжественное богослуженіе съ молебномъ въ память святыхъ первоучителей и апостоловъ славянскихъ, въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ. Какъ ни скромно было торжество 11 мая, оно было выраженіемъ не одной пробудившейся поздней признательности къ творцамъ славянской письменности, но и возникшей въ нашемъ общественномъ сознаніи идеи славянства.

Праздничное богослуженіе 11 мая въ университетской церкви совершено было въ присутствіи многихъ профессоровъ, ученыхъ и вообще тѣхъ, кто сочувствовалъ торжеству.

«Нельзя было, говоритъ И. С—чъ въ своей газ. «День» [3]), безъ особаго умиленія слышать молитвенное возглашеніе пѣсенъ св. славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, или внимать Слову Божію, возвѣщенному ими же словомъ славянскимъ. Раздавались тѣ же рѣчи, какія сложены были ими за десять вѣковъ передъ тѣмъ; читались книги, напечатанныя тѣми же письменами, какими начертаны были за тысячу лѣтъ. По кириллицѣ—дѣлу Кирилла и Меѳодія—благодарили предстоявшіе Кирилла и Меѳодія, просвѣти-

[1]) Нынѣ архіепископъ Волынскій.

[2]) Православные русскіе акаѳисты. Исторія ихъ происхожденія и цензуры, особенности содержанія и построенія. Церковно-литер. изслѣдованіе А. Попова. Казань. 1903, стр. 358—362.

[3]) 11 мая 1862 г.

телей и молитвенниковъ славянскаго міра. Особенное молитвенное движеніе выказалось въ тѣ минуты, когда пѣвчіе запѣли—частью заимствованныя изъ древней рукописной минеи XII в., частью вновь составленныя пѣсни: «Наста день свѣтлыя памяти св. первоучителей славянскія земли, св. К. и М., иже любовію Христовою распаляеми и духомъ истины просвѣщаеми, слово Евангелія усты и письмены древнему роду нашему благовѣстиша, отнюду же и мы разумнѣ обрѣтохомъ божественное вѣры Христовой сокровище. Тѣмъ же благодарнѣ память учителей и святителей празднующе, тѣми молимся: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, даждь, да вси связуеми единою вѣрою и любовію Сына Твоего во единомъ языцѣ и во всѣхъ языцѣхъ едино будемъ въ Тебѣ, яко же Сынъ Твой въ Тебѣ и Ты въ Немъ, да совершени будемъ во едино».

После богослуженія, тутъ же въ церкви, по предложенію одного изъ предстоявшихъ, открыта была подписка на сооруженіе иконы св. Кирилла и Меѳодія для университетской церкви, и собрано 300 р.

«Но неужели только иконой и окончится дѣло»? спрашиваетъ И. С—чъ и напоминаетъ о крайней необходимости давать славянамъ, находящимся подъ игомъ турецкимъ, средства къ просвѣщенію.

Но не въ одной университетской церкви, но и въ храмѣ московской духовной семинаріи въ тотъ же самый день, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, была праздновава память св. первоучителей славянскихъ молебномъ. Такимъ образомъ, было положено начало празднованія памяти св. братьевъ въ Россіи.

«Въ это время, въ 1862 г., на Сербію были обращены взоры всѣхъ славянскихъ племенъ, стонавшихъ подъ игомъ турецкимъ. Народъ юнаковъ въ полномъ вооруженіи, въ страстномъ напряженіи силъ, ждетъ мановенія своего князя (Михаила Обреновича) къ открытому возстанію и къ рѣшительной битвѣ... Турція готовится къ отчаянной защитѣ. Въ Болгаріи положеніе дѣлъ невыносимо. И вотъ, покуда правительство Сербіи недоумѣваетъ, ожидая рѣшенія европейской дипломатіи, покуда прочіе славяне страдаютъ, ждутъ и еще продолжаютъ смиряться, черногорцы одни принимаютъ на себя всю тяжесть убійственной кровопролитной войны съ громадными оттоманскими полчищами, и безъ помощи, безъ снарядовъ совершаютъ истинно изумительные подвиги мужества и терпѣнія. Только ненавистью латино-германскаго міра къ міру славянскому можно объяснить холодное равнодушіе Европы къ подвигамъ мученичества православныхъ христіанъ Востока, отстаивающихъ свою вѣру и независимость противъ магометанскаго варварства и тираніи... И такъ, на одномъ краю уже пылаетъ война, и зарево пожара готово обнять все православное славянское хри-

стіанство. Турки предаются дикой мести, жгутъ, грабятъ, рѣжутъ, срамятъ дѣтей, безчестятъ женъ и дѣвицъ. Наши единовѣрцы и единоплеменники, поднявшіе знамя борьбы за православную церковь и за избавленіе отъ магометанскаго ига, истекаютъ кровью, не видя ни откуда ни помощи, ни ободренія. Поля ихъ раззорены, да и некогда ихъ обрабатывать, — припасы и снаряды истощены, имъ грозитъ голодъ, и въ случаѣ пораженія еще худшее рабство... Мы-ли не христіане, мы-ли не православные, не русскіе, не славяне? Забудемъ-ли мы свои обязанности духовнаго и кровнаго родства?!..» такъ гремитъ съ своей каѳедры («День») Иванъ Сергѣевичъ и возбуждаетъ въ русскомъ обществѣ и народѣ славянское самосознаніе. Открыта была въ разныхъ редакціяхъ подписка въ пользу бѣдствующихъ православныхъ славянъ.

Еще за годъ передъ тѣмъ И. С—чъ писалъ въ «Днѣ»: «Кромѣ Россіи, вездѣ славянскую народность гнетутъ или нѣмцы, или турки. По мѣрѣ возрастанія политическаго могущества Россіи, возраждалась въ порабощенныхъ племенахъ надежда на избавленіе отъ позорнаго ярма и чувство славянской народности. Освободить изъ подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго и, пожалуй, политическаго бытія, подъ сѣнію могущественныхъ крылъ русскаго орла — вотъ историческое призваніе, *нравственное право и обязанность Россіи*. Но сознаемъ-ли мы и сознаютъ-ли славяне наше призваніе и наше право? Куда обратятъ свои взоры пробуждающіеся славянскіе народы? Вопросъ, казалось бы, совершенно излишній, въ виду существующаго у славянъ сочувствія къ намъ; но дѣло въ томъ, что сочувствіе поддерживается сочувствіемъ взаимнымъ,—дѣло въ томъ, что сочувствіе до сихъ поръ опиралось на естественное чувство славянскихъ народовъ, не справлявшееся съ дипломатическими лѣтописями и не искушавшееся соблазнами блестящей цивилизаціи Запада. Теперь наступаетъ пора другая. Теперь сочувствіе къ Россіи ищетъ себѣ другой, болѣе разумной основы и, переходя изъ области естественнаго чувства въ область сознанія, подвергаетъ повѣркѣ и оцѣнкѣ нашу собственную вѣрность славянскимъ началамъ. Мы знаемъ, что такъ называемые интеллигентные классы у славянъ восточныхъ, пораженные невѣжествомъ, равнодушіемъ, молчаніемъ нашего общества и нашей журналистики, не находя себѣ въ послѣдней никакой опоры, никакого оружія противу лжи, которую въ извѣстной мѣрѣ содержитъ въ себѣ западное просвѣщеніе, мало-по-малу отворачиваются отъ насъ, своихъ старѣйшихъ братій. Безсильные устоять на собственныхъ ногахъ, они хватаются, въ своей слабости, за духовную (въ обширномъ смыслѣ этого слова) помощь западныхъ народовъ, исконныхъ враговъ славянскаго міра.

Народныя начала крѣпки не однимъ воплощающимъ ихъ въ себѣ бытомъ, но еще болѣе яснымъ сознаніемъ. Гдѣ же быть этому сознанію, какъ не въ единоплеменной и единовѣрной Россіи, богатой горькимъ и долголѣтнимъ историческимъ опытомъ? Но напрасно стали бы славяне домогаться этого сознанія отъ русской журналистики! Русская журналистика и русская публика горячатся изо всѣхъ силъ по поводу единства Италіи... и нисколько не интересуется славянами«. (1 окт. 1861 г. «День»). Въ другомъ мѣстѣ этой же статьи И. С. пишетъ: «Мы, какъ русскіе, должны были бы свято помнить и сознавать свой нравственный *долгъ, свои обязанности* относительно нашихъ страждущихъ братьевъ, *повинность, налагаемую на насъ исторіей*. Но мы не вѣримъ своему призванію!» Въ народѣ и купечествѣ причину недостатка сочувствія И. С—чъ объясняетъ однимъ незнаніемъ. «И не они виноваты въ этомъ незнаніи. Но общество наше — говоритъ далѣе И. С., — ему извиненія нѣтъ! Равнодушіе къ славянамъ — это симптомъ того же общаго недуга, который давно разлагаетъ мало-по-малу наше общественное тѣло. Не можетъ быть сочувствія къ славянской народности тамъ, гдѣ есть отчужденіе отъ собственной народности, явное къ ней равнодушіе и полный разрывъ со всѣми историческими преданіями своего народа!»

И. С—чъ настаиваетъ на необходимости широко поставить дѣло воспитанія молодыхъ болгаръ въ Россіи. «Жажда просвѣщенія возбуждена въ болгарахъ съ неимовѣрною силою: іезуиты пользуются этимъ и доставляютъ имъ всѣ способы ѣхать въ Парижъ и другіе города Европы, въ полной увѣренности, что воспитанные во Франціи или Германіи болгары разъединятся духовно съ Россіей, а, слѣдовательно, и съ своей народностью. И они не ошибаются. Недавно въ Парижѣ учредилось цѣлое общество [1]) съ цѣлію распространенія въ Болгаріи католичества, или, по крайней мѣрѣ, уніи. Это общество, въ короткое время, пріобрѣло огромныя средства, такъ что тягаться съ нимъ больному, лѣнивому умомъ и душою русскому обществу было бы невозможно, если бы народъ болгарскій самъ не держался крѣпко православія, единственнаго оплота своей народности. Однако же и тамъ отдѣльные члены отпадаютъ одинъ за другимъ, и во многихъ болгарахъ, воспитанныхъ заграницей, замѣчается шаткость вѣры и вѣрности своему народу. Что такое наши 12—15 болгаръ, учащихся въ Москвѣ, противъ нѣсколькихъ сотъ болгаръ, слушающихъ лекціи въ германскихъ и французскихъ

---

[1]) Учредителемъ этого общества былъ извѣстный В. Терлецкій, русскій военный врачъ, бѣжавшій въ 1831 г. изъ Дубна и участвовавшій въ польскомъ возстаніи. Позже онъ поступилъ въ Римѣ въ духовную коллегію и принялъ монашество. Подъ конецъ жизни онъ возвратился въ Россію, гдѣ и умеръ.

университетахъ и коллегіяхъ? Между тѣмъ, несомнѣнно, что болгаринъ, воспитывающійся здѣсь, въ Россіи, какъ бы плохо его ни учили, не утрачиваетъ своей народности, не перестаетъ быть болгариномъ, и сохраняетъ или даже пріобрѣтаетъ возможность явиться полезнымъ слугою своей родины».

Наступилъ 1863 годъ, а съ нимъ и польское возстаніе. Мы знаемъ уже, какъ относился къ этому возстанію И. С—чъ и какъ проснулось, наконецъ, русское самосознаніе въ нашемъ обществѣ. Но 1863 г. былъ также юбилейнымъ Кирилло-Меѳодіевскимъ годомъ для славянскаго міра. Западное славянство готовилось праздновать тысячелѣтіе прибытія солунскихъ братьевъ въ Велеградъ [1]).

И такъ, въ Россіи впервые вспомнили о необходимости чествовать память славянскихъ первоучителей. Но первое торжественное чествованіе памяти святыхъ братьевъ совершилось не въ Россіи Въ той маленькой странѣ, гдѣ послѣ вѣкового забвенія прежде другихъ воскресла память св. братьевъ въ поэмѣ Голаго, откуда раздался первый призывъ славянъ къ единенію въ пламенномъ словѣ Л. Штура,—въ Словачинѣ же совершилось въ 1863 г. и первое церковно-народное торжество въ память тысячелѣтія крещенія словаковъ св. братьями. Великій словенскій патріотъ, баньско-быстрицскій епископъ, Стеф. Мойсесъ былъ иниціаторомъ этого торжества. И если ему и не удалось сдѣлать его всенароднымъ, по всей Словачинѣ, такъ какъ онъ не встрѣтилъ сочувствія со стороны Остригомскаго архіепископа, тѣмъ не менѣе въ то время, какъ, по словамъ біографа еп. Мойсеса [2]), «Нитра молчала, заговорили словенскія села». Мойсесъ издалъ во всѣ приходы своей епархіи циркуляръ, чтобы во всѣхъ храмахъ совершена была торжественная служба 14 и 15 марта и произнесено слово о жизни и дѣятельности св. братьевъ. Особенно торжественно было празднованіе 31 мая въ Сеницахъ, куда стеклись тысячи народа къ единственному

---

[1]) Къ тысячелѣтію годовщины пришествія св. К. и М. въ Моравію, въ базиликѣ св. Климента въ Римѣ искали останки св. Кирилла, о которыхъ было извѣстно, что они были здѣсь положены въ мраморномъ гробѣ, перенесенномъ изъ древней базилики св. Климента во вновь сооруженную базилику (въ нач. XII в.). Хотя главная цѣль поисковъ не была достигнута, но былъ достигнутъ другой важный результатъ: подъ фундаментомъ новой базилики были открыты развалины первоначальной, гдѣ въ числѣ останковъ отъ старой базилики найдены напр. изображенія, которыя ставятся въ тѣсную связь съ обоими славянскими апостолами: одно напр. изображаетъ перенесеніе мощей св. Климента изъ Ватикана въ церковь св. Климента, другое—св. Кирилла, который получаетъ отъ импер. Михаила порученіе итти на проповѣдь въ Моравію, третье представляетъ Меѳодія крестящимъ черезъ погруженіе одного славянина, и проч. Основанія для сближенія этихъ изображеній съ житіемъ св. Кирилла и Меѳодія заключается въ слѣдующемъ разсказѣ житія Кирилла. Когда въ 869 г. скончался св. Кириллъ и былъ похороненъ въ базиликѣ св. Климента, то надъ саркофагомъ былъ написанъ образъ его, который изъ всѣхъ самый важный.

[2]) Св. Гурбана-Ваянскаго.

въ краѣ храму имени св. Кирилла и Меѳодія. Богослуженіе совершалъ самъ епископъ при самой торжественной обстановкѣ. Но для насъ, православныхъ, важнѣе всего то, что за литургіей на клиросѣ раздавалось славянское «Господи помилуй насъ»! и древлеславянскій «Отче нашъ», отпечатанный для народа въ тысячахъ эземпляровъ. Примѣръ епископа Мойсеса не остался безъ послѣдователей. Спишская епархія праздновала повсемѣстно съ 5 по 12 іюля, изъ Остригома шли толпами къ Велеграду [1]). Прекрасное торжество состоялось въ центральной пештянской семинаріи и въ другихъ мѣстахъ.

Громадное вліяніе имѣли на католическую литературу того времени слова епископа Мойсеса въ архипастырскомъ посланіи къ своему духовенству: «Напоминайте и учите народъ въ проповѣдяхъ, чтобы благодарилъ Бога за благодѣяніе, оказанное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ всей христіанской церкви, странѣ угорской и всему славянству».

«Такъ привелъ епископъ-патріотъ въ движеніе словенскіе умы среди окружавшихъ ихъ опасностей»—говоритъ біографъ Мойсеса. И, конечно, Мойсесово дѣло на Словачинѣ не пропадетъ для будущаго времени: «Дѣвица спитъ, но она проснется».

Наступила очередь и для Россіи. Годъ 1863 былъ для нея тяжкимъ годомъ польскаго возстанія; думать о какихъ-либо торжествахъ нечего было. Но въ этомъ же году зародилась въ Москвѣ мысль устроить тамъ въ 1876 г. этнографическую выставку съ отдѣломъ славянскимъ. Въ Петербургѣ небольшой кружокъ членовъ Московскаго Славянскаго благотворительнаго комитета занялся устройствомъ достойнаго пріема славянскихъ гостей.

«И вотъ, 8 Мая 1867 г., особый поѣздъ Варш. ж. д. привезъ въ Петербургъ 60 славянскихъ гостей, представителей всѣхъ славянскихъ народностей. На всемъ пути отъ первой пограничной станціи до Петербурга русское общество встрѣчало ихъ съ непритворной радостью, съ истинно-братскимъ привѣтомъ. Нечего говорить о томъ чувствѣ, съ которымъ въѣзжали въ русскую столицу, обласканные дѣтьми великой Россіи, они, униженные и оскорбленные у себя дома за то только, что они хотятъ оставаться славянами. 11 Мая въ Исаакіевскомъ соборѣ происходило торжественное архіерейское служеніе. Здѣсь было необычайнымъ то, что среди толпы молящихся русскихъ можно было видѣть не только православныхъ сербовъ и болгаръ, но и католиковъ и протестантовъ:

---

[1]) Предъ юбилейнымъ годомъ, архіеп. Оломуцкій Фридрихъ Фюрстенбергскій вспомнилъ «Кириллку», и она была возобновлена. Алтарь отличался замѣчательной рѣзьбой. Заалтарный образъ изображаетъ поклоненіе волхвовъ, по сторонамъ—изображенія св. апостоловъ.

хорватовъ, словаковъ, словинцевъ, чеховъ, моравань, сербовъ-лужичанъ и одного представителя ляшской вѣтви. Въ числѣ католиковъ было нѣсколько патеровъ.

Многіе изъ этихъ славянскихъ иновѣрцевъ въ первый разъ въ жизни присутствовали на такомъ торжествѣ православнаго славянскаго богослуженія. И, конечно, то была великая историческая минута—это единственное присутствіе представителей всѣхъ славянскихъ народностей на торжественномъ богослуженіи въ память первыхъ объединителей и просвѣтителей славянскаго міра, совершавшееся въ каѳедральномъ соборѣ столицы великой православной славянской державы, резиденціи единственнаго въ свѣтѣ православнаго Царя и славянскаго Государя, превосходящаго своимъ могуществомъ всѣхъ когда-либо бывшихъ въ тысячелѣтней исторіи славянъ самыхъ сильныхъ государей. Въ этой тысячелѣтней исторіи съ кончины перваго славянскаго святителя архіеп. Меѳодія ни одно православное славянское богослуженіе на славянскомъ языкѣ не собирало еще представителей всѣхъ славянскихъ народностей безъ исключенія. Понятно, что всѣ присутствовавшіе въ Исаакіевскомъ соборѣ 11 Мая 1867 г. особенно сильно и глубоко были потрясены словами Евангелія: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь».

«Вечеромъ того же дня великолѣпный залъ дворянскаго собранія представлялъ никогда въ немъ небывалое и пока неповторявшееся зрѣлище. Въ немъ происходитъ пиръ и праздникъ, никогда невиданный на Руси со временъ кіевскаго, до-монгольскаго періода, когда на пирахъ нашихъ удалыхъ и веселыхъ князей зачастую бывали болгары, сербы, поляки и другіе славянскіе гости изъ Угріи, Чехіи и Моравіи. Залитая огнями палата была живописно украшена знаменами и гербами всѣхъ славянскихъ земель, съ наименованіемъ знаменитѣйшихъ историческихъ представителей всѣхъ славянскихъ народностей безъ исключенія. Въ продолженіе обѣда, въ честь гостей славянскихъ, игрались и пѣлись исключительно славянскія пьесы и пѣсни. Въ первый разъ въ Россіи, на публичномъ торжественномъ собраніи, произносились рѣчи на разныхъ славянскихъ языкахъ объ единеніи и духовныхъ связяхъ славянъ, все при ихъ мѣстномъ и историческомъ разнообразіи,—о высокомъ славянскомъ призваніи Россіи, имѣющей возстановить падшихъ, укрѣпить слабыхъ, собрать раздѣленныхъ. Этотъ пиръ братства тогда же былъ названъ «первымъ славянскимъ съѣздомъ въ Россіи». Подъ широкимъ развѣвавшимся надъ каѳедрой знаменемъ Кирилла и Меѳодія, громко было высказано пожеланіе: «Да развивается наше славянское самосознаніе и

взаимное общеніе русскаго народа съ его славянскими братьями, да растетъ и крѣпнетъ славяно-русскій союзъ»!

14 Мая суждено было узрѣть невиданное и небывалое, немыслимое и невозможное никогда прежде въ лѣтописяхъ славянства историческое явленіе: представители всѣхъ славянскихъ народностей имѣли счастье представляться въ Царскомъ Селѣ Государю и Его Августѣйшему семейству и услышать изъ устъ русскаго Царя слѣдующія достопамятныя слова: «Здравствуйте, господа! Я радъ видѣть васъ, славянскихъ братьевъ, на родной славянской землѣ. Надѣюсь, вы останетесь довольны пріемомъ какъ здѣсь, такъ и особенно въ Москвѣ. До свиданія!»

Эти царскія слова произвели въ славянахъ восторгъ неописуемый. Переданныя по телеграфу, они пронеслись по всѣму широкому раздолью и проникли во всѣ углы и закоулки славянскаго міра, исполнивъ эти загнанныя и подавленныя народности, эту райю и паріевъ Европы, самыми трепетными ожиданіями и радостными надеждами. Этотъ ласковый привѣтъ русскаго царя, представителя славянства, придалъ ему много силъ, влилъ въ него новую жизнь: труженики, усталые и утомленные безъисходною, казалось, борьбою, вялые и малодушные дѣятели—всѣ теперь дружно и весело принялись—одни за брошенную было, другіе—за слабо начатую работу.

«Какъ бы ни старались умалить значеніе славянскаго съѣзда въ Россіи, но справедливость требуетъ признать за нимъ большое вліяніе на русское общество и на славянъ западныхъ. Въ Европѣ тогда же, въ разныхъ ея краяхъ, было замѣчено, что славянство охвачено тѣмъ же чаяніемъ великихъ готовящихся судебъ и тѣмъ же стремленіемъ къ единству, которое не за долго передъ тѣмъ преобразило внѣшній видъ Италіи и Германіи. Никогда въ такой степени, какъ съ этихъ поръ, не изучались русскій языкъ и литература въ земляхъ славянскихъ. Число славянскихъ переселенцевъ въ Россіи (преимущественно чеховъ) значительно съ той поры умножилось, какъ видимо увеличивалось число русскихъ путешественниковъ, туристовъ въ земли славянскія. Крѣпче завязались частныя дружескія связи и общія между русскими и всѣми славянами. Въ русской литературѣ съ небывалой прежде откровенностью, искренностью и знаніемъ дѣла стали появляться сужденія и толки о вопросахъ славянскомъ и восточномъ» [1]). Наконецъ, съ 14 февраля 1869 г. возстановлено чествованіе памяти св. Кирилла, въ этотъ день, день кончины св. Кирилла, и

---

[1]) В. И. Ламанскій, Рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи Спб. Слав. Благ. Общ. 11 Мая 1877 г.—См. «15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благ. Общ.». 450—454.

съ этихъ поръ Слав. благот. комитеты устраиваютъ ежегодно въ этотъ день: утромъ торжественное богослуженіе, вечеромъ торжественныя собранія.—Славянскіе благотворительные комитеты или общества усердно работаютъ и служатъ проводниками для распространенія свѣдѣній о славянахъ; русскій народъ и общество (средній кругъ; высшіе слои, за рѣдкимъ исключеніемъ, остаются чужды этому движенію) знакомятся съ славянскимъ вопросомъ, и становится возможнымъ и понятнымъ тотъ необычайный національный подъемъ духа, охватившій весь народъ снизу до верху, до самого Царя, когда, въ 1877 г., весь русскій народъ неудержимо двинулся на освобожденіе своихъ славянскихъ братьевъ. Мы сознали себя, наконецъ, славянами!

Какъ относился И. С—чъ къ славянскому съѣзду въ Москвѣ? Вотъ что писалъ онъ по этому поводу въ своей газетѣ «Москва» 1-го іюля: «Самаго главнаго, самаго важнаго результата славянскаго съѣзда надо искать—въ самой Россіи. Величайшимъ, благимъ послѣдствіемъ посѣщенія насъ славянами было то, что славянскій вопросъ въ самой Россіи перешелъ въ общественное вѣдѣніе и сознаніе, изъ отвлеченнаго сталъ дѣйствительнымъ, реальнымъ, изъ области книжной спустился въ жизнь. А этого только недоставало славянскому вопросу, чтобы сдѣлаться живой силой, перестать быть вопросомъ и стать дѣломъ. Отнынѣ онъ не есть только достояніе ученыхъ и литераторовъ или только одной школы славянофиловъ, а всего русскаго общества. Интересъ славянскій сталъ теперь близкимъ интересомъ каждаго *русскаго*. Признаніе всеславянскаго братства было произнесено, и съ высоты престола (что составляетъ величайшую честь и славу нынѣшняго царствованія), и въ тѣхъ низшихъ слояхъ общества, которые доселѣ были ему совершенно чужды. Тридцать тысячъ народа, напримѣръ, облегавшихъ павильонъ, гдѣ давался Москвою пиръ на весь міръ славянскій въ лицѣ его представителей, и привѣтствовавшихъ вынесенную къ нимъ хоругвь съ изображеніемъ св. Кирилла и Меѳодія, пріобщились разомъ къ познанію своего кровнаго и духовнаго братства съ славянами. Съ этой точки зрѣнія представляется особенно знаменательнымъ и праздникъ, данный славянскимъ гостямъ московскимъ купечествомъ. Русское купеческое сословіе стоитъ по преимуществу на почвѣ практической. Оно не легко поддается обманамъ и призракамъ. Его составляютъ не мечтатели, а люди дѣла. Оно обладаетъ способностью и силою прилагать теорію къ жизни и обращать въ положительное дѣйствіе отвлеченныя умозрѣнія и вопросы. Его сочувствіе—если оно однажды пріобрѣтено—прочнѣе и надежнѣе всякаго иного сочувствія. Оно, по самому роду своихъ занятій и по своему общест-

венному положенію, ближе къ народу, чѣмъ прочія власти. Оно искони причислялось къ земщинѣ. Здѣсь мы уже слышимъ прибой народной волны,—за нимъ уже начинается океанъ народный. А въ Россіи только то дѣло и имѣетъ историческую будущность, которое пускаетъ корни въ народное сознаніе, которое приметъ и возложитъ на свои плечи русскій народъ».

«Да — говоритъ далѣе И. С—чъ — главнѣйшая задача славянскаго міра вся теперь въ томъ, чтобы Россія поняла себя какъ его средоточіе и познала свое славянское призваніе. Въ этомъ одномъ все. Въ этомъ вся будущность и Россіи, и всѣхъ славянскихъ племенъ. *Какъ Россія немыслима внѣ славянскаго міра, ибо она есть его главнѣйшее выраженіе и вещественно, и духовно такъ и славянскій міръ немыслимъ безъ Россіи. Вся сила славянъ въ Россіи, вся сила Россіи — въ ея славянствѣ* (въ этомъ смыслъ ея бытія, прибавимъ мы). Но если и самой природой, и исторіей суждено Россіи быть центромъ тяжести всего славянскаго міра, то необходимо, чтобы она была имъ и въ сознаніи. Необходимо, чтобы сама Россія вполнѣ уразумѣла тотъ долгъ, который на нее налагаетъ ея значеніе, какъ представительницы славянства, какъ носительницы славянскаго знамени, а разъ сознавъ этотъ долгъ, она сумѣетъ и совершить его.

Въ этомъ отношеніи славянскій съѣздъ далъ такой результатъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ другіе результаты, равно какъ и всѣ прочія заботы о сдѣлкахъ и соглашеніяхъ съ славянами, являются второстепенными. Силы, силы нравственной прибыло разомъ и намъ, и имъ,—и Россіи, и всему славянству. Пусть только Россія, повторяемъ мы, разовьетъ въ себѣ славянское самосознаніе, — остальное придетъ само собою, остальное приложится».

Насталъ 1869 г., тысячелѣтіе со дня кончины св. Кирилла, и съ этого года возобновилось чествованіе памяти св. просвѣтителя славянскаго въ день его кончины, 14 февраля [1]). Къ этому времени уже существовалъ Петербургскій отдѣлъ Моск. Слав. комитета, будущее Спб. Слав. благот. общ—о. И. С. Аксаковъ продолжаетъ гремѣть въ своихъ статьяхъ, продолжаетъ развивать и

---

[1]) Въ старыхъ рукописяхъ находятся несомнѣнные слѣды того, что нѣкогда славянскіе народы праздновали торжественнымъ богослуженіемъ, въ день 14 фев., память св. просвѣтителя; но это было въ то время, когда была еще жива между славянами память объ ихъ первоначальномъ единствѣ и объ ихъ крещеніи солунскими братьями. Память эта исчезла изъ народнаго преданія, и уже нѣсколько столѣтій праздникъ 14 фев. оставался погребеннымъ въ святцахъ. Недавно еще память о св. Кириллѣ и Меѳодіи хранилась въ жизни нѣсколькихъ деревень Моравіи, да въ такихъ книгахъ, которыхъ никто не читаетъ... Праздникъ 14 февр. въ Россіи воскрешенъ Петерб. Слав. Общ. (см. рѣчь А. Ѳ. Гильфердинга 14 февр. 1870 г. 15-го лѣтіе существ. СПБ. Слав. Бл. Общ., стр. 47).

воспитывать въ русскомъ обществѣ славянское самосознаніе [1]). А между тѣмъ, «мѣра долготерпѣнія переполнилась и для самыхъ покорныхъ, самыхъ безотвѣтныхъ доселѣ подданныхъ турецкаго султана, для самой миролюбивой и трудолюбивой славянской народности. Встаетъ болгарское племя. Не подъ силу, наконецъ, стало болгарамъ гнуть выи въ постыдномъ турецкомъ ярмѣ, задыхаться подъ тяжелою, вѣками наслоенною толщей позора и срама. Четыреста лѣтъ рабства, раззоренія, униженія,—четыреста лѣтъ самаго дикаго произвола, самыхъ неистовыхъ истязаній выносили и перемогли мирные земледѣльцы, не измѣнивъ ни вѣрѣ, ни народности, и теперь подвиглись на послѣдній, рѣшительный бой».

Но еще не пробилъ часъ освобожденія... Началась работа европейской дипломатіи.... Наконецъ, 30 октября 1876 г. въ Кремлѣ, среди святынь и древностей московскихъ, Русскій Царь вступилъ въ общеніе съ своимъ народомъ, «въ общеніе духа съ его прошлыми и грядущими судьбами и держалъ къ нему рѣчь, навѣки врѣзавшуюся въ народную память. Самодержавный Царь явилъ Себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенію, которымъ ознаменовалъ себя прошлымъ лѣтомъ Его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами славянства и вѣры. «Я знаю,— такъ всенародно возвѣстилъ царь,—что вся Россія вмѣстѣ со Мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію»... «Если Я увижу, — продолжалъ Государь,—что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно... Да поможетъ намъ Богъ—такъ заключилъ Государь свою рѣчь—исполнить *наше святое призваніе*!»

«Нѣтъ мгновеній возвышеннѣе тѣхъ,—восклицаетъ И. С.,— когда, внезапнымъ подъемомъ всенароднаго духа, вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ ней живою движущею силою и весь народъ послышитъ себя единымъ, цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствѣ, живымъ историческимъ организмомъ. Такую именно минуту пережили мы съ вами въ завѣтный день 30 октября, когда вся Русь, въ лицѣ Москвы, принимала отъ Царя Его мысль и слово, и устами Москвы же, въ ея отвѣтномъ адресѣ на благую вѣсть, выражала свою вѣру и страстное желаніе: «да прейдетъ слава Царя-Освободителя далеко за русскій рубежъ, во благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во благо человѣчеству, во славу истинѣ Божіей».

«Вторя Москвѣ, возликовала и заговорила вся русская область,

---

[1]) См. т. I Собранія его сочиненій.

и до сихъ поръ еще не перестаютъ доноситься изъ дальнихъ концовъ нашей земли запоздалые въ своей радости отголоски»...

«Эти слова Государя были наитіемъ историческаго духа. Онъ говорилъ, какъ преемникъ Ивана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочставшего его съ гербомъ Московскимъ,—какъ преемникъ Петра и Екатерины,—какъ вѣнчанный блюститель древнихъ преданій и непрерывавшагося историческаго завѣта».

«Отъ этихъ словъ не можетъ быть отреченія,—развѣ бы самъ русскій народъ отрекся себя и своего призванія и подписалъ бы себѣ смертный приговоръ»... (Рѣчь председателя Моск. Слав. комитета въ засѣданіи 6 марта 1877 г.). Прошелъ еще мѣсяцъ въ напряженномъ ожиданіи. Наконецъ, Высочайшимъ манифестомъ отъ 12 апрѣля 1877 г. объявлена война. «Вотъ онъ, наконецъ, мигъ, такъ давно желанный и призываемый, выстраданный милліонами сердецъ»! Такъ начинаетъ свою рѣчь И. С. въ засѣданіи Моск. Слав. благотв. ком. 17 апрѣля 1877 г.

«Не напрасна была наша вѣра въ «Кремлевское слово». Царское слово стало дѣломъ,—дѣло превзойдетъ слово. Подвигъ превысить мѣру смиренія; преизбыткомъ добра нарушится скромность задачи, въ величество непредугаданныхъ событій одѣнется мудровоздержная Царская рѣчь. Уже и теперь, по одному простому царскому призыву къ брани, чуждому горделивыхъ надеждъ и искусственныхъ возбужденій, великаномъ поднимается отзывчивое народное чувство,—въ самомъ дѣлѣ, будто Илья Муромецъ, отсидѣвъ сиднемъ, выпрямляется во весь свой ростъ. Неслыханное, необычайное совершается между нами. Какъ благовѣстъ, пронеслись по Россіи слова Государева манифеста, и будто въ праздникъ, радостно и молитвенно, осѣняя себя крестомъ, привѣтствуетъ ихъ Русь. Отчего же такъ свѣтелъ онъ при вѣсти о войнѣ, этотъ небраннолюбивый, мирный народъ»?..

«Совѣсть зоветъ и поднимаетъ его на брань; она-то творитъ это дивное священнодѣйствіе сердецъ, проявляющееся въ любви, самопожертвованіи, молитвѣ, на всемъ необъятномъ пространствѣ нашей земли. Эта война ея духу потребна... И вотъ, святая Русь выходитъ, ликуя, на кровавый пиръ, громко и смѣло исповѣдуя имя Божіе, къ удивленію мудрецовъ вѣка» [1])...

И двинулись наши полки къ Дунаю, за Дунай и за Балканы, беззавѣтно умирая за освобожденіе своихъ братьевъ.

Во время освободительной войны и послѣ нея выступаютъ наружу національныя стремленія славянъ. При вѣсти о побѣдахъ

---

[1]) См. т. I его Сочиненій. (Рѣчь 17 Апр. 1877 г. въ засѣданіи Моск. Слав. благот. комит.).

русскаго войска, всѣхъ австрійскихъ славянъ, за исключеніемъ поляковъ, охватываетъ воодушевленіе. Сила русскаго народа, заявившая о себѣ на поляхъ сраженій, ободряетъ славянскіе народы Австро-Венгріи; она вдохнула въ нихъ мужество отстаивать свои національныя права, особенно попираемыя со времени востановленія конституціи въ 1867 г. Жертвы, понесенныя русскимъ народомъ для освобожденія соплеменниковъ, подняли обаяніе Россіи среди австрійскихъ славянъ. Такое настроеніе славянъ не могло нравиться Австріи. Германія также относилась недоброжелательно къ славянскому движенію. Но усиленіе германизаціи было бы теперь дѣломъ неполитичнымъ. Германія, *дѣломъ которой было толкать Австрію на Востокъ, вытѣсняя оттуда вліяніе Россіи*, не могла совѣтовать этого Австріи, ибо тогда всѣ славянскіе народы Балканскаго полуострова могли-бы проникнуться недовѣріемъ къ австрійской политикѣ, а потому, въ руководящихъ сферахъ Австріи, возникаетъ мысль *до поры до времени* развивать въ племенахъ славянскихъ сознаніе національной индивидуальности. Литературная разрозненность славянъ должна была послужить политическимъ цѣлямъ Австріи, разъединяя славянъ, среди которыхъ уже распространялась идея о духовномъ единеніи славянскихъ народовъ. Отсюда является враждебное отношеніе австрійскаго правительства къ стремленію славянъ изучать русскій языкъ. Кромѣ литературной разрозненности, противники славянскаго движенія задумали употребить и католицизмъ, какъ средство отчужденія отъ Россіи.

Имя славянскихъ апостоловъ уже съ 1863 г. становится символомъ единенія славянъ, и вотъ латинскій Западъ рѣшается вырвать изъ рукъ православнаго Востока это знамя: папа Левъ XIII — вѣроятно, не безъ внушенія со стороны—приказываетъ (въ 1880 г.) чествовать св. Кирилла и Меѳодія, какъ католическихъ святыхъ. Такимъ образомъ, латинскій Западъ посягаетъ отнять у насъ нашихъ первоучителей и съ этой цѣлью старается доказать, что они исповѣдывали р.-католическую вѣру. 21 іюня 1881 г. Велеградскій храмъ Богородицы получаетъ отъ папы Льва XIII часть мощей св. Кирилла [1]).

Приближался юбилейный годъ тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія, и въ то время, какъ православно-восточное славянство, во главѣ съ Россіей, намѣрено было придать предстоящему торжеству 6 апрѣля 1885 г. характеръ преимущественно церковный, Ватиканъ задумалъ показать единство и силу католическаго

---

[1]) Есть извѣстіе, что еще въ XVI стол. гробъ св. Кирилла вскрывался. Тогда-то и была взята изъ гроба часть мощей, именно, правая рука святого. Въ концѣ XVI ст., по свидѣтельству рим. археолога Джіовани Батисти де Росси, гробъ св. Кирилла былъ опять положенъ въ древнюю, ему посвященную, каплицу (Popis Velehradskych pamatnosti. Jan Vychodil).

славянства и обратить Кирилло-Меѳодіевское торжество въ величественную и усиленную большимъ участіемъ политическихъ сферъ демонстрацію католическаго славянства противъ Россіи. Больше всѣхъ усердствовали поляки, эти «бойцы за европеизмъ», желая воспользоваться Кирилло-Меѳодіевскимъ торжествомъ для своихъ демонстративныхъ цѣлей противъ Россіи. Такъ отправленъ былъ изъ г. Познани папѣ адресъ: «Присутствующіе въ собраніи граждане г. Познани приносятъ его святости папѣ Льву XIII выраженіе своей дѣтской покорности и глубокой благодарности за то, что объявилъ юбилей св. Меѳодія и этимъ изволилъ показать свою великую милость къ схизматической восточной церкви и къ славянамъ вообще. Собраніе молитъ Бога, чтобы его святость дожилъ до той радостной минуты, когда всѣ славянскія церкви соединятся подъ непогрѣшимымъ римскимъ папою» [1]).

Но всѣ приготовленія оказались напрасными. Демонстрація не удалась. Вѣнское правительство запретило чествовать память славянскихъ первоучителей въ Велеградѣ, вѣнскому славянскому пѣвческому обществу не дозволено было спѣть славянскую литургію въ Велеградѣ,—опасались, кажется, усиленія славянофильства. Не явились въ Велеградъ и поляки. За то Кирилло-Меѳодіевское торжество совершилось въ Россіи съ небывалою торжественностью, особенно въ Петербургѣ, гдѣ въ церковномъ торжествѣ приняла участіе вся Императорская семья, присутствовавшая на богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ. И на это торжество откликнулось все славянство.

Но, видно, Кирилло-Меѳодіевское всеславянское знамя не даетъ спать нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Въ 1902 г., въ приложеніи къ газетѣ «Allgemeine Zeitung» №№ 163—164, появилась статья-памфлетъ берлинскаго проф. Брюкнера, происхожденіемъ поляка: «Die Wahrheit über die Slavenapostel und ihre Werke». Здѣсь уже просто св. апостолы славянскіе называются «шарлатанами». Отрицаніе всей дѣятельности славянскихъ первоучителей и ея культурныхъ плодовъ, презрительное отношеніе къ славянскому богослуженію и кириллицѣ, невѣроятно-грубый и пасквильный тонъ, проникающій всю эту статью,—переноситъ насъ за 1000 лѣтъ въ Зальцбургъ и Пасову и другіе латино-нѣмецкіе центры, откуда раздавались громы на солунскихъ братьевъ, откуда воздвигалось гоненіе на св. Меѳодія и его учениковъ. Тысячелѣтняя нѣмецкая

---

[1]) Съ этимъ адресомъ познанскихъ поляковъ связаны краковскія празднества въ 1884 г., на которыхъ присутствовали чешскіе «Соколы», и произносились рѣчи о славянскомъ единеніи, *но съ исключеніемъ Россіи*, какъ «варварской и славянству враждебной и опасной» (это послѣ освободительной войны-то, въ которой поляки сражались въ рядахъ турецкихъ противъ славянъ, боровшихся за свободу! Это-ли не славянскія братскія чувства!).

культура, основой которой послужило латинство, не смягчила ничѣмъ высокомѣрія нѣмецкаго духа, того высокомѣрія, которымъ проникнута была нѣмецко-баварская іерархія въ IX в., и которое чрезъ рядъ вѣковъ не только сохранилось, но и расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ на прусской почвѣ, въ типичномъ представителѣ нѣмецкой науки XX в., польско-нѣмецкомъ профессорѣ Брюкнерѣ. Въ немъ слилась многовѣковая ненависть и враждебность польская съ презрѣніемъ и ненавистью нѣмецкою къ славянству. Ученый мужъ, въ угоду латино-нѣмецко-польской политикѣ, является отрицателемъ всей свыше полувѣковой научной работы, не только русскихъ, но и западно-славянскихъ ученыхъ.

Надо сказать, что въ настоящее время Кирилло-Меѳодіевская научная литература весьма обширна: на долю Россіи приходится нѣсколько сотъ сочиненій. И работы эти не прекращаются. Еще въ 1903—1904 гг. нашъ маститый славистъ, академикъ В. И. Ламанскій, въ Ж. М. Н. П. высказалъ свои остроумныя соображенія по вопросу о крещеніи русскихъ славянъ св. апостолами славянскими, во время хозарской миссіи въ 860 и 861 гг., и сообщилъ новыя свѣдѣнія о сарацинской миссіи. (Въ своемъ мѣстѣ мы привели ихъ).

Начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія ученые обратились къ строго-критическому изслѣдованію самихъ первоисточниковъ. Таковы: сочиненія В. А. Бильбасова «К. и М. по документальнымъ даннымъ 1868 и — легендарнымъ 1871 гг.» (I и II вып.); А. Д. Воронова «Главнѣйшіе источники для исторіи св. К. и М.» (Кіевъ. 1877 г.); П. Мартынова «St. Méthode apôtre des Slaves, et les lettres des souverains pontifs, conservées au Britisch Museum» 1880 г. Папскія посланія, найденныя въ британскомъ музеѣ, между которыми значительная часть относится къ эпохѣ Меѳодія и прямо касается его жизни и дѣятельности въ Моравіи, восполняютъ скудный итогъ первоисточниковъ для біографіи славянскихъ апостоловъ и, къ утѣшенію славистовъ, подтверждаютъ безусловную правдивость главнаго изъ первоисточниковъ — обширной редакціи — «Житія (Паннонскаго) св. Кирилла». Профессоръ Вороновъ въ статьѣ «Научное движеніе по вопросу о св. К. и М.» («Труды Кіев. Дух. акад.» 1881 г.) даетъ полный анализъ вышеупомянутыхъ папскихъ посланій и оцѣнку сужденій о нихъ катол. ученаго, о. Мартынова. П. А. Лавровскій въ своей обширной статьѣ «Итальянская легенда»,— «Критическій разборъ изслѣдованій и мнѣній о ней и значеніе ея для исторіи жизни и дѣятельности славян. первоучителей» (Ж. М. Н. П. 1886, №№ 7 и 8) подвергъ обстоятельной критикѣ взглядъ р.-католическихъ ученыхъ на «Итал. легенд.», признавъ ее произведеніемъ болѣе позднимъ (XIV в.), слѣдовательно менѣе важнымъ, чѣмъ славянскія т. н. Паннонскія житія св. К. и М.

Въ 1893 г. акад. И. В. Ягичъ помѣстилъ въ Сборникѣ отдѣленія рус. яз. и словесности Акад. Наукъ, т. LIV, Спб., вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа, первоучителя славянъ, св. Кирилла». Это—письмо къ епископу Гаудериху Анастасія, библіотекаря ватиканскаго, во второй половинѣ IX в., современника Константина философа, найденное въ бумагахъ покойнаго Деллингера.

Надъ Кирилло-Меѳодьевскимъ вопросомъ потрудились у насъ, кромѣ уже названныхъ ученыхъ, еще особенно: О. М. Бодянскій, А. Ѳ. Гильфердингъ, прот. А. В. Горскій, В. И. Григоровичъ, Н. А. и П. А. Лавровскіе, И. В. Платоновъ, М. П. Погодинъ, И. И. Малышевскій, А. С. Будиловичъ, И. С. Пальмовъ, Е. Е. Голубинскій и многіе другіе (см. еще 50-лѣтіе научной разработки пространнаго житія св. К. ф.—А. Петрова. 1894 г. изъ «Чтеній въ общ. люб. дух. просв.»).

И всѣ эти труды, вся эта научная литература о первоучителяхъ славянскихъ съ непостижимымъ легкомысліемъ отвергаются вышеназваннымъ берлинскимъ ученымъ въ угоду стремленій, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой.

Соберись же, славянство, съ Россіей во главѣ, подъ священное Кирилло-Меѳодіевское знамя! Крѣпко держи его въ рукахъ! Ты видишь — въ этомъ священномъ для тебя знамени, *знамени единства и народной культуры*, врагъ усматриваетъ угрозу себѣ, своей тысячелѣтней противославянской политикѣ. Онъ прикрывается именемъ ложной науки, чтобы попрать ногами это священное для тебя знамя, которое можетъ одно спасти тебя и сдѣлать могучимъ и сильнымъ, но не для того, чтобы служить угрозой другимъ, а для того, чтобы, наконецъ, мирно и свободно развивать свою самобытную славянскую культуру, измѣна которой будетъ всегда измѣной своимъ народнымъ началамъ, своей народности, и неизбѣжно повлечетъ за собой—сначала паденіе, а потомъ и гибель народа. Пусть же служитъ тебѣ яркой путеводной звѣздой память великихъ славянскихъ апостоловъ, положившихъ начало этой славянской культурной самобытности!

Цѣна 50 коп.

Изданія Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Сборникъ «Старина и Новизна». 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества 1 р. *).

Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Валерія Лясковскаго. Цѣна 80 коп., для членовъ Общества 40 к.

Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. Соллогуба Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 коп.

С. А. Рачинскій, съ портретомъ. Н. М. Горбова. Цѣна 30 коп.

Памяти С. А. Рачинскаго † 2 мая 1902 г. Валерія Лясковскаго. Цѣна 20 к.

Татевскій Сборникъ, С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.

Бесѣды о древней русской литературѣ. И. П. Хрущова. Цѣна 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.

«Константинополь». Соч. Ф. Маріона Крафордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. В. Шереметевой, подъ ред. проф. Помяловскаго. Цѣна 50 коп., для членовъ Общества 25 к.

Меншиковъ. Историч. драма въ 5 дѣйств., въ стихахъ. Соч. В. Л. Величко. Съ портр. Меншикова. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

Война и Миръ (1805—1812). Съ историч. точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого «Война и Миръ» А. С. Норова. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

Собраніе народныхъ разсказовъ А. П. Катенкампъ-Сѣтковой. Цѣна 75 к.

Панихида 26 февраля 1904 г. На темы изъ древнихъ роспѣвовъ для хора мужскихъ голосовъ. Ст. В. Смоленскаго. Цѣна 1 р.

Сборникъ разсказовъ изъ русской и чужеземной жизни. Часы досуга. Составленъ подъ ред. И. П. Хрущова. Цѣна 75 коп.

Въ защиту просвѣщенія восточно-русскихъ инородцевъ по системѣ Ник. Ив. Ильминскаго Ст. В. Смоленскаго. Цѣна 40 коп.

Сборникъ документовъ музея графа М. Н. Муравьева. Т. I. Составилъ Б. Бѣлецкій. Цѣна 3 р., для членовъ Общества 2 р.

Инородцы въ Россіи. Современные вопросы. А. Е. Алекторова. Съ предисловіемъ и добавленіемъ А. С. Будиловича. Цѣна 50 коп.

Сборникъ чтеній по русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI в. Цѣна 1 р.

Галицкая Русь прежде и нынѣ. Историческій Очеркъ и взглядъ на современное состояніе. Очевидца. Цѣна 50 к.

Складъ изданій Общества: *С.-Петербургъ*, Фонтанка, 34. *Москва*, Воздвиженка, д. 8.

*) Гг. Члены Общества могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требуемые же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для постороннихъ лицъ.